

Прочтение Библии

пояснения и подробности некоторых деталей

Книга третья

Ханаан. Завоевание и период Судей

Оглавление

Обретение земли.....	4
Переправа через Иордан.....	4
Разведка Иерихона.....	4
Переход Иордана.....	7
Первые шаги.....	7
Разрушение Иерихона.....	8
Гай. Поражение и разбирательство.....	9
Взятие Гая.....	12
Служба на Гаризиме и Гевале.....	13
Гаваон. Союзники и подзащитные.....	14
Защита Гаваона от хананеев.....	15
Вторая война с Асорским союзом. Раздел земель.....	19
Второй раздел земли.....	21
Недоразумение с восточными племенами.....	22
Прощание Иисуса Навина.....	23
Период Судей.....	29
Конец войне.....	29
Первое порабощение и Гофониил.....	31
Аод Левша.....	33
Девора и Варак.....	35
Гедеон.....	39
Знамения.....	43
Сортировка.....	44
Судейство и ошибки Гедеона.....	47
Авимелех.....	48
Конец Авимелеха.....	52
Отступничество усиливается.....	56
Иеффай.....	58
Внутренние проблемы – ефремляне.....	62
Самсон.....	63
Далила.....	73
Без царя в головах. Миха и иконы Сущему, святилище в Дане.....	77
Содомский сюжет у вениамитян.....	81
Сражение.....	86
Предки Давида. Руфь.....	90
Иов.....	96
Интрига при дворе.....	96
Ад для одного.....	101
Речь Елифаза.....	104
Ответ Иова Елифазу.....	108
Речь Вилдада.....	111
Иов. Ответ Вилдаду.....	112
Софар Наамитянин.....	114
Иов. Ответ Софару.....	116
Вторая речь Елифаза.....	119
Иов. Второй ответ Елифазу.....	120

Вторая речь Вилдада.....	121
Иов. Второй ответ Вилдаду.....	122
Вторая речь Софара.....	124
Иов. Второй ответ Софару.....	124
Третья речь Елифаза.....	126
Иов. Третий ответ Елифазу.....	128
Третья речь Вилдада.....	129
Иов. Третий ответ Вилдаду.....	130
Продолжение речи Иова – славное прошлое.....	132
Иов. Продолжение речи. Настоящее.....	134
Иов. Правота – доказательства и заклѳтия.....	135
Последняя попытка Люцифера. Шут в трагедии.....	136
Восстановление.....	148

Обретение земли

Переправа через Иордан

Разведка Иерихона

Месяц Израиль оплакивал Моисея, ушедшего от них раньше своего срока. После того, как его не стало, его стали ценить намного больше, чем когда он был жив, как это часто бывает. Впрочем это поколение было не сравнить с прежним, но всегда есть, что можно сделать ещё лучше. Теперь у них был другой вождь, который имел поддержку небес, и были многие, кто решил не повторять прежних ошибок неуважения к Моисею и они высказали Иисусу Навину слова поддержки и требование быть твёрдым в осуществлении всего должного и правильного, и со своей стороны гарантировали, что те, кто не будут поддерживать его, будут казнены. Лишь бы он сам делал то, что должен, что Бог велит им сделать, чтобы он не подвёл их. Так сказали ему рувимляне со своими союзниками, получившие свои владения на восточном берегу Иордана.

Бог и сам лично говорил Иисусу почти то же самое, чтобы он был твёрдым и мужественным, чтобы быть успешным и как человек, и как руководитель. Ещё он получил наставление изучать оставленные Моисеем книги закона, в которых были записаны не только законы, но и история предыдущих поколений с их делами и их последствиями. "Изучай их день и ночь", сказал ему Суций, "чтобы точно выполнять написанное в них – тогда ты будешь успешен и будешь действовать благоразумно" (кто не знает истории, почти обязательно будет повторять ошибки прежних поколений, а знание чужих ошибок может помочь избежать не только их, но и каких-то своих собственных).

Бог отдал приказ готовиться к выступлению. Иисус со своей стороны уведомил начальников и распорядителей, чтобы через три дня были готовы в путь. Однако тем временем отправил в разведку двоих в Иерихон, чтобы узнать обстановку. Они долгое время были рядом с этим городом, свершили немало дел, и хананеи были наслышаны о их военных успехах, как и о всех событиях начиная от Исхода. Желание знать обстоятельства в тех местах, куда держишь путь, дело правильное, в прошлый раз сам Бог поддержал желание людей и Моисея в таком же точно деле, лишь подвели исполнители, заразившие общество своим настроением. Для подобного упаднического настроения в этот раз не было оснований, новое поколение видело помощь Бога в очень тяжёлых по человеческим меркам сражениях, поэтому Иисус не волновался, даже если бы разведчики принесли плохие новости. Они бы всё равно пошли и брали эту землю в собственность Бога.

Итак, пока двое молодых людей переправились через Иордан к Иерихону, остальные собирались. Выглядит так, что Иисус Навин никому не говорил о посылаемых разведчиках, помня историю, не желая возбуждать лишних пересудов. Думаю, разведчики отправились в одеждах, не выдающих в них евреев сразу же, хотя особо и не прятались – в город можно было попасть только через ворота, поэтому, не имея способности к невидимости, оставалось действовать открыто. Они зашли в город как и все остальные, и, надо сказать, их ждали. Не только разведка является древним делом, но и контрразведка также. В общем, то ли кто-то был среди стражи откуда надо, то ли специальный человек смотрел за входящими, но царю Иерихона было донесено, что в эту ночь в городе находятся израильтяне. И где они остановились, тоже было известно. Они, придя ближе к вечеру, увидели, что за входящими наблюдают, и подумали, что надо как-то затеряться. Они решили, что стоит пойти в какие-то заведения, где люди проводят время, где бы-

вают много людей, проводящих своё свободное время за едой или развлечениями, и следуя за потоком или же высматривая признаки публичных мест, дошли до заведения, бывшего трактиром либо гостиницей, с известного рода услугами. В трактир шли большей частью жители окрестностей и разные пришельцы. Если бы специально не ожидали гостей от Израиля, то никто на них ничего такого и не подумал бы. Но повышенная настороженность заставила наблюдателей доложить о незнакомцах, которых надо было проверить.

Хозяйка заведения, Раав, заметила внимание человека, известного ей, что он занимается безопасностью или военными вопросами. Понимая, что её посетителям-евреям грозит беда, она сразу предприняла меры. С её стороны это может казаться непатриотично, но это больше на наш сегодняшней взгляд. О евреях знали и их опасались многие, немалое число людей было также обеспокоено их опорой, их Богом, за счёт которого были одержаны все их победы, однако же никто так и не интересовался этим Богом серьёзно. Они ощущали себя в опасности от Него, но ведь так легко можно было избежать всех этих опасностей и от Него, и от Израиля... Их боги, конечно же, были их боги, менять их как бы неприлично, но всё, с ними связанное, было лишь в их воображении, они не были живыми и реальными. Эти боги были созданы ими самими, ну ладно, их предками. Когда люди, поклоняющиеся одним богам, думали о других племенах с другим пантеоном, это всегда было равнодушие, отношение к пустому месту... Не было за душой ни у кого ничего серьёзного и глубокого, только о своём родном и хватало силы воображать что-то, не очень мощное, это было просто атрибутом их личной жизни, их общества, выражением их собственного характера, не больше. Но отношение к богам чужих редко было серьёзным.

Раав близко ощутила этого реального Бога, в отличии от всех остальных. В Нём была какая-то живая сила, жизнь, реальные и мощные дела, и по сравнению с этим если и была жизнь помимо Него, то выглядела безцельной и бессмысленной. Те порядки, в которых жило их общество, не были здоровыми, и лишь с Его стороны веяло надеждой. Жаль, никого это не интересовало, сколь бы иной была судьба её города, а может и целого Ханаана. В общем, Раав увела посетителей во внутренние комнаты и попросила их подождать там, пока она постарается отвести от них опасность. И действительно, за ними вскоре пришли... От неё потребовали, чтобы она выдала им этих пришельцев, потому что они шпионы. Однако, зная что постоянного наблюдения за ними не было, она изобразила дело так, что они уже ушли перед закатом солнца. Ей поверили, это было вполне правдоподобно. Если это была поверхностная разведка, то было достаточно пройтись по городу и взглянуть на расположение тех или иных объектов, и этого было бы достаточно. Если бы разведчики на самом деле ушли сразу, то их могли перехватить в дороге, так что их задержка помогла им избежать погони. Когда город отправил погоню за этими евреями, Раав вывела разведчиков на крышу строения, где хранились снопы льна и говорила с ними о том, что ей было ясно в последнее время. Да и не только ей, но она одна не могла изменить позиции соплеменников, и времени на это уже не оставалось. Нравы в Иерихоне были строгие – она могла бы попробовать уйти из города, но всей её семье вряд ли дали бы это сделать. Осталось лишь сделать то, что сделала она. Поздним вечером она пришла к ним поговорить.

Либо эти разведчики знали язык хананеев, либо их языки были очень близки, что позволяло им не иметь проблем в общении. Прошло лишь тысячу лет от разделения языков, и многие народы даже разного происхождения всё ещё могли вполне понимать друг друга.

Она говорила, что знает, что их Бог уже отдал всю эту землю им, что всё это уже решено и изменено не может быть, Его силы слишком могущественны. Демонстрации силы в Египте, в переходе через море сорок лет назад, и свежие известия о разгроме Васана и владений Сигона весьма сильно подорвали боевой дух хананеев. Хотя никто из них не собирался уступать Израилю, всё же их намерения отдавали обречённостью, на победу никто не надеялся. Она сейчас по-

могла им спастись из рук охотников на них, и просила сохранить жизнь её родных, когда они захватят город, что было ей обещано и гарантировано их клятвой. Фактически, в ней уже была вера, совпадающая, а то даже и превосходящая их собственные представления о их Боге, и если бы среди хананеев нашлись люди, принявшие Суцего с Его законами, то эти люди были бы сохранены. Не только их жизнь была бы сохранена, но и об изгнании из Ханаана речи бы не шло, потому что была бы устранена главная проблема, из-за которой сама их земля стала свергать их с себя. Рассказы двенадцати разведчиков сорок лет назад о земле, поедающей живущих на ней, имели под собой основу, и как я уже говорил, евреи были виноваты перед хананеями не больше стихий, разрушающих дома и топящих корабли. Существует техника безопасности жизни, и те, кто игнорирует её, сами виноваты в своих бедах. Хотя нет, на тех, кто должен учить и напоминать о ней, лежит большая ответственность, но ведь большинство так или иначе слышано о том, что такое хорошо и что такое плохо, и только сильнее нарушают... Ничего нового в этом нет с начала истории падения человека. Многие научились игнорировать предупреждения о последствиях, выработалась своего рода игра, когда духовных лиц уважают, иногда даже очень уважают, выслушивают, однако дальше этого дело не идёт. В этой игре несколько сторон, сложные правила, виновные есть и среди слушателей и среди обязанных учить, и в результате получается, что "в кодексе чести считается существенным не приходиться на урок"¹.

Разведчики обещали помочь с этим, только поставили условие, чтобы все её родные были собраны в её доме, а на самом доме, в окне, выходящем на наружную стену, была вывешена красная верёвка, чтобы можно было знать их местонахождение. Она потребовала от них клятвы именем Суцего, и они дали её, этим закрепив своё обязательство, и это заклятие также хранило её дом, когда падали стены города. Раав спустила их из окна по верёвке, подсказав, как избежать встречи с теми, кто вышел за ними в погоню. То были умелые люди, так что нужно было избежать всякой встречи с ними, и по её совету они должны были переждать в горах три дня, пока будут вестись поиски в районе переправы. С горы они смогут видеть тех, кто ищет их, оставаясь сами незамеченными.

Благополучно избежав ненужных встреч, разведчики переправились обратно и вернулись в лагерь. Они принесли известия о моральном состоянии жителей Иерихона, и не только их, что практически все в Ханаане находятся в страхе от Израиля и его Бога. Мало того, их слова в корне отличаются от рапорта, сделанного сорок лет назад другими разведчиками – они сказали, что "все жители земли в страхе от нас", и главное, "Бог предал всех их в наши руки"... Они почувствовали это, и это удивительно, обычно производится оценка объективных вещей о противнике, но они уловили обречённость в ожиданиях людей и в их поведении. Время хананеев прошло, в подобных случаях многие другие народы уходили из мест, где их переставала приветствовать природа и окружающий мир, их где-то ожидало более подходящее для них место, но враг рода человеческого удерживал их, создавая козни Богу и Израилю, да и самим хананеям, не жалея человеческий материал.

Вы ощущали когда-нибудь силу бойкота? Даже простые люди обладают некой гипнотической действенностью, когда повторяют с соответствующей интонацией и выражением, что кто-то "должен уйти". Послушаешь их, и действительно начинает казаться, что даже хороший человек, заботящийся о стране, не может оставаться, должен уступить кому-то худшему, но другому. За всеми такими явлениями сегодня обычно стоит дьявол, сопровождающий своих последователей из сатанистских организаций, но это они копируют Бога, подражают его запретам. В то время такое воздействие на себе ощущали хананеи, но гордость не позволяла большинству из них поддаваться спасительному для них голосу.

Переход Иордана

Иисус Навин, услышав такой отчёт, ободрился и вдохновлял всех остальных этими вестями. Он отдал приказ выдвигаться к Иордану, и там, на берегу реки, люди провели ещё три дня. Наконец, до всех было доведено, что и отсюда они тоже уходят, и впереди всех пойдёт ковчег. Его несли левиты, и когда они вошли на некоторую глубину, не больше чем по колено, то вода, шедшая с севера, остановилась, как бы натолкнувшись на некую плотину, а остальная вода продолжала течь на юг, стекая и освобождая русло. Левитам было приказано остановиться и ждать, пока все пройдут на другой берег. В это весеннее время Иордан был переполнен, был большой разлив от дождей и тающих снегов в горах... Между отрядами племён и ковчегом расстояние было километр, Иисус распорядился, чтобы люди не подходили к нему ближе этого расстояния. Вчера людям было сказано освятиться, то есть вымыться и держаться подальше от вещей, где можно оскверниться (в том числе и от морального осквернения, от гнева и злословия и прочего), потому что завтра они увидят чудеса, Бог явит среди них свою силу. Многие, кто родился в пустыне во время странствий, не участвовали в переходе через Красное море, и им выпал шанс увидеть подобное снова. Левиты стояли и народ переходил, удивляясь тому, что видели своими глазами.

Однако этого было мало, Бог решил увековечить в памяти людей это событие более осязаемым образом. Были выделены двенадцать человек, по одному представителю от племени, чтобы с середины реки взять по камню и сложить их на западном берегу реки в памятник об этом переходе. И мало того, с берега были взяты столько же камней, и помещены в реку на месте, где были взяты речные... Людям это очень нравилось.

Пока левиты с ковчегом стояли, люди поспешили перейти на другую сторону. Первыми шли племена Рувима, Гада и Манассии, семьи которых остались на востоке. После замещения камней на середине реки Иисус отдал распоряжение, чтобы левиты с ковчегом выходили из реки, и едва только они вышли на берег, вода, стоявшая выше по течению, с рёвом устремилась по руслу, как ей и положено по законам гравитации, когда внешняя сила удерживания исчезла. В этот день авторитет нового вождя взлетел высоко, хотя Израиль и так уже был настроен слушать его так же, как Моисея. Люди получили знак, что их руководитель пользуется благосклонностью неба, для многих эта сторона дела была важной, хотя важнее было, чтобы и он и все остальные понимали Бога и не сходили с Пути – так было бы куда надёжнее.

Первые шаги

Слыша рассказы о делах Бога вокруг Израиля, не только в Иерихоне случался упадок духа, но когда весь Израиль в разгар половодья перешёл Иордан практически посуху, хананеи помрачнели ещё больше. Хотя надо отдать должное, при всём упадке духа они собирались сражаться, только не рассчитывали на победу. Уходить как будто никто не собирался. Хотя вполне возможно, что на территории сегодняшнего Ливана живут многие, кто в результате войн и поражений ушли туда, на север, летописцы Библии не оставили на этот счёт почти никакой информации², они описывали лишь конкретные сражения.

В силу таких ожиданий и настроений никто не предпринял похода против пришедших израильтян, хотя некоторое время они были довольно уязвимы. Во время хождений по пустыне требование об обрезании не соблюдалось, большей частью оттого, что Бог засчитал им отказ войти в Ханаан за измену завету, хотя походные условия считались достаточным извинением также. Но сейчас большая часть мужчин была необрезанной по завету Авраама, и пришло время

2 Гиганты, жившие в Хевроне, ушли из него, когда Халев собрался захватить этот город, и он выпустил их.

исправить это упущение. Несколько дней мужчины после этой операции были недееспособны, но никто не побеспокоил их.

Находясь в этом месте, как его назвали, в Галгале, они провели Пасху, и на следующий день этого праздника перестала падать манна, к которой они привыкли за сорок лет. Это был признак, что теперь они дома.

Разрушение Иерихона

Иисус Навин вышел поглядеть на город, ближайший к ним, Иерихон, являвшийся своего рода воротами к Ханаану, желая лично рассмотреть его устройство. Он пока ещё не знал, каков будет план действий, как надо будет брать город, Бог ещё не объявлял ему об этом. Здесь он увидел незнакомца внушительного вида, который держал в руках обнажённый меч. Вождь Израиля не ощущал угрозы от него для себя, он был не из робких, напротив, ему было интересно узнать, что это за человек перед ним. Он подошёл к нему и спросил – "Ты наш или из наших неприятелей?" Опять стоит подчеркнуть, что даже если это был бы кто-то из хананеев, ему должен был быть понятен язык евреев, настолько они были близки тогда. Однако его ожидал сюрприз, это оказался не человек, незнакомец ответил, что он "Вождь войска Сущего".

Конечно, можно подумать первым делом, что это один из старших ангелов, но всё же должность главнокомандующего войска небес даёт основания подумать и о божественной природе этой фигуры. Но основное соображение в пользу божественности этого Военачальника то, что он не стал препятствовать Иисусу Навину, когда он поклонился ему. Ангелы, даже самые главные в структуре управления небесной империи, не принимают поклонения... Главнейший из главных – Гавриил, не был удостоен поклонов ни от Даниила, ни от девы Марии, ни от Захарии, отца Иоанна Крестителя, ни от Иоанна Богослова; и когда Иоанн пытался это сделать, то получил выговор за это. Если же некий ангел принимает поклонение, то это Ангел-Сущий, которого мы знаем как Сына Божьего. Хотя есть ещё и Люцифер, стремящийся к божественности, потребовавший поклонения даже от Сына Божьего, но к описанным случаям он не имеет отношения, с ним другое – ему бы этого очень хотелось, но его природа не достаточна для этого, он создан Сыном Бога и не имеет права на поклонение.

Услышав ответ, Иисус Навин склонился перед ним и спросил, какие будут указания. Первым делом небесный посетитель сказал ему снять обувь, поскольку он сейчас стоит на священной земле, освящённой присутствием Бога, как когда-то говорил это Моисею. После этого были даны конкретные указания, каким способом будет произведено разрушение Иерихона. Для этого нужно было семь дней обходить город в молчании, и в седьмой день народ должен был воскликнуть и одновременно должны были протрубить трубы. Все слышаны о иерихонских трубах, от звука которых упали стены Иерихона, это было как раз тогда.

Согласно полученным указаниям была начата необычная процедура по взятию Иерихона. Это должно было показать, что вся война по изгнанию из Ханаана его прежних обитателей не является человеческой, не исходит от евреев, ни от каких их козней или злобных замыслов, но от Хозяина всех земель и всех народов. Как я уже отмечал, в Библии не раз особо выделяется тема первенцев, идея начала. Поэтому Иерихон, к разрушению стен которого не был причастен человек и его оружие и даже его военные умения, должен был быть посвящённым целиком Богу, ничего из его добычи не должно было попасть в руки людей. Всё было заклтым. Жители Иерихона с их отчётливым пониманием угрозы от явившегося на их землю Сущего имели прекрасные возможности уйти из этих краёв и, думаю, что многие сделали это, спасая жизни свои и близких. Те же, кто остался до конца, представляли, на что шли, поэтому их гибель была их выбором.

Пока Израиль осматривался после перехода, также те дни, пока они выздоравливали после операции, у них было время на раздумья.

Каждый день вокруг Иерихона ходила необычная процессия – сначала шли воины с оружием, за ними следовали семь священников с трубами, трубя в них, за ними несли ковчег завета, и за ним следовали все остальные, кто был способен к самостоятельному передвижению, включая женщин и детей. Все они двигались молча, никто не должен был подавать голос в этом ходе. Неплохое упражнение в медитации – идти рядом с друзьями и близкими, и при этом не иметь возможности говорить. Обычно мало кто упражняется в этом, а зря, такие возможности упускают...

В молчании, в сосредоточении, в концентрации мысли кроются определённые вещи, обычно остающиеся неразвитыми. Некоторые люди настолько избегают самостоятельного мышления, что не могут проводить своё время без чего-то интересного: слух, радио со времени его изобретения, а сегодня работающий телевизор выполняют роль заглушки мысли, чтобы случайно не подумать о чём-то серьёзном, требующем осмысления, особенно о своих недочётах. Очень недобрая привычка, хоть насильно погружай людей в обстановку, где нет возможности убежать от самого себя. Но вряд ли в этой жизни появятся такие потребности у общества, чтобы дошло до такого, а в новой жизни таких людей просто не окажется. Чтобы войти в жизнь, нужно осознание многих и многих вещей, имеющих отношение к познанию и совершенствованию себя. Уклоняющиеся от этого долга уклоняются от света...

На седьмой раз, в седьмой день нужно было обойти город семь раз, и когда раздастся звук юбилейной трубы, нужно было подать голос, выплеснуть можно было всё, что к этому моменту накопилось. Когда пришёл этот момент, все разом начали кричать, сопровождаемые всеми трубами, и стены Иерихона рухнули. Воины каждый со своей стороны направились в город и захватили его. Участок же, где была вывешена из окна в стене красная верёвка, указывающая дом Раав, оставался целым. Все находящиеся там были выведены теми людьми, что были у неё в прошлый раз, принесшими ей клятву, и дальше они жили вместе с Израилем. Позже Раав, вышла замуж за одного иудея, видимо она была вполне красивой и молодой ещё женщиной. Её потомство оказалось знаменательным, это и Давид с Соломоном, и сам Мессия, Иисус Христос. Не в национальности было дело, из-за которого Бог зачищал Свою землю, а в образе жизни...

Город был заклят – Иисус Навин запретил восстанавливать этот город, если же кто-то решится это сделать, то первый камень фундамента он положит на своём первенце, и его ворота поставит на младшем сыне, то есть первый и последний сыновья пострадают от несчастных случаев при начале и окончании работ. Он стоял в удобном месте, в нём по данным археологов, торговали солью с Мёртвого моря, и многие могли считать очень выгодным делом поселиться в этом месте, так что предупреждали не зря. Также вообще всё имущество Иерихона было под заклятием, однако же один человек не удержался и взял пару ценностей себе, что привело к очень неприятным последствиям для Израиля. Его преступление обнаружилось чуть позже, когда Израиль собрался воевать со следующим селением поблизости.

Гай. Поражение и разбирательство

Вскоре после окончания дела с Иерихоном Иисус Навин послал разведку в Гай, находящийся недалеко от них. Посланные вернулись и сообщили, что селение маленькое, и что ходить туда всем народом нет никакого смысла. Почему-то они дали оценку предстоящему делу, хотя вряд ли имели такие полномочия, однако же те, кто принимали решения, согласились с их оценкой. В прежние времена израильтяне были склонны преувеличивать трудности, однако в этот раз они впали в другую крайность. Даже Иисус Навин, достаточно опытный человек, после Иерихона впал в какую-то эйфорию и не сделал многого, что должен был сделать, полностью

положившись на мнение разведчиков. Все они как будто думали, что и дальше всё будет делать Бог, а им останется лишь собирать трофеи. Впрочем нет, умом понимали, что хотя Бог будет помогать и поддерживать, но всё же воевать дальше им, только в этот раз оказались чересчур беспечными. Похоже, что преступление Ахана, кто взял зачатое, привело к такому удручающему положению вещей – Бог оставил их.

Они не должны были попадать в проблемы, перед всяким сражением и очередной кампанией Иисус и другие должны были совещаться с Богом, узнавать Его планы как минимум через Урим и Туммим первосвященника, но сейчас не сделали ничего такого. Едва попытавшись контактировать с Богом, они узнали бы, что что-то сильно не в порядке. Это было бы обнаружено либо по отсутствию ответа от Бога, либо Он предупредил бы их об осквернении народа и что пока не будет устранено нарушение, отвечать им не будет. Поскольку Ахан действовал тайно, никто не знал о нарушении зачатия, поэтому гнев Бога не приводил к наказанию всех, но всё же коммуникации с Ним были разорваны. Правда, могло быть и так, что кто-то мог видеть действия Ахана и покрыть его проступок, но это вряд ли. Скорее всего он прикрыл свои находки, и потом, когда их не заметили и не собрали для храма, вечером вернулся и перенёс всё домой. Единственные, кто были в курсе его нарушения, это его семья, но, видимо, нравы древности были несколько иными, чем сегодня – сознательных не нашлось, свои значит свои. Поэтому и доставалось в серьёзных случаях и членам семьи – за поддержку в неверном деле, согласие с ним и соучастие. Во многих странах законы случаи соучастия квалифицируют как сговор или групповое действие, что служит отягчающим моментом...

Поскольку посчитали, что достаточно будет послать три тысячи человек, столько и послали в Гай. Там тоже настроение не было бодрым ввиду наличия у Израиля мощнейшей силовой поддержки, однако же в отчаянной попытке дать отпор захватчикам жители Гая неожиданно для себя преуспели. Опытные воины, они не видели в пришедших к их стенам каких-то непобедимых умельцев военного дела, так что когда вышли из ворот и сразились, сразу увидели, что побеждают. Евреи побежали, ощутив, что дела почему-то пошли не так, как ожидалось, и спасло их лишь поспешное бегство. Погибло их очень немного, тридцать шесть человек, но это поразило их сильнейшей неуверенностью – все их страхи о Ханаане вдруг ожили, прежние сомнения о Боге оказались реальными...

Когда Иисус Навин узнал о произошедшем, сначала он подумал самое плохое, но Бог не спешил его успокаивать и просвещать, он должен бы был сам немало передумать и сделать выводы. В отчаянии он лежал на земле, боясь больше всего, что Бог их оставил, крича про себя к Богу о причинах случившегося. Однако же не стоило сомневаться слишком уж сильно – Израиль ведь совсем недавно успешно воевал на восточном берегу Иордана, рассыпал стены Иерихона, остановил Иордан. Бог был с ними везде, и если сейчас что-то пошло не так, то это должно было иметь причину. Вот если бы они из Египта без больших задержек пришли в Ханаан, не имея опыта войн и их опыт первого самостоятельного сражения обернулся поражением, то можно было бы отчаиваться. Но когда разум сильно смущён, то здравые мысли с большим трудом пробиваются к сознанию, поэтому простейшие соображения так и не были осознаны сразу. Однако же за время до вечера, когда Бог стал отвечать на его зов, вождь был готов услышать объяснения.

Однако же это поражение кроме уроков для вождя Израиля и для всех остальных принесло и некоторые последствия – расстановка сил в мире теперь изменилась. Что изменилось – их преимущества в виде непреодолимой силы, сопровождающей их и слава их Бога вдруг померки, хананеи ощутили, что воевать с ними вполне можно и евреи вовсе не непобедимы, и их Бог вроде не сильнее их богов, либо почему-то отказался от евреев. Они не знали, в чём дело, но их уныние прекратилось, что утяжелило задачу Израиля и сбilo настрой самим израильтянам. Сила Бога не уменьшилась, она также сопровождала евреев, однако же после этого хананеи ста-

ли храбрее и воевать с ними пришлось намного больше... Иисус видел проблему в том, что если Бог их на самом деле покинул, то теперь они будут лёгкой добычей для любого желающего. Всего лишь один поступок всего лишь одного человека нанёс большие повреждения делу Бога и помог их врагу.

Думаю, что Иисус понял по крайней мере главный свой промах, что он не спросил Бога, посчитав вместе со многими другими, что дело перед ними лёгкое. Но даже если оно на самом деле было бы таким, пренебрегать руководством свыше никак не стоило, полагаться на себя, когда в знаниях и в разуме имеются иной раз зияющие провалы. Мы никогда не располагаем полнотой информации обо всём, бывают лишь частные случаи, когда мы обладаем достаточными сведениями для своего конкретного случая, поэтому в любом случае стоит обращаться в Центр как минимум за благословением, если оттуда нам даже и не сообщат чего-то нового.

Бог ответил, после того, как Иисус стал говорить к Нему, сообщив о том, о чём люди знать не могли, что некто нарушил завет, и из-за этого Бог просто не может помогать им. То, что люди не могли этого знать, дела не меняло. После этого, думаю, они и сами прекрасно поняли, что если бы обратились к Нему прежде, чем посылать отряд против Гая, то ни малейшей проблемы бы не было и люди бы не погибли. Бог ещё добавил, что пока из лагеря не уберут заветное имущество Иерихона и пока с нарушителем не разберутся, то Он так и будет в стороне от них. Он дал указание, как выявить виновного и что с ним сделать после этого. Разбирательство и поиск начались с утра следующего дня, то есть до этого времени у преступника было благоприятное время, чтобы отвести угрозу хотя бы от своей семьи, хотя, кто знает, может быть и сам бы остался жив, если бы его простили соратники погибших по его вине. Но никто не пришёл с повинной.

На следующий день собрался весь народ и началась процедура выявления нарушителя. Без Бога, без Его прямого участия такая процедура не имеет смысла, а догадки и психология не всегда надёжны, хотя и бывают очень хороши в умелых руках. Но главное то, что люди вообще-то нормальны как раз когда взаимодействуют с Ним, подобно как компьютеры способны на гораздо большее, когда соединены в сеть, и Бога так и хочется сравнить с огромным сервером, без которого остальные рассыпаются на мелкие единицы вместо мощной группы. В контакте с Ним даже отдельный узел выдаёт намного больше, чем сам по себе, и человечество многого лишилось, потеряв контакт.

К первосвященнику, стоящему рядом с Иисусом, подходили по очереди представители племён, и когда подошёл князь Иуды, Иисус увидел реакцию камня. Так было узнано, что завет нарушил кто-то из иудеев. Затем стали подходить представители семейств из этого племени, и было указано семейство Зары, из этого семейства указан дом Завдия. В нём были не одно поколение, но число семей было не очень большим, поэтому Иисус велел подходить по одному уже главам отдельных семей. Из них был выделен Ахан, сын Харми, сына Завдия³. Бог указал виновным его, однако же для народа, как и для самого Иисуса было важным узнать что случилось от него самого, и был ли он виноват на самом деле.

Поэтому Иисус Навин потребовал от него рассказать правду, и Ахан рассказал. Он всего лишь очень уж привязался к красиво выглядящей шумерской одежде, с которой рядом очень уж удачно лежал слиток золота в фунт весом, и серебра тоже оказалось при этом килограмма два. Он нисколько не желал никому зла, не хотел думать о себе как о преступнике и нарушителе завета, как о воре, обкрадывавшем Бога, который добычу Иерихона объявил своей – нет, он лишь очень захотел это иметь, без этого жизнь показалась ему мизерной. Поэтому сразу ли, когда его никто не видел в доме, куда он зашёл, то ли прикрыл чем-то найденное и вечером вер-

3 Кстати, неплохая иллюстрация для тех, кто считает, что евреи были в Египте 400 лет, нереальные цифры возрастов и рождения первенцев для всего лишь пяти поколений. Как и многие другие подобные случаи.

нулся за добычей, но он принёс это домой и, зная, что показывать это сейчас никому нельзя, закопал внутри своего шатра. Он признался во всём, но слишком поздно. Из-за него погибли люди, из-за него история войн пошла по другому пути, главное, что и без этого он мог прожить прекрасно. В дальнейшем, если уж он так был бы жаден до добычи, впереди её было немало. Он видел, как вернулся отряд из Гая и рассказал новости об убитых и поражении, повергшем многих людей в отчаяние. Ему бы пойти признаваться тогда, до того, как его уличили, но он был уверен, что никто его не видел, а подобных случаев уличения ещё не было в их истории, и он надеялся, что как-то это всё само собой рассосётся, что Бог смирится с наличием заклётого в народе... Однако же, если бы эти вещи, подпавшие под заклётие, продолжали оставаться в лагере, и не было рабительства по этому делу, то, думаю, что история Израиля на том бы и закончилась. Есть вещи, которые вызывают гнев у Бога, и в лучшем случае они потеряли бы завет и им осталось бы уйти куда-то подальше от всех, на край света. И как можно скорее.

Посланные нашли в шатре Ахана всё перечисленное, как он и указал. Иисус Навин сказал ему – за то, что ты навёл беду на весь народ, Сущий наводит беду на тебя. Всё общество по указанию Бога взяли все эти вещи, вместе с его семьёй и всем имуществом и животными, и побили камнями, а после сожгли. "Если я нарушу эту мою присягу, то пусть рука моих товарищей..." Это было сделано в долине Ахор, имя это означало "попавший в беду". Над местом пепелища набросали камней, этот холм остался с тех пор памятником и предостережением любому, кто помыслил бы протянуть руку к заклётому. Это действие сняло проблему, гнев Бога отошёл, утих, и теперь Израиль снова имел канал связи с Ним и защиту.

Взятие Гая

Теперь можно было вернуться к проблеме с очень крепким орешком, каковым оказался этот маленький город. Бог сказал Иисусу, чтобы он взял с собой всех, кто мог воевать, не так, как разведчики дали поначалу легкомысленный совет идти туда с тремя тысячами человек. Думаю, что если бы не поражение на первом же самостоятельном шаге в Ханаане, то Бог мог бы устроить что-то показательное и с Гаем, но теперь им нужно было пройти с начала, с азов, с унижением для себя набирать опыт войны, задавливая противника числом, как минимум в этом конкретном случае. Хотя тут могло быть ещё обстоятельство, что поскольку Иерихон был ключевой крепостью на востоке Ханаана, то и этот небольшой Гай мог быть стратегическим укреплением, и жили там, скорее всего, воины резерва для поддержки Иерихона. Похоже, это были умелые и опасные воины. Иерихон стоял недалеко от реки в низине, у цепи холмов, а выше него к западу находился Гай. Эти два укрепления охраняли восточный край у реки от моавитян, аммонитян, жителей Васана и других опасных соседей, держали границу. Поэтому удивителен промах тех, кто ходил выведывать, как живёт Гай, да и самого Иисуса, не оценившего стратегическое расположение этих селений. Даже если бы Ахан не подвёл всех с заклётым, то тем трём тысячам пришлось бы непросто. Они должны были спросить Бога, что и как делать с Гаем, и то, что они не спросили у Него совета, всё равно должно было привести к какой-то проблеме, пусть не такой опасной, как было в реальности. Кстати, я очень уж убеждён, что то, что они не посоветовались с Богом при планировании операции против Гая, тесно связано с преступлением Ахана... На всех напала излишняя самоуверенность именно оттого, что Бог оставил их. Что было делать, спросите вы? Да, это сложно, но если бы человек проверял себя, проверял наличие контакта с небом, если бы была такая привычка (очень нужная и критично важная привычка) у многих, то хотя бы кто-то забил тревогу, ощутив, что что-то не так, какая-то пустота вокруг. Но жизнь учит...

С Гаем было проще и привычнее, заклётия на имущество не было, воевать надо было своими руками, не как с Иерихоном. Ещё с ночи Иисус послал тридцать тысяч человек к городу. Те-

перь он понимал, с кем имеет дело, поэтому планировал тщательно. Помощь Бога может быть разной, и даже там, где есть Его помощь того или иного уровня, самому надо работать так, как будто именно от тебя зависит всё. Когда говорят "на Бога надейся, а сам не плошай", то обычно думают, что эта поговорка принижает Бога, однако же это на самом деле один из важнейших принципов сотрудничества с Ним. "Проклят, кто дело Сущего делает небрежно"⁴ – так Он говорит об участии человека в Его делах. Он сам является Мастером во всём, и человека сделал с этими же способностями и потребностями, так что делать какое угодно дело небрежно, как правило, редко бывает оправданным, разве что для ученика, когда он потратил все силы, но ещё не научился делать как надо, или когда нужда или опасность заставляет спешить и нет времени шлифовать шероховатости, довольствуясь неполной функциональностью.

План операции был передан свыше, Иисус Навин ознакомил с ним командиров отрядов. Придя к Гаю, он отделил пять тысяч в засаду с запада от Гая, сам находясь с севера. Ожидалось, что жители города, увидев снова войска перед городом, выйдут и атакуют их, что и случилось. План был таков, чтобы сделать вид, будто воины Гая очень успешны, побежать от них, как это было в прошлый раз и этим выманить их из города, а засада с запада после этого должна захватить его. Так и было осуществлено. От атаки жителей Гая евреи побежали, и хананеи поверили в свои силы, поверили в превосходство своих богов над еврейским Яхве, и созвали всех умеющих держать оружие, в погоню за убегающими. Отдалившись от города, Иисус Навин услышал приказ Бога – "поверни своё копьё к городу". Он остановился и подняв копьё, направил его в сторону Гая. Люди в засаде видели происходящее и, увидев сигнал, выскочили из укрытий и ворвались в город, остающийся открытым. Они быстро зажгли его и скоро гнавшиеся за израильтянами обнаружили, что их город горит. Засадный отряд вышел из города и атаковал жителей Гая сзади, а убежавшие остановились и тоже напали. Скоро с Гаем было покончено.

Служба на Гаризиме и Гевале

Ещё Моисеем было передано распоряжение Бога после вхождения в Ханаан провести торжественное служение чтения Закона и произнесения благословения и проклятия. Теперь, после того, как два укрепления, стоящие на пути в Ханаан, были устранены, Израиль мог выполнить это. Из лагеря в Галгале они прошли к горам Гевал и Гаризим, находящимся неподалёку. На горе Гевал устроили жертвенник из цельных камней, которые обмазали известью и на них написали выдержки из Закона Моисея, включая десять Заповедей. Были принесены жертвы, хотя как правило на таких жертвенниках нельзя было этого делать, только на храмовом жертвеннике, но по распоряжению Бога иногда это делалось. На склонах гор встали племена, кому как было назначено ещё Моисеем⁵, и интересно, что рядом с евреями стояли люди, названные "пришельцами". Вряд ли там было много тех, кто выходил с Израилем из Египта, довольно много из них не пережило странствий по пустыне, они как правило были первыми в разных скандалах и проблемах, но самые здоровые из них не имели никаких проблем. Семья Раав тоже присутствовала здесь.

Прозвучали слова благословений, на которые звучало громкое "аминь" с горы благословения, с Гаризима, потом проклятия на делающих зло, подтверждённые громкими "аминь" с Гевала. После этого Иисус Навин читал закон Моисея вслух народа. Подобные чтения Закона должны были происходить в этой земле каждые семь лет в конце субботнего года. Людям нужны напоминания, если этого не делать, не сверять хранящееся в памяти с оригиналом, то могут происходить отклонения, aberrации, накапливаться ошибки – наше восприятие довольно субъективно. В последующее время именно это и произошло, люди многое забыли и многое понималось ими неправильно, так что во времена судей это составило огромную проблему.

4 Иер.48,10

5 Втор.27

Гаваон. Союзники и подзащитные

Вести о приходе Израиля в Ханаан и разрушении Иерихона и Гая достигли многих племён, и они провели переговоры друг с другом, придя к довольно единодушному решению объединиться и дать отпор евреям. Назревали действительно серьёзные столкновения, однако же кое-кто думал иначе.

В Гаваоне жили сильные и храбрые люди, к ним приходили послы и звали их на совещания против Израиля, однако, кроме силы, они отличались и неплохо работающей головой. К сожалению, они не имели полноты информации, иначе решили бы тот же самый вопрос немного иначе и с гораздо большей пользой для себя. Они трезво оценивали ситуацию в рамках известного им, что Израиль имеет мощнейшую поддержку божественных сил, и что становиться на пути лавины неразумно. Они не разделяли энтузиазма тех племён, что были подальше от израильтян, сами находясь к ним довольно близко. Они слышали, что с местными евреями не могут заключать союзы, поскольку должны выгнать всех живущих в Ханаане. Знай они, что при отказе от многих злых дел и обычаев, которые обычно люди понимают, что они плохие, но не находят возможности (чаще желания) отказаться от них в силу их слишком привычной укоренённости, их бы приняли как братьев, пусть не на уровне одного из новых племён Израиля, но хотя бы как пришельцев, но это всё равно уровень "своих", то скорее всего так бы и сделали – пришли бы и сказали, что принимают их Бога и согласны жить по правде. Сами они, обсуждая проблему в своей среде, были готовы ко многому. Но не зная всего этого, решили схитрить. Они собрали еду и одежду самую изношенную и испортившуюся, какие только нашлись и в таком виде пришли в лагерь израильтян. Они просили союза, представляясь очень далёким племенем. Они говорили, что издалика услышали о их Боге и Его делах с ними и захотели иметь с ними союз и договор. Они шли так долго, что износили одежды и их пища испортилась за время пути сюда. Израильтяне проявили разумный скептицизм, пытались узнать больше, однако же разум человека не смог преодолеть даже простейшей хитрости гаваонитян. Они почему-то опять не догадались, ни один, пригласить первосвященника и проверить слова пришельцев на непогрешимом детекторе лжи, камнях Уриме и Туммиме, спросить через них своего Бога.

Собственно, их проблема, почему они столь часто упускали простые, казалось бы, меры, была в том, что не стремились быть на связи со Всевышним. Не было стремления соответствовать, хотя пользоваться всеми благами от покровительства Сущего были не против. Один Иисус Навин не мог преодолеть всеобщей духовной лени огромной массы, поэтому всё так происходило, как происходило.

Самое главное, кому-то из князей похожая мысль в голову пришла, евреев спросили, не живут ли они поблизости и только притворяются пришельцами издалика. Но надолго эта здравая идея не задержалась. Евреи хорошо сыграли на том, что людей, собравшихся посмотреть на гостей, было много, и ответили на это не тому, кто задал этот вопрос, а Иисусу Навину и всем остальным, проигнорировав подозрение – "мы ваши слуги". Может быть, это притупило бдительность, польстив чьему-то самолюбию? После этого Иисус Навин спросил, откуда же они пришли. Гаваонитяне вместо ответа о направлении и расстоянии ответили пространном рассказом о слышанном об Израиле и их Боге, как они собирались и что говорили старшие их народа, в общем заговорили и заболтали всех. Евреи видели, что эти люди признают их Бога, и это было весьма неплохим знаком, настолько важным, что будь пришельцы даже их соседями, они могли бы рассчитывать на принятие, может быть поэтому они согласились не вникать в дело дальше и удовлетворить их просьбу. И израильтяне приняли их хлеб, хотя он был чёрствый и заплесневевший, и союз был заключён.

Хотя для Бога этот союз соответствовал Его намерениям, поскольку был основан большей частью на здравых принципах, но то, что сделано это было не должным образом, не делало чести руководству Израиля. Простые люди немало возмутились, когда оказалось, что эти дальние союзники живут в трёх днях пути от их лагеря, но клятва именем Сущего сдерживала их теперь от расправы с обманувшими их. На евеев было произнесено проклятие за обман, хотя не самое плохое, всего лишь прислуживать святилищу, поставляя ему дрова и воду, но всё же символически ограничивало их свободу. Этот оброк не выглядел слишком тяжёлым, причастность же к святилищу даже в некоторой степени приравнивала их к левитам, что удивительно, а также помогло им больше знать о том Боге, весть о котором много изменила в их жизни. Этот союз не привёл к тому, что язычники внесли в жизнь Израиля языческое влияние, эти язычники перестали быть язычниками. Практически единый язык, послушание нормам Закона удалило из их среды те обряды и обычаи (по крайней мере их стало намного меньше), которые были аморальны, так что они практически ничем не мешали Богу и Израилю в их делах. За явное идолопоклонство могли быть уничтожены целые города и даже племена, поэтому договор о союзничестве, продолжи гаваонитяне свой прежний образ жизни, не мог бы их защитить.

Защита Гаваона от хананеев

Пока многие в Ханаане думали и совещались, как быть с новым народом, вытесняющим их с их земли, соседи гаваонитян узнали, что они теперь союзники Израиля. Они расценили это как измену и несколько городов-государств объединились, чтобы наказать евеев. Их испугало, что Израиль обрастает ещё и союзниками, однако мне кажется, что им бы стоило оценить другую сторону дела – что с Израилем можно, оказывается, договориться и вести дела. Я уже описывал принцип, на котором это было возможно, впрочем понятно, что не все согласились бы менять своих богов и образ жизни.

Менять образ жизни – однако же насколько? Многим такое кажется неприемлемым, но в те давние времена уклады жизни и культуры не были слишком уж далёкими друг от друга. Отказаться от зла, от вещей, несущих в себе разрушение – это обычно никак не затрагивает обычаи и особенности народов, разве только если дело зашло слишком далеко. Мне кажется, что для тех времён менять практически ничего и не требовалось, внутри каждого народа всегда есть те, которые против разнузданного веселья, ведущего к нарушению тех или иных правил, кто сам выступает и учит в своей среде за чистоту нравов и здоровую общественную жизнь. Единственными пострадавшими были бы жрецы их культов, также может быть, если бы в те времена существовали деятели культуры, живущие за счёт религии и обрядов, для них тоже это могло быть заметно. Если какой-то народ вдруг увидел бы, что их боги не существуют, не живут и не могут ничего делать, столкнувшись в реальности, где есть лишь один настоящий Бог, то вряд ли бы вообще могла возникнуть проблема культурных и национальных особенностей, всё лишнее и ложное отлетело бы само собой. Сегодня подобные проблемы решают как правило люди по отдельности, лично для себя, но в более патриархальные времена не было препятствий осознавать подобные вещи и совместно. Кроме этого, вовсе не требуется унифицировать национальные черты и культуру, они все, в основе своей здоровые и выражающие характер их народов, лишь обогащали бы общество, несущее свет. В последней книге Библии, Откровении, говорится, что в Новый Иерусалим все народы принесут свою славу и особенности, всё, что составляет их национальную гордость, а не оставят за его воротами... Даже в вечности нет нужды оставлять или отказываться от своей национальной идентичности. Думаю, политика Бога в этом отношении ясна, и не должна вызывать вопросов.

Иерусалимский царь созвал ближайших своих союзников, чтобы воевать с Гаваоном, не дожидаясь, пока раскочуются более отдалённые, не видящие проблем для себя. Они пришли к Гаваону и расположились там, показывая свои намерения. Гаваонитяне видели, что их сил недостаточно, к тому же они имели союзников, поэтому срочно послали в Галгал, в лагерь израильтян, за помощью. Они сообщили, что против них собрались жители горных областей. Израиль срочно собрался и выступил к Гаваону, и в этот раз Иисус обратился к Богу с вопросами, как быть и что именно делать. Бог ободрил его, чтобы он не беспокоился, все их враги будут разбиты, они уже предназначены к поражению, как Бог сказал – "Я отдал их в твои руки".

Спеша на помощь, израильтяне шли также и ночью. Они успели, осадившие Гаваон ещё не успели причинить вреда городу. Появление евреев оказало на хананеев какой-то неожиданный эффект, их не ожидали увидеть так скоро и они впали в замешательство. Может быть евреи и были уставшими с марша, но видя определённый ступор противника, не ожидавшего подкрепления у осаждённых, поспешили реализовать своё преимущество. Успех был полный, и хотя хананеи пытались сопротивляться, однако их дух был сломлен. В основном, весь день был потрачен на преследование убегающих по разным направлениям противников. В этом сражении в дело вступали даже нечеловеческие силы, помогающие Израилю. Когда убегающие спускались по склону, вслед им полетели большие камни, нанёсшие им очень серьёзные потери. В этот день несколько застоялись светила, которым Иисус Навин дерзнул приказать, чтобы они, солнце и луна, тоже присутствовавшая в тот день на небе, остановились... Слишком много было народа на поле битвы и Израиль не успевал за светлое время догнать всех убежавших и огрызающихся врагов, поэтому Иисус, оценив обстановку, почему-то решил, что так тоже можно – задержать наступление вечера и темноты. Почему бы и нет, Бог на их стороне, если не сейчас, то когда? Было в этом некое озорство, но он неплохо разобрался в их Боге, и ожидал, что и это получится. Думаю, что остановка Солнца и Луны в тот день не была остановкой вращения планеты, а оптическим эффектом, переводившим свет светил в нужное место, хотя думаю так лишь потому, что остановка вращения Земли должна была бы причинить много проблем тем, кто находился на ней, как и для самой планеты, хотя и этому, в принципе, сильно бы не удивлялся. Чудеса могут быть и очень масштабные, с отменой гравитации и инерции, сколько бы сил для этого ни потребовалось, у Бога их всегда достаточно.

Чудеса, сверхъестественное... Насколько всё это реально и возможно? Нам много говорили о законах природы, что "наука всё доказала", но ограничено ли всё только ими, нет ли сил рядом с природой или даже в нас самих, как и в той же природе, не говоря уже о самом Боге, отражающих более глубокую организацию мироздания?

Есть ли у науки возражения против Бога? Как-то не замечал, хотя мне в попытках "перевоспитать" в школе и армии говорили много (то есть много раз повторяли несколько одних и тех же штампов). Ну нет в науке специального раздела такого, что занимается именно этим. А все остальные разделы копают всё глубже и глубже, но только всё дальше удаляются от проблемы присутствия или отсутствия Бога в мироздании. Хотя как сказать, удаляются... Как удаляются, так и приближаются в некоторых моментах. Геология, например, в сильном конфликте с религией в вопросе дат и возраста планеты, однако как это отрицает Бога? Не сильно, да и специально взяв класс физической геологии в колледже, обнаружил, что проблема больше в заказе на конфликт с религией, чем в реальной отрицании библейской версии истории. Кто читал начало первой книги, мог заметить, что "шесть тысяч лет" не есть время существования планеты Земля, а лишь время существования на ней разумной жизни, геологическая же история насчитывает больше времени. Но чрезвычайным аргументом в пользу Бога, практически на уровне прямого доказательства с Его просто-таки мо-

крой подписью, является способ организации существования белковых тел, я имею в виду такую частность этой системы, как ДНК и РНК с их аппаратом. Пытался некоторое время проверить наличие в мировой науке хотя бы на уровне концепций осмысление и объяснение того, как эти информационные молекулы возникли. В теориях происхождения жизни говорится о белках, да и то лишь о коротких, нефункциональных, не сложных. А о том, без чего белковые системы превращаются в кучу распадающейся нерегулируемой и неуправляемой массы – ничего. Думаю, что чем разумнее исследователь, чем больше моментов может принять во внимание, тем очевиднее факт, что за информацией, кодами и управлением в живых системах стоит личность Программиста и Инженера. Не возникает книга сама собой, не пишутся программы сами собой, даже вирусы. Можно представить, что на более высоком уровне программирования могут возникнуть программные комплексы, которые бы могли писать программы сами по себе, но и это не аргумент против Бога, наоборот, тем более "за", это ещё больше подчёркивает уровень сложности, на котором Он оперирует.

А ведь мало запрограммировать в РНК или ДНК живой организм, заложить управление, регулирование в разных ситуациях, починку и прочее, но и связать с белками, устроить и отрегулировать механизм управления белками, воплощения программ в живой механизм... Более того, язык программирования – ведь языки дело субъективное – можно одно сочетание символов использовать для обозначения какой-то аминокислоты, а можно и другое... Какой именно язык использован там, почему именно такой?

То есть, мы уже давно имеем вопрос, который успешно игнорировали, объявляли Ему запрет на существование, запрет на поклонение, на упоминание, всяческий бойкот что на Западе, что в СССР, потом просто игнорировали так или иначе, что и длится до сих пор. Многие исповедуют Его, но без какой-либо связи со знаниями, не вникая во многое, в законы, что управляют и жизнью, и нашим будущим. Впрочем, даже если произойдёт некий переворот в обществе и сознании человечества, это немного изменит в целом отношения человечества с Богом, но хотя бы какая-то справедливость восторжествует и многие получают от Него всё, о чём мечталось и даже больше.

Позвольте рассказать тут ещё один случай из своей жизни. Мелочь, однако же потрясающая для меня и брата. Вроде ни я, ни он от этого не изменились, я остался на Пути, он вне его, однако же это было сильно... Мы с ним были очень дружны, он увлёк меня хождением по лесу и холмам в окрестностях города, недалеко, но это было всегда здорово. Рядом с городом в лесу были устроены парковые дорожки для прогулок, зимой там была лыжня. В тот день в лесу никого не было, мы одни шли по нижней дороге. По краям тропы были следы гусеничного трактора, явление обыденное и ничем не примечательное. Однако пройдя с километр, я обратил внимание, что левый след стал немного сужаться. Центр просеки был приподнят, за краем дороги снег лежал ниже. Я подумал, что гусеница опиралась на более узкий участок из-за уклона трактора влево, который и был смят под гусеницей. Это поначалу я попробовал себе так объяснить. Вроде бы до сих пор всё было нормально, мало ли, трактор чуть отклонился от асфальтированного приподнятого участка (однако ведь трактор не сворачивал, след был прямой), если бы он отклонился ещё левее, гусеница съехала бы с дороги и трактор бы накренился, пришлось бы ему выбираться. Однако дальше началась несурзика. След всё сужался, и это не было за краем дороги, снег на дороге был ровный, но при всём при этом след становился всё уже и уже. Десять сантиметров на ровном месте, восемь, пять, в то время как правый след законные сорок или

сколько там сантиметров идёт как ни в чём ни бывало. Через пару метров левый след сужался на ноль, обрывался... Когда след стал слишком уж узким, я обратил внимание брата на это. И видя обрыв следа, мы остановились в некотором ступоре. Смотрим назад – след трактора есть, чем дальше, тем нормальнее, вперёд – нету никакого левого следа. Правый след от правой гусеницы на месте, идёт дальше. Мы смеёмся, прямо покатываемся со смеху, потешаемся, хотя внутри немного не по себе, по крайней мере у меня. Я потом спрашивал брата много лет спустя, помнит ли он это, было ли это на самом деле – помнит, было. Мы в те времена очень много юморили, везде выискивали повод посмеяться, поэтому и это восприняли как комедию, представляя как бы это сняли в кино, или даже если бы зафиксировать то на плёнке. Перебирали варианты – трактор потерял гусеницу? – логика говорила, что тогда бы был след от днища или колёс, но там чистая целина. Может быть тракторист чего принял слишком крепкого и стал лихачить? Было смешно, но КАК? Как он мог ехать на одной гусенице? Очевидно, что как-то ехал, но проблема-то была, что правый след был ровный, не наклонный. Да и кто-то разве способен на гусеничном тракторе проехать на боку, на одной гусенице? Даже бы если и были умельцы, но ведь правый след был абсолютно горизонтальный... Уже сейчас гадаю – фокус? Фокусники может быть и могли бы что-то придумать такое, но на это нужно оборудование, сцена, подготовка. Зрители, наконец. А тут розыгрыш в пустом месте, где редко кто бывает. В общем, правый след показывал, что кто-то ехал на тяжёлом тракторе по своим делам, не замечая, что левая гусеница не оставляет след, и ехал ровно, не наклоняясь влево. Какие-то приколисты тренировали трюки? – кто, ведь никто никогда не рассказывал о таких фокусах, ни в сети не встречал.

Мы прошли немало по следу, но левый след так и не появился. Правый же шёл дальше, как так и надо, эта реальность и обыденность сбивала с толку, как будто такие случаи встречаются по несколько раз на дню, и мы как-то не проявили принципиальность, чтобы пройти до конца, посмотреть на это чудо поближе или хотя бы отследить, где этот след начинается и где заканчивается, посмотреть на тот трактор и его водителя... Где-то бы он нашёлся, но мы посчитали тогда, что пора домой, и на нашу долю хватит уже приключений.

Я мог бы привести ещё пару своих случаев с нарушением причинности и вмешательством неучтённых сил, но думаю, что не один я такой, немало людей рассказывали нечто подобное, причём по их движениям и поведению было видно, что речь о вещах реальных. Врунов я тоже встречал, только это совсем другая химия и поведение, да и обычно они преследуют совсем иные цели, хотя бывают они и в среде религиозной. Не скажу, что всегда различу ложь и правду, некоторые слишком наострились маскироваться, приучили себя всегда напускать туман даже когда говорят правду, но большинство излучает явные сигналы правды или обмана (и горе тем обществам, где таких напускающих тумана разводится слишком много). Задавая им вопросы, можно по их реакции понять для себя, как было на самом деле, хотя говорить они будут иное. Так что если я и мог воспринять что-то не так, то рассказываю лишь то, что ощущал и воспринимал.

В принципе, все такие случаи не основа для доказательства существования Бога как такового, это всего лишь очевидность чего-то помимо человека и сильнее человека. Очевидность Сверхсущества, запустившего наш мир, явна в самом нашем устройстве, информационном управлении из молекул наследственности всей нашей начинкой, с чего я начал эту врезку. Найдите программиста, написавшего этот код, записав-

шего его на последовательность нуклеотидов, разработавшего механизм осуществления этих программ на белках, собираемых по проекту, трансляторы и прочее, энергетическое обеспечение этих процессов – и вы найдёт Бога. Если это не Он, то кто тогда? Кто смог это сделать, тот Он и есть.

Задержка наступления вечера дала возможность довести разгром противника до конца. Многим, наверное, удалось убежать, и в конце этого долгого дня израильтяне вернулись в свой лагерь. В разгаре битвы поступило донесение, что цари, пришедшие мстить Гаваону, скрылись в пещере, на что Иисус Навин сказал завалить вход пещеры камнями и продолжать преследование противника. Похоже, что ими занялись лишь на следующий день, когда войско пришло туда и отвалили камни. Этим царей вывели и казнили, похоронив в той же пещере, завалив её камнями.

После этой победы, не возвращаясь в основной лагерь, израильтяне продолжили поход против городов тех, кто пришёл осаждать Гаваон, и довольно скоро, перемещаясь от одного города к другому, захватили их. Таким образом у них образовался плацдарм примерно в середине Ханаана, немного к югу.

Вторая война с Асорским союзом. Раздел земель

Те, кто в это время собирались договариваться о большой коалиции против Израиля, похоже, не сразу узнали, что пятеро городов из центральной части края уже успели повоевать, и что их территория уже захвачена. То ли беженцы рассказали, то ли ещё как, скоро всё это стало известно, и им пришлось объединяться самым срочным образом, отбрасывая разногласия. В асорский союз (по имени инициатора объединения) объединились многие, хотя опять не все. Собралось очень большое войско, в котором вряд ли было согласие и единоначалие. Не упомянуты никакие числа, можно судить лишь о числе войска Израиля, в котором счёт людей вёлся как раз по мужчинам от двадцатилетнего возраста, и перед входом в Ханаан их было шестьсот тысяч. Они уже прошли закалку на востоке от Иордана и уже в Ханаане, и теперь представляли серьёзную военную силу. Похоже, что хананеи собрали никак не меньшую армию, собираясь остановить вторжение. Сорок лет назад разведчики Израиля были поражены виденными укреплениями хананеев, их воинами и их искусством, и сейчас здесь могли присутствовать многие из тех, кто производил такое пугающее впечатление на евреев тогда, вместе с новым поколением. Но все их силы и умения не помогли им.

Бог, явившись Иисусу Навину, сказал ему, как и прежде, что все эти войска Он отдаёт в его и Израиля руки, и страха испытывать не нужно от вида их военной силы и количества людей. Израильское войско вышло к расположению хананеев внезапно и их нападение снова было более чем успешным. Разгром был полным и больше было погони, чем сражений. Слабая координация едва договорившихся независимых городов и областей тоже сыграла свою роль в их поражении, и их многолюдство ничем не компенсировало панику. Преследуя хананеев, израильтяне выходили на побережье Средиземного моря, доходили даже до Сидона. Но с этого времени войны уже не были молниеносными, хотя в библейском описании событий это выглядит на первый взгляд быстрым. Но это лишь на бумаге, позже в книге Иисуса Навина говорится, что в этих войнах прошло несколько лет. В основном Израиль захватывал города и края тех, кто был в этом большом союзе против них, так что те, кто не пошёл воевать против евреев в этом втором походе, оказались в некотором выигрыше. Вряд ли хананеи предполагали, что Израилю надоеет воевать, но это случилось, и в конце концов войны остановились. Ко времени, когда они взяли города воевавших против них, на освободившихся землях многие начали если не обустроиваться, то по крайней мере пасти стада, и наступало время, когда надо было упорядочить вопрос, кто где будет жить, чтобы не возникло междоусобиц.

Во время этих войн здоровье Иисуса Навина ослабло и стал сказываться возраст. Когда он пришёл в обещанную им землю, думаю, что ему было лет восемьдесят по меньшей мере, хотя скорее порядочно больше. Будь это поколений пять назад, этот возраст не был бы важен, у него было бы в запасе ещё немало лет хорошего здоровья и активности, но теперь постоянная походная жизнь и напряжение положения руководителя ослабили его очень заметно. Его сверстник, иудей Халев был в лучшем положении, хотя ему в этот момент было восемьдесят пять, его здоровье было гораздо крепче, чем у его друга, и, как мне кажется, разница была как раз в его обязанностях. Если я не ошибаюсь, то по характеру Иисус Навин не был из природных лидеров, но ему пришлось нести эту обязанность потому, что на то время не было людей ближе к Богу, да и выше качеством, чем он. Когда кому-то приходится делать работу, не соответствующую его природе, этот человек подвержен большому стрессу, поэтому Иисус Навин ушёл (вернее, отошёл от дел) раньше времени. Описанное в четырнадцатой главе книги Иисуса Навина происходит лет через шесть⁶ после вхождения в Ханаан. Иисус явно старше Халева, накопившаяся усталость от прожитого заставила его отойти от активных дел после шести лет войн. Война с Асорским союзом хананеев была длительной, как Бог и говорил, что не изгонит всех жителей Ханаана за один раз, чтобы земля не пришла в запустение, но вёл дело шаг за шагом.

Сейчас, после окончания второй, уже длительной войны, Бог снова явился к Иисусу и подвёл промежуточные итоги момента. Он отметил, что Иисус стал стар и в ослабевшем состоянии не может надёжно вести дела, и Он не упрекает его в этом. После этой войны нужен был некоторый перерыв. Он приказал разделить землю, пусть она ещё далеко не вся взята. Сейчас было важно, пока он достаточно деятелен, провести раздел земли, чтобы он был достаточно авторитетно закреплён в народе, чтобы не возникало сомнений и споров, могущих впоследствии разделить или поссорить племена. Война с асорской коалицией освободила ту землю, которая, в основном, и известна как большая часть центральной территории Израиля. Некоторые племена Израиля, придя на предназначенную им территорию, не выгоняли и не трогали живущих там хананеев, то ли устав от войны, то ли ещё по какой причине, но это я забегаю наперёд.

Для раздела земли по жребию были созваны все племена в Галгал, где находился главный лагерь. Многие уже начали расходиться по ставшей их земле, осваивая поселения и поля, собирая добычу, пася скот, начиная что-то сеять и жать, хотя ничего не было закреплено за кем-либо. Люди могли начать селиться независимо, закреплять за собой земли хаотично, хозяйство могло начать закреплять их там, где им нравилось, и если надо было сохранить племенное деление, то это надо было делать скорее. Поэтому Бог и устроил это собрание, с целью исключить самовольное поселение. Земля принадлежала Ему, и Он имел Свои планы на неё...

В общем, Иисус Навин после этого разговора и указания свыше произвёл учёт принадлежащей им земли. После этого в присутствии первосвященника и главных князей племён был брошен жребий на поделенные участки земли, и поскольку иудеи объединились с симеонитянами, им выделили общий большой участок на двоих. Также оставшиеся земли на север от иудеев выпали ефремлянам и племени Манассии, два с половиной, точнее это были три с половиной племени (но племя Симеона как-то в обыденности перестали считать отдельно, так что они как бы растворились среди иудеев, так что сбылось проклятие Иакова, что Левий и Симеон будут рассеяны) получили себе землю, но полноценных участков для остальных ещё не хватало. Впрочем и на уже распределённых участках в некоторых местах продолжали жить хананеи, так что нужно было продолжать войны. Границы будущих земель были описаны ещё Моисеем в книге Чисел, однако без указания кому какой участок земли должен принадлежать. После этого разде-

⁶ Халев говорит, что прошло 45 лет от первой разведки Ханаана, в результате которой евреи отказались туда идти и в результате получили дополнительные 39 лет хождений в пустыне, ещё один год они провели у Синая, так что шли в свою землю в общем они 40 лет, но 45 лет Халев считает не от выхода из Египта, а от Кадеса, который был через год после выхода из Египта.

ла земли что-то изменилось в общественном настрое, евреи стали терять желание воевать, но планы Бога при этом пострадали.

Однако не у всех был такой настрой – когда люди ещё только собрались, к Иисусу Навину подошёл Халев с просьбой отдать ему достаточно трудный участок земли, крепкий орешек Хеврон, где жили потомки послепотопных гигантов, знаменитые силачи. Эти великаны когда-то испугали разведывавших Ханаан, из-за их вида десятеро разведчиков потеряли сами веру в Бога и увлекли своим страхом всех остальных. Это было одной из причин, почему Халев хотел лично иметь дело с ними. Своего рода сведение счета, но не из-за своих комплексов, которых у него как раз не было, а скорее восстановлением чести своего народа, которой был нанесён ущерб сорок с лишним лет назад. Он был полон энтузиазма, ощущая всё ту же силу, которая до сих пор не оставляла его, хотя ему было уже восемьдесят пять лет. Его пример был немалым укором многим другим, кто не стал выполнять поставленную им задачу. Он успешно с помощью своего Бога выгнал (интересно, не убил их, не уничтожил, но отпустил⁷) их из Хеврона. Зато ефремляне, хотя и довольно многочисленное и сильное племя, возроптали было, что их территория мала, глядя на обширность земли, отданной племени Иуды, хотя иудеи взяли участок на двоих с си-меонитянами. У ефремлян было достаточно территории, но они вдруг подумали, что часть этой земли занята хананеями, и требовали, чтобы им нашли земли где-то ещё, видимо как раз они и намекали на пересмотр жребия для иудеев... Иисус Навин был своим для них, ефремлянином, и они считали, что он должен пойти им навстречу. Но Иисус Навин вместо кумовства указал им, что они могут расширить свои пределы просто выполнив задачу, поставленную им Богом. Он не стал их слушать дальнейшие жалобы, что у тех хананеев железные колесницы – то были те же аргументы, что когда-то отбросили евреев в пустыню на лишние сорок лет. Лишь один Халев организовал поход против Хеврона и соседних городов, весьма успешный, но это было на востоке владений иудеев. На западе же не нашлось никого, чтобы сделать то же с владениями филистимлян, и те остались на этих землях ещё надолго, превратившись позже в угнетателей евреев. Пять филистимских областей были в планах Бога, но эти планы остались невыполненными.

Второй раздел земли

Думаю, прошло немного времени после раздела земли в Галгале. Иудеи, ефремляне и племя Манассии стали обустраиваться на своей земле, хотя всем им также нужно было продолжить войну, что полностью освободить свои территории от остающихся хананеев. Остальные шесть племён ещё должны были воевать сами или звать на помощь кого-то из тех, кто уже обустроился (рувимиляне и гадиляне как раз и занимались этим); дела обстояли так, что организованного отпора им уже никто не давал, так что можно было вести рейды в разные стороны отдельными отрядами. Однако же никто никуда не шёл, а все занимались своими делами на местах, и когда приходили мысли, что надо бы в отношении хананеев что-то делать, рассеянно глядели по сторонам. Может быть не хватало руководящей воли, решимости, никто вроде не боялся, было просто всем лень. Ведь прямо сегодня не надо идти, не надо спешить, ведь сказано было, что поне-многу надо это делать, не в один раз. В конце концов все племена, не получившие земли, собрались в Силом, чтобы там решить свои вопросы. Там был поставлен храм, и уже не в Галгале, но здесь оказался центр общественной жизни новой страны.

Вместо того, чтобы каждое племя продолжало свои походы или координации друг с другом они ждали какой-то особой погоды, но Иисус Навин уже не мог сам водить их из-за возраста и здоровья. Это уже был упадок, возникла неверность Богу (со стороны народа), ожидавшему запрос на Его помощь и силу, на водительство. Это Он был Вождём этого народа, но им отсутствие явного лидера и командира показалось хорошим оправданием, чтобы ничего не делать... Можно бы было подумать, что они устали от войны и не хотели изгонять с нажитых мест тех,

⁷ ИсН.15,14

кого Бог приказал выгнать. Они не проявили настойчивости, целеустремлённости, и просто верности приказу. Со своей же стороны Бог не спешил понукать их, зная их характер, давая человеческой природе проявить себя. Можно было бы ещё сказать и об Иисусе Навине, что он хотя бы мог как-то подтолкнуть глав племён, намекнуть им, что им надо бы делать, только я думаю, что они не могли забыть об этом, и в напоминании не нуждались. Просто стали глядеть друг на друга и искать себе любых других занятий, кроме того, что должны были делать. Из-за этого взаиморазглядывания они наконец поняли, что надо собраться опять вместе, почему и пришли в Силом. То, что они сейчас собрались вместе, было в принципе очень правильно, они могли начать решать что им делать, ободриться взаимонапоминанием о долге, договориться о дальнейших действиях и походах.

Они провели в войнах шесть лет или около того, и по закону, седьмой год должен был быть годом покоя, субботой. Похоже этим и вызвано бездействие, которое не привело к улучшению состояния народа, но скорее запутало многих. Проведённый в бездействии год не вызвал похвалы у того, к кому они хотели обратиться за советом. В речи Иисуса звучит порицание, что им до сих пор нужна нянька по каждому поводу, впрочем это было ожидаемым и ожидаемая помощь всё же была получена. Иисус Навин предложил послать грамотных людей, чтобы произвести описание оставшихся территорий, которые должны были принадлежать им по планам Бога. По результатам описи он был намерен произвести дополнительный раздел новых земель остальным племенам. Это успокоило собравшихся, потому что время, проведённое в бездействии, привело к брожениям умов, и, похоже, раздавались уже голоса заново поделить те земли, что уже принадлежали им, особенно некоторые смотрели с завистью на иудеев, которым достался самый большой надел земли. Однако это означало бы отказ от выполнения поручения Бога, довольствуясь малым и, в результате, тесными для всех наделами. Иисус Навин слышал эти толки, и явным образом отверг такие подходы, сказав, что иудеи и произошедшие от Иосифа Манассия и Ефрем будут жить на своих местах, уже полученных ими. Его голос был всё так же весом, а также были те, которые решительно могли поставить на место всех, кто стал бы противиться его распоряжениям, племена Рувима и Гада, всё это время живущие с Израилем без семей, оставленных на восточных землях. Нерешительное зависание народа без походов и активных действий, думаю, порождало их недовольство, и сердить их никто не хотел.

Посланные отправились и через какое-то время вернулись. По результатам их описаний Иисус Навин ещё раз бросал жребий, и оставшиеся племена получили тоже свои наделы. Частью они были уже без прежних жителей, но во многих местах хананеи никуда не уходили. Во всех наделах выделили сорок восемь городов для левитов и священников, из которых три стали городами убежища для непреднамеренных убийц вдобавок к трём выделенным раньше на восточных землях.

Недоразумение с восточными племенами

После этого раздела, когда каждое из племён стало обладать своей землёй, когда глобальной войны уже не велось и каждое племя было способно обустроиться у себя своими силами, настало время отпустить тех, кто пришёл с ними из-за реки, воинов Рувима, Гада и Манассии. Они своё обещание и долг выполнили полностью. Иисус Навин обратился к ним со словами благодарности, поощрения и отпустил их в свои земли, к своим семьям.

Рувимляне и гадитяне были довольно разумными людьми, надёжными и верными. Оценивая своё географическое положение, разделённость в силу технического состояния своего времени, когда река представляла собой серьёзную естественную преграду для сообщения, то есть преодолевать Иордан могло ограниченное число людей, а также зная характер многих своих соотечественников и куда он может завести при неблагоприятном развитии, они предусмотрели не-

кий предохранитель, сохраняющий будущие поколения от отчуждения, позволяющий сохранить связь между западными и восточными берегами. Они задумали устроить памятник в виде жертвенника, на каких совершали богослужения их праотцы. Подразумевалось, как они сами позже объясняли, что жертвенник на берегу, оставленный ими, будет означать верность заиорданских жителей Богу своих отцов, общность религии. Мысль эта пришла им в голову явно уже после того, как они ушли из Силома и смысл постамент был ясен пока что лишь для них одних. Поэтому из их замысла получилась как будто небольшая проблема, но серьёзная, едва не надевшаяся больших дел. До остальных племён вдруг дошла весть, что ушедшие домой восточные племена Израиля поставили на берегу большой жертвенник. Почему-то все подумали самое плохое, что только могло подуматься в этой ситуации, что эти племена решили не ходить в храм в Силоме, а собрались проводить богослужения и поклонение у себя. Непонятно, на какой стороне был поставлен этот символ поклонения Богу, скорее всего всё же на восточном, но он должен был быть виден с западного берега, чтобы он мог выполнять своё предназначение.

В обществе произошло немалое возмущение, они видели в этом отступление от предписанного Моисеем, от всего левитского устава богослужения. Практически мгновенно всё общество, а присутствовали здесь практически все, не успев разойтись после окончательного раздела земли, собралось на войну с отступниками. Правда, некоторые из более трезвых людей, уже наученных поспешными действиями в прошлом, отложили поход и послали сначала делегацию во главе с сыном первосвященника Финеесом, чтобы узнать смысл сделанного восточными племенами. Посланные пришли к старейшинам за Иордан, однако же начали не с вопросов, а с обвинений и обличений. Слова были горячими и поспешными. Если бы князья Рувим, Гада и Манассии отвечали в подобном духе, то дело могло бы кончиться плохо, как бывало не раз в истории, но эти разумные люди сами понимали, что их действие могло быть истолковано неверно, поэтому разговаривали с возмущёнными посланниками из центра терпеливо и вежливо. Они объяснили, что это не жертвенник для жертв и обрядов, а лишь символ, напоминание, что они исповедуют ту же веру и те же уставы, что и на западе. Финеес и прочие, услышав их объяснения, опасения о будущем и их соображения о сделанном, поняли, что волнение было поднято зря и успокоились. Эти новости они принесли и Иисусу Навину со старейшинами, и все были рады, что дело оказалось вовсе не плохим, как они сначала подумали, и что война, к которой уже начали было готовиться, не нужна.

Прощание Иисуса Навина

Израиль устраивался на теперь уже своей земле. Многие из них заняли уже существующие селения и дома с готовым имуществом, у всех имелись немалые средства из военной добычи, так что многие строили себе сразу новые дома. Их поля и сады уже кормили их, стада приносили свою прибыль, и жизнь казалась великолепной. Многие люди следили за порядком и не допускали негативного развития событий, поэтому жизнь шла мирно и конфликты, если и случались, разрешались как должно, по справедливости. Злоупотребляющие словом лжецы в то время не могли заводить дело слишком далеко, поскольку в трудных случаях Урим и Туммим первосвященника выводил любого на чистую воду, и люди, как говорилось прежде, имели страх. По крайней мере не было недостаточных условий изображать из себя невинного, а из ближнего виноватого. Мечта многих, пострадавших от лжи и ужас недобрых людей... Однако же зло не коренится только в несправедных обвинениях и претензиях, человек очень богат возможностями, соответственно и зло многолико, в падшей природе человека соблазны возникают или могут возникать на каждом шагу, в каждом изменении ситуации. Говоря об изменениях, я имею в виду не только внешней обстановки, но и внутри человека также. Наше текущее состояние меняется по мере того как не только звуки и картины внешнего мира проходят перед нами, но и внутри вол-

нами меняется содержание и концентрация веществ, регулирующих наши ощущения и реакции. С течением времени устройство человека может изменяться, и обычно меняется существенно, это также вносит вклад в перемены в том, куда нас тянет и влечёт. И ощущения тела, и мысли, и эмоции, и желания, всем этим порождаемые, всё это вовлекает нас в какое-то действие, приводят к выбору. Даже если у нас есть чёткие принципы, не всегда они определяют, каким будет выбор, эти принципы обозначают границы выбора или однозначное направление его, однако выбор может выйти и за их пределы. Впрочем, бессознательно выбор не делается, мы всегда решаем. Правда, иной раз человек может довести себя и до бессознательного выбора, позволить себе делать его случайным образом, только это уже патология, добровольная деградация. Разве что физические основы здорового функционирования нервной системы подорваны, когда у человека не остаётся сил – такое тоже может быть, что кто-то неразумно доводит себя сам до такого состояния, либо кто-то извне.

Посреди этой мирной благословенной картины не все в полной мере отдавали себе отчёт, Кому и чему они обязаны этими благами. По идее все должны бы, и могли видеть и замечать глубже, осознавать цепочки причин и следствий, но как много людей это делают? И это снижение активности ума является практически прямым следствием падения человека, не то, чтобы вообще ум снизил активность, хотя и это можно заметить, но произошёл перекокс внимания от дела или от познания сути вещей к удовольствиям. Изобретательность и поисковая активность вместо высоких вещей были обращены на низкие... Отчуждённость от Истока привела к ощущению оставленности, незащищённости, и человек стал защищать себя сам; в ожидании возможной несправедливости он тянет всё только на себя; ожидая агрессии, скорее сам порождает её; обеспечивая безопасность себе, разрушает безопасность других. С такими свойствами даже коммунизма не построить... Характеристика людей Бога, кого называют спасёнными, как раз такова, что они "внимательны к действиям Сузшего", это люди с острым вниманием к жизни вообще, ко всяким знаниям, и даже ко всему происходящему... Должны быть, по крайней мере. Это то, чего Бог добивается от человека, чтобы Его способности, данные нам, не портились и не гнили, портя и заражая ткань жизни вокруг. Побочным результатом такой ориентации к познанию и отслеживанию всего является повышенная осознанность и уход от всего разрушительного, неприятное этого разрушительного, имеет ли оно место внутри нас или вне. На этом пути человек расстаётся со злом, с соблазнами, они перестают притягивать, поскольку становится ясным их значение и суть. Это происходит под воздействием свыше, и без него это было бы невозможно или бездейственно. Многие уходят из-под этого воздействия Духа, оно поначалу многим не нравилось, потому что не даёт действовать бездумно и бессмысленно. А потом привычка завершает привыкание, и когда-то наступает момент, когда она доводит дело на наивысшей точки, отсекая для человека возможность измениться... Но, наверное, рано об этом говорить.

Иисус Навин, состарившись, отошёл от дел после войны с Асорским союзом, проведя раздел земли племенам. Теперь, когда он ощутил приближение смерти, он созвал всех, участвующих в управлении народом, к себе и в своей речи попытался дать уроки людям, передать важные вещи, побудить их не терять цели своего существования из вида. Он знал, что многие обленились, не делали ничего с остающимися хананеями, не использовали силы и возможности, которые Бог собирался предоставить им и ожидал только запроса. Но многие предпочли заниматься только своими делами, подобно подавляющему большинству людей, погрязнув в рутине (а потом жалуются на однообразие и скучную жизнь и ищут проблем на свою голову). Однако вождь Израиля не спешил ругать их, но пытался воодушевить их, ободрить, что они в полной безопасности, пока защита свыше покрывала общество и их землю. Если не сработает это, то и строгие выговоры не помогли бы. В двух последних главах книги о нём написано о двух созывах представителей народа к нему, как я это вижу. Второй раз он собрал актив Израиля перед своей смертью в Сихеме, где стоял храм, в то время как первый раз это было тогда, когда он отошёл от дел,

оставив руководство в руках надёжных людей. В первой речи Иисус Навин говорит всё, что он считал нужным сказать для правильного развития Израиля, выступая от своего имени, во второй же он передаёт слова Бога, это большей частью не его речь. В ней он предстаёт как пророк, вставая рядом с Моисеем, достигая уровня своего учителя.

– Вы видели всё, что сделал Суций перед вами со всеми теми народами, Он сам сражался за вас. Он прогонит их от вас, чтобы вы получили в наследие землю, как обещал вам.

– Поэтому в точности храните и исполняйте со всем старанием написанное в книге закона Моисея.

– С этими народам, что ещё остались, не сообщайтесь, не поминайте имён богов их, не клянитесь ими и не совершайте служения им, не поклоняйтесь им, но держитесь Суцего, Бога вашего, как вы делали это до сих пор.

– Суций прогнал от вас большие и сильные народы, и никто не устоял перед вами до сих пор. Один из вас прогоняет тысячу, потому что Суций сам воюет за вас, как и говорил вам. Поэтому привяжитесь к Суцему.

Прозвучало главное предостережение на тот момент:

– Если вы свернёте с пути и станете общаться с этими народами, что остались между вами, и вступите с ними в родство, то знайте, что Суций перестанет прогонять их от вас, и они станут для вас петлёй и сетью, бичём для рёбер ваших и колючкой для глаз, пока не будете истреблены с вашей доброй земли, что дал вам Суций, Бог ваш.

– Я теперь ухожу в путь всех живущих. А вы знаете всей душой, что не осталось напрасным ни одно слово из всех добрых слов, сказанных Суцим – всё сбылось, ни одно слово не осталось неисполненным. Но как сбылось всё доброе, так Суций исполнит над вами и всякое злое слово... Если вы преступите завет Суцего, и пойдёте служить другим богам, то скоро сгинете с этой доброй земли.

Такова была его первая речь. Позже перед этим же собранием он произнёс ещё одну, вдохновлённую свыше, от имени Бога. Суций коротко описал отдельные моменты их истории, начиная от семьи Авраама, предки которого начинали склоняться в язычество, но Он позаботился о выведении здоровой отрасли от той славной линии патриархов, чтобы она не прервалась, и её потомки сейчас слушали откровение о цели своего существования. Это могло и должно было помочь им не сбиваться с пути. Он упомянул опасность от Валаама, о которой они даже не подозревали в своё время, но Он "избавил их от его руки", не захотев его слушать, о других моментах Его вмешательства и помощи в войнах. Сейчас они жили на Его земле и могли наслаждаться её произведениями.

После слов Бога Иисус Навин уже от себя призвал людей служить Суцему, точнее сделать выбор между языческими верованиями и той реальной силой и Личностью, что привела их сюда сквозь очень непростые препятствия. Освободиться из рабства в чужой земле, не имея ни оружия, ни даже организации, занимавшейся бы этим, выскользнуть из ловушки, будучи зажатыми между морем и горами враждебной армией, и прочее и прочее. Казалось бы, любой человек делает очевидный выбор в пользу богатства и здоровья, но для многих это очевидно только когда они видят других со стороны, на деле же многие продают своё будущее за слишком малую цену, слишком низко ценят его, выбирая фактически быть бедным и больным. Вот и народ вроде как единодушно ответил Иисусу Навину на испытующее предложение выбора – "Нет", сказали они, "мы будем служить Суцему. Не будет такого, чтобы мы оставили Суцего и стали служить ещё каким-то богам!" Они привели доводы, что их Бог вполне заслуживает верности и признательности... И вот тут Иисус Навин сказал нечто, не вписывающееся в благообразную картину народного собрания. Он выдал такое: "Вы не сможете служить Суцему"... Это было продолжение темы Песни Моисея, в которой о плохом говорилось много больше, чем о хорошем.

В чём было дело? В том, что этот Бог ищет далеко не поклонения, не какой-то дани и прославления, но определённого достижения, или состояния внутреннего мира человека. И даже самое возвышенное поклонение и хвала не может быть Им воспринята, если это делается с криком и лживым языком. Тому, кто видит насквозь, не может быть приятным всё, что содержит в себе зло, когда истинное состояние скрывается под благовидной личиной – оно всё не прочно и в будущем всё это разрушит само себя, даже если Он не будет вмешиваться. Иисус пояснил свои слова – "потому что Он Бог святой, не потерпит ваших беззаконий и грехов..." Слишком многие стали считать, само собой как-то так сложилось, что боги не вмешиваются в дела людей, им дают их долю поклонения и жертв и на этом всё, они должны быть довольны. Нет, жрецы, священники и учителя такому обычно не учили, никто специально такого не думал, но вот внутри каждый себе именно так представлял дело – обычно везде существует официальная или научная (пардон, богословская) версия религии, и "народная", упрощённая, приспособленная слабым умом, донельзя искажающая положение дел. Так что от язычества, да и даже без помощи язычества – люди одинаковы везде – у израильтян уже существовала установка, что своими поклонениями и служением Богу они отдают Ему некую дань, и это уже само по себе как-то покрывает их недостатки. Это сознание примерно такого рода: я же свечку поставил, значит уже свой грешок один или два прикрыл; а если посерьёзнее, то свечкой не отделаешься, надо что-то большее, может быть кому-то добро сделать... Но покрывать зло последующим добром – это торг с Богом, примитивный и бесполезный. Богу от нас нужны не услуги, а гораздо больше – наше совершенство⁸. Или так – Ему нужен наш характер с нужными чертами, выдерживающими вечность, а не маскарад и не торг. Только нужный характер может обеспечить нужное качество дел и поступков, без этого сделанное нами не выдержит проверки. Всё, что не выдерживает испытания, не пройдёт и не годится ни Ему, ни нам самим. Построенное или сделанное с дефектами не будет работать или разрушится со временем, и скорее раньше, чем позже. Поэтому Он не может принять плохую работу и знака Качества на неё не может поставить, как бы мы Ему ни нравились, как бы кто-то к Нему ни подлизывался на словах, ни льстил языком.

После того, как Иисус шокировал стоящих перед ним, он добавил ещё: "потому что вы оставите Сущего и будете служить чужим богам, тогда Он наведёт на вас зло и истребит вас после того, как Он делал вам благо".

Читающие Синодальный перевод могут возразить, что Иисус Навин сказал "если вы оставите Сущего", однако же в оригинале здесь стоит слово "ки", которое имеет значение "потому что", "когда", "тогда", "но", "определённо", "обязательно", "конечно"... И "если" там встречается в одной или двух производных конструкциях, но прямого "если" в том списке я не обнаружил.

Люди восприняли это не как хорошие ученики, прислушивающиеся к словам учителя и понимающие их, делающие нужные выводы и корректирующие свой путь, а скорее обиделись и стали настаивать на своём – "Нет, мы будем служить Сущему", как будто упорство могло им в этом как-то помочь. Настойчивость – вещь крайне необходимая, как и постоянство, но от того, к какой цели они направлены и чему служат, зависят результаты, бывающие диаметрально противоположными. Стать пригодным для Бога назло какому-то человеку, только ради того, чтобы возразить... что-то тут не то, потому что задействуются не те, что нужно, начала. Иной раз приходится многое делать вопреки, но это не совсем "назло", потому что религия легко поражается лицемерием, и агенты тёмных сил могут быть очень успешны в карьере в церкви, в таких случаях приходится плыть против течения именно ради правды, добра и истины. Но когда обличают о недостатках, то тупо отрицать их наличие, когда именно это только и может помочь, это как-то

⁸ О степенях совершенства и пределах возможного в другой раз, а здесь я имею в виду самое простое – Его влияние, которое и привносит в нас нечто от Него и Его совершенства.

неправильно. Иисус Навин и указывал им на невозможность для них без коренных перемен, без признания проблем служить живому Богу. Но они твёрдо стояли на своём – мы будем служить Сущему, и имели ввиду свой вариант "служения", которого впоследствии долгое время придерживались. Им действительно казалось, что это вполне работает – уравнивать зло добром... Это когда делают для Него что-то, а в остальном живут по своему разумению. И часто это "своё разумение" состояло в поклонении совсем другим богам, но в их понимании это всё было игрой, когда одна карта бьётся другой. Ведь за доброе дело Бог награждает? Ну вот... Не удержался, нарушил заповедь? – сделай добро или что-то праведное. Бог было разгневался на тебя, а ты Ему тут раз, и заглаживаешь проступок чем-то правильным, и Он уже улыбнулся тебе (я не знаю, является ли такое понимание языческим, во многих случаях да, но не готов говорить за все пантеоны). Однако проблемой было то, что у Бога были совсем другие принципы, а именно зло неприемлемо вообще – зло "отбивается" лишь полным его отрицанием, раскаянием, исправлением, оставлением, а не смешиванием с добром... Всё потому, что зло не просто раздражает или огорчает Его лично, а потому, что оно разрушительно. Иисус Навин это и имел ввиду, что на таких условиях у них служить Богу никак не получится, разделённое посвящение не есть посвящение, соединение добра с нарушениями закона не строит добра. Приходилось читать взгляды некоторых, что для обычных людей соблюдать всё просто невозможно, невыносимо и невыносимо. После доброго дела надо извлекаться в грязи, чтобы обрести душевное равновесие – это, конечно, сильное преувеличение, однако же что-то в этом есть. В таком мироощущении только герои или особо святые могут жить полностью свято, однако это заблуждение является одним из сильнейших искажений библейской религии. Увы, это извращённое представление живёт и правит, держа многих добрых людей вдали от Бога. То, что называют "святой жизнью" или "жизнью полного послушания", поставлено в другие рамки, чем оно было изначально. За века искажений и наслоений, когда сначала сам народ "одомашнил" или упростил религию, а позже веру людей взяли в свои руки духовные сословия, у святости появилась иная окраска, другой фон, что отдалило её от человека и от реальности.

Святость – полноценное исполнение законов и распоряжений Бога, рождается не от исполнения закона, а из определённого состояния, порождаемого влиянием Бога, наделяющего нас способностью к этому исполнению. Однако её наделили ореолом невозможного, уделом редких людей, когда остальным такое в принципе невозможно. То, что стучится в душу каждого живущего, даже если ему совершенно незнакомы Библия или Бог, изобразили как почти недоступное дело.

Была и другая проблема. Благоговение и разум были приведены в некоторый конфликт, по примерно тому же принципу, что и "сила против ума". Благоговение отражает уважение к Богу и всем Его проявлениям, оно больше всего проявляется в моменты поклонения. Однако же как-то получилось, что кто-то стал требовать от человека отказаться от разума, меньше думать, а больше слушаться учителей, точнее учителями они уже не были в полном смысле этого слова, став только лишь посредниками, "предстоятелями", представляющими паству перед Богом и наоборот. Это отчасти неплохо (но только когда учитель намного превосходит учеников), но всё же идёт вразрез с Евангелием, где от каждого человека требовалось мыслить и понимать, где "имеющий уши да услышит" извратилось до обратного, что якобы только особые люди могут иметь уши и лишь они имеют право слышать и понимать... "Вникай в себя и в учение" – требует апостол Павел, но практика жизни и учения в религиозной среде нивелирует это положение, оставляя его только для подвижников. Однако же продолжение этих слов знаменательно – "делая так спасёшь себя и слушающих тебя". Работа ума по Павлу открывает дорогу для Бога сделать из человека нечто высшее, делает из любого и всякого обычного человека героя и подвижника, спасающего всех вокруг без разбора (понятно, что всё же только желающих, соглашающихся на

это), создаёт массовый взлёт духа и прогресс высшего создания Бога, но так редки очаги света на Земле.

Иисус Навин хотел сказать стоящим перед ним, что так, как они собираются служить Богу, у них не получится. И если бы они хоть на миг задумались и не прекословили, если бы спросили его, что с ними не так или что он имеет ввиду, почему это у них обязательно не получится, то услышали бы в ответ сокровища духовности, которые бы пришли в мир уже тогда в простом и ясном учении о благодати. Но упрощённое понимание Закона не позволило им усомниться в себе. Многие из протестантов тут должны бы сказать, что здесь была виновата "буква закона", то есть, что Закон Моисея был неспособен им помочь со святостью и спасением, однако же виновата вовсе не буква. Если бы они выполнили распоряжение "день и ночь поучаться в нём", что на то время было очень короткой версией Библии, то заметили бы немало важного, у них бы появились вопросы, которые Бог был бы рад разрешить. Но со своими возражениями они не заметили, сколько потеряли. Дальше они жили как получится, им просто пока ещё везло на руководство. Однако приближались времена, когда их руководители станут проще и слабее в делах духа. И тогда их уже ничто не могло избавить от упадка.

Упрямых Иисус Навин не пытался переспорить, они не были готовы воспринимать правду о себе, а без этого не были бы восприняты и слова о том, как избежать проблемы по имени "Я". Что ж, по крайней мере они дали слово, и раз уж так активно расписывались в верности, то он воспользовался этим их обязательством. Он спросил их – "Отвечаете ли вы за свои слова, что сейчас говорили? Народ ответил, что отвечает. И Иисус потребовал от них на основе их зарок убраться из их практики чужих богов, которые по тихому уже внедрились в разных местах, и многие это знали, и всё же уверенно обещали служить Суцему... Теперь, после данного слова, торжественно обставленного записью в книгу, и камня-свидетеля под большим дубом около храма, им нужно было выполнять обещанное. Таким образом язычество ещё на некоторое время было отодвинуто от Израиля. Иисус Навин произвёл последние записи в свою летопись о последних событиях и наставлениях, которая известна нам как шестая книга в Библии, книга Иисуса Навина. После этого он прожил недолго и был похоронен. Обретение своей давно обещанной земли свершилось, хотя надо сказать, что до конца доведено не было.

В его книгу кто-то чуть позже добавил запись, что Израиль держался Пути некоторое время после него, пока были живы люди того же поколения. Нам известны Халев из иудеев и первосвященник Елеазар, наверное ещё некоторые, своим влиянием поддерживавшие высокий уровень нравственности в народе. Однако через некоторое время ушли и они, и наступило время, известное как период Судей.

Период Судей

Конец войне

Книга Судей начинается с рассказа как израильтяне продолжили войну после смерти Иисуса Навина. В это повествование включается также отчёт о некоторых действиях, имевших место ещё при его жизни, когда он уже отошёл от дел, но был ещё жив. Описывается, как Иерусалим был взят иудеями, однако же он по жребию отошёл вениамитянам, которые стали жить в этом городе, при этом они не изгоняли остающихся там иевусеев. Позже это привело к тому, что там не осталось евреев, так что когда лет через пятьсот Давид захотел поселиться в этом городе, ему снова пришлось брать его с боем. Некоторые племена продолжали выгонять прежних жителей, но не усердствовали в этом, и со временем совершенно охладели. Когда была закончена война с Асорским союзом хананеев, то войско было распущено, народ взялся за мирные труды, но когда настало время продолжить дело, то за военные дела брались очень неохотно что простые люди, что начальники. Конечно, их стремление к миру в любое другое время можно было бы лишь приветствовать, но именно в этом случае это было нарушением приказов Того, Кто привёл их сюда. Они знали предупреждение ещё от Моисея, что если не закончат этого дела, то остающиеся язычники станут проблемой, но тогда будет уже поздно, потому что сам Бог уже изменит прежний приказ, и то, что было некогда праведным делом, станет уже преступлением. Попросту говоря, хананеев уже будет нельзя выгонять и забирать их землю. Но как обычно бывает со многими, другие дела казались более важными, а военные труды могут подождать, да и опасно всё-таки. Бог помогал им, но каждый раз о новом столкновении им казалось, что вдруг помощь прекратится... Идеологией и воспитанием никто не занимался, и это было ключевое упущение Израиля во все ранние времена. Позже Самуил осознал необходимость такой работы и его дело процветало.

Как ни велико терпение Бога (в русской Библии используется даже "долготерпение"), оно тоже заканчивается, и вот наступил момент, когда по земле Израиля прошёл Ангел-Бог, созывая племена на суд. Место сбора названо Бохим, местом плача. Там Он объявил Своё недовольство их нежеланием исполнить Его волю о изгнании хананеев и объявил новый приказ, что отныне война закончена и запрещена. Хананеи становятся полноправными жителями Израиля, не входя в состав племён, однако теперь трогать их без достаточной причины, как и еврея, означало нарушать закон. Люди поняли, что их поколение провинилось перед Ним не меньше, чем когда-то их отцы, и подняли плач. Наказывать их при таком раскаянии Бог не стал, впрочем само то, что оставшиеся хананеи будут совсем не подарком для них, а источником проблем, уже было наказанием. Единственно, чем могло смягчиться это проклятие, это если бы хананеи приняли живого Бога, но для этого надо было им как-то всё это рассказать и привлечь, сагитировать. Однако без таланта и умения это было практически безнадёжным делом, да и кто самих бы евреев научил этому же? Они, даже зная много о своём Боге, не являли образца здоровой жизни, чего же было ожидать от хананеев?

В приказе Бога не изгонять больше прежних жителей содержалась одна попутная цель. Когда это нужно было делать, люди неохотно выполняли приказ воевать с хананеями. Теперь война прекратилась, но соседство с ними не несло добра, со временем это соседство перерастало во вражду, так что евреям приходилось поневоле учиться военному делу. Самуил пишет об этом, что раз уж пришлось оставить хананеев в покое, то по крайней мере одно неплохое следствие из этого имелось, что новые поколения имели стимул и причину быть в постоянной боевой готовности. Нет, если бы они выполнили приказ об изгнании хананеев полностью, то у народа бы не было естественной необходимости обучаться воинскому искусству, имея полный покой

внутри страны, однако это не значит, что оно было бы заброшено, это значит, что кому-то в руководстве пришлось бы заниматься этим делом специально.

Некоторое время после смерти Иисуса Навина, пока у руля оставались люди старой закалки, знавшие Бога и понимавшие Его требования, в стране был порядок. Но их время скоро закончилось и центральных фигур в обществе не осталось. Можно считать таковым первосвященника Финееса, но когда это единственный человек, то без поддержки тех, кто понимает его и близок по духу, влияние его теряется уже в ближнем кругу, некому передавать его дальше. Времена раннего периода Израиля, когда Бог ещё не выделил или не поставил кого-то судьёй, можно было бы назвать временем анархии, потому что, как библейские летописцы говорят, в те времена "каждый делал то, что ему казалось правильным". Но вряд ли можно говорить о самой анархии – у Израиля были законы и порядок, не было только иерархии начальств и учреждений, насколько это было близко к тому, что понимается под анархией, я не имею достаточно познаний. Князья племён не жили как дворяне, не строили замков, не имели никакой свиты и даже содержания от людей (хотя получая двойную долю наследства от отцов, должны были быть несколько богаче остальных), у них был моральный авторитет, но власти не было много. Люди должны были приходиться в Святилище три раза в год, там им напоминали о законах и правилах, регулирующих их жизнь (насколько эффективно это преподавали, другой вопрос). У них было хорошее самоуправление, осуществлявшееся на местах, при этом не терялась связь в обществе и координация между племенами, в моменты кризиса и нужды общество могло собраться вместе и действовать весьма эффективно. На местах правили первородные своих племён, они же князья, также система сотников и тысячников гражданского самоуправления, введённая Моисеем ещё в пустыне, работала успешно, так что хаоса и беспорядков обычно не случалось. Эта система не могла обеспечить праведности и святости, но некоторый уровень порядка вполне поддерживала. Это было уникально, и хотя в других отношениях ранний Израиль не даёт повода для восхищения, но в области управления и государственного устройства есть чему учиться. Ресурсы общества не расходовались на систему власти, как у других народов. Может быть и у других народов складывалась подобная система управления, но лично мне в исторических работах упоминаний о подобном не встречалось. Без царей, без диктаторов и какой-то особой борьбы за власть люди имели порядок и хорошую общественную координацию. На период войн и кризисов выдвигались фигуры судей, как они названы в Библии, на иврите это слово "шафат", означающее судью, выносящего приговор, мстителя и защитника, в расширенном значении "правитель". Его статус похож на фигуру военного вождя, так в ранний период истории возникали цари у многих народов. Но судья не издавал никаких новых законов и правил, он лишь осуществлял наблюдение за общим порядком. Будучи религиозным авторитетом, поставленным Богом, он отвечал также и за нравственность народа, осуществляя правосудие и разбирательства дел. К нему шли за защитой со всей страны как к ставленнику Бога. Его авторитет был подобен авторитету Моисея или Иисуса Навина.

Выдвижение его происходило не людьми, сначала становилось известным его избрание Богом, и в силу этого его признавали и люди. Бог иногда обращался к тому или иному человеку, такой человек становился пророком (это сама суть отношений с Богом – если возникает непосредственный контакт с Ним, когда можно говорить, задавать вопросы и получать ответы, обсуждать проблемы, то это и есть пророческое состояние). Его статус говорящего с Богом всегда становился явным для остальных, это было трудно скрыть, тем более обычно пророк имел те или иные поручения или вести к обществу. Не всякий пророк становился судьёй-вождём, но судья обычно был пророком. Такие вожди имели очевидную поддержку сверху, так что их авторитет не оспаривался и любые их начинания имели успех.

Период Судей неопределён по времени, хотя летопись чётко очерчивает времена каждого из них. Однако при простом последовательном суммировании этих периодов получается число, значительно превышающее данное Самуилом время от выхода Израиля из Египта до начала строительства Храма Соломона⁹. Хотя Самуил умер ещё при Давиде, но он собрал первый канон книг Библии, его руке принадлежит история Судей и первые две книги Царств (книги Самуила в других переводах), и это его хронология лежит в основе этого подсчёта лет. Самое просто объяснение этой разницы в длительности периода Судей, это что они правили в разных регионах (дело именно так и обстоит), и некоторые из них правили одновременно.

Первое порабощение и Гофониил

Прошло очень немного времени после ухода последних старейшин времени Иисуса Навина, влияние которых поддерживало некоторый порядок, и Израиль, ни о чём не заботясь и не задумываясь, самым естественным образом умножал нарушения Завета. Будь это любой другой народ, они не были бы так наказываемы, не было бы такого строгого спроса. Но этот народ не мог иметь снисхождения, зная больше других, зная о своём призвании, Бог не мог позволить им жить бездумно, подобно всем остальным. В своё время спрос будет со всех и каждого, но в этой жизни это участь немногих, только для избранных такое повышенное внимание. Для беззаботной жизни у них были все основания – до сих пор не случались засухи и неурожай, не было беспокойства от соседей. Они жили в очень хороших условиях, почва была богата и растения снабжали их питательными веществами полной мерой. Самуил пишет об этом, что все обещания Бога о благе, которые Он обещал им, сбылись. Имея избыток сил, многим, особенно молодым поколениям, хотелось к этому блаженству жизни приспособить ещё большие удовольствия, усилить праздник. В общем, как многие обычные люди на их месте. Есть поговорка о подобных извращениях в столь благоприятных условиях – "беситься с жиру". Нет, будь люди чуть бдительней, никаких бы отклонений не случилось, стоит лишь проверять время от времени свой курс следования, сверять с компасом и картой или спросить у местных о своём местоположении – хорошая жизнь вовсе не виновата в том, что чей-то характер портится. Просто кто-то начинает считать благополучие и обустроенность само собой разумеющимся, данностью, и когда жизнь разрушается, то как правило очень удивляются, с чего бы это могло так случиться. Подобно тому, как машины и механизмы не возникают сами собой, как булки и масло требуют приложения немалых трудов и умений для того, чтобы появляться на полках магазинов, так и порядок и устройство в обществе происходят от соблюдения правил. Но даже разумные люди попадают в плен тому, что видят и слышат – когда беда и разруха, то они теряют всякую веру в добро, когда же всё хорошо, то думают, что никакие их прегрешения не могут разрушить их страну. И ещё все проблемы приписывают исключительно одному человеку наверху, абсолютно не желая вникать в его проблемы с действующими силами и лицами...

Связи с язычниками, участие с ними в поклонении богам и духам, которые были пустым местом и прочие нарушения Закона вызвали гнев Бога, и Он стал наказывать. С севера, как полагают, из Харрана, пришёл Хусарсафем, имя которого, в оригинале Кушан-Ришатаим, возможно, означает "очень злой эфиоплянин". Восемь лет он господствовал над Израилем. Возможно, что не сразу до всех дошёл масштаб беды, не до каждого селения дошли его войска, но выплачивать дань пришлось всем племенам, где появлялись эти люди. Не думаю, что евреям пришлось легко, но далеко не сразу до них дошло, почему и за что это с ними. Не доходило не столько оттого, что

⁹ 1Цар.6,1 говорит, что от выхода Израиля из Египта до начала строительства храма (четвёртый год Соломона) прошло 480 лет. Однако если принять, что судьи шли строго друг за другом, получается, вместе с Илием и Самуилом, 530 лет. А с учётом времени царствования Давида (многие склонны включать ещё и 40 лет царствования Саула отдельно от Самуила) получается от 574 до 614 лет. С таким подходом время начала строительства Храма должно бы было быть 578 или 618.

проблемы были небольшими, а потому, что не хотелось вникать в причины и признаваться, что они неправы.

Удивительное дело – с одной стороны понять, что ошибся или неправ, дело очень простое и лёгкое, потому что сам наш мозг так устроен, в нём есть раздел, занимающийся оценкой сделанного и сравнением результата с тем, что планировалось, как и соответствием на нормы нравственности. Многим не составляет проблемы признаться в ошибке и перед людьми, но это реже. Однако немало тех, кто не только перед людьми считает позором признаться в ошибке или неправде, но даже себе не желает признаться в этом, что довольно удивительно. Что, казалось бы такого? Ведь тогда можно исправить дело. Но и ещё хуже, иной раз даже самокритичный человек без излишней гордыни, и тот не может посмотреть правде в глаза, избегая этого с упорством, достойным лучшего применения, избегает этого как смерти... Что такое нападает на людей, что заставляет отключать оценку сделанного и самооценку? В принципе ответ прост – излишняя гордость или гордыня, извращённое чувство собственного достоинства. Если признать, что сделал неверно, значит надо исправлять. И многим не хочется напрягаться, им кажется проще оставить всё как есть, даже если для сокрытия следов преступления надо будет кого-то устранять и идти на ещё большие преступления. Исправить свою ошибку кому-то сложнее, чем устранить напоминающего о ней.

Это понятно, однако что же заставляет поступать так против не только ближних, но и самого себя? Библия говорит о "князе, господствующем в мире" или "узде, направляющей народы в заблуждение", иначе говоря – о некоем гипнозе, внешней силе, сбивающей человека с пути... До сих пор я говорил о действии Бога, о благодати, извне воздействующей на человека, как средстве поднять его из падения и восстановить его в прежнее единство с Создателем. Однако сейчас подошёл к моменту, где высвечивается, что человек и зло делает не просто так, не совсем сам по себе, что это тоже ненатурально для нас, но поддерживается извне, что это падший ангел использует свои возможности по управлению человеком. О том же говорит Павел в седьмой главе послания к Римлянам, говоря о "законе греха", противодействующему всему правильному и заставляющему человека нарушать правила.

Нет, человек в целом достаточно автономен, и наработанные привычки и наезженная колея его жизни действительно управляют им достаточно сильно, однако же кто-то очень заинтересован в том, чтобы у человека эти привычки нарабатывались и усиливались, а дальше можно лишь изредка вмешиваться и точно корректировать поведение жертвы в случае нравственных метаний... Обе стороны воюют за человека, и человек волен выбирать между ними, как и менять принадлежность, если его разум находит причины для этого, или же наоборот, его чувства привлекают его то ли к более приятному и расслабленному пути, то ли к более благородному и достойному, за что не будет стыдно и горько.

До сих пор путь Жизни не был достойно представлен, не был универсально разработан или изучен, так чтобы ответить на все ключевые вопросы любого человека, необходимые для осознанного выбора пути. Поэтому выбор делался скорее сердцем, тогда как путь тёмный можно даже и не выбирать, средний путь, которым хотели бы идти подавляющее большинство людей, уже является тёмным... Впрочем дать ответы, даже все, для разума, вовсе не означает, что большинство гарантированно выберет Путь Бога и никогда не свернёт с него, это лишь обеспечит большую осознанность при выборе, а не поголовное спасение всех подряд. Но что важно – что природа чело-

века не абсолютно на стороне зла, и без контроля со его стороны число сторонников дьявола было бы значимо меньше. Падшая природа человека – мощный фактор, склоняющий человека к тьме, приносящий много сюрпризов изнутри тем, кто выбрал Путь, но не делающий человека пленником дьявола сам по себе, это происходит лишь по решению самого человека. Скажем так – наша ослабленность обеспечивает нам ошибки и грехи, но ещё не сторону зла, ведь многие, делая зло, не хотят делать зла и быть на его стороне, не оправдывают себя, и это нормально и правильно. Но надо сказать, что сами поступки, в которых воплотилось доброе или злое начало, они тоже захватывают нас, это наш опыт, определяющий нашу дальнейшую инерцию, куда нас больше будет тянуть. Долгое время делая зло человек, даже без особого выбора, уже оказывается в его власти так, как будто сделал этот выбор. Только чтобы стать на сторону добра надо делать сознательный шаг. Просвещение в моральной сфере, дающее важнейшие ответы на темы добра и зла, дало бы возможность всем разобраться с этим по настоящему, не так, как это делалось до сих пор в нашем мире.

Вполне допускаю, что делаю где-то ошибку в этих построениях, так что мои выводы – это мои выводы, не обязательные для других, не влияющие ни на что, и если кто-то найдёт, где я ошибаюсь, дайте мне знать.

Это случилось с ними в первый раз, когда Бог начал их наказывать после поселения в Ханаане. Как правило народ жил себе вполне комфортно, ничего особо плохого не делали – в вину им ставилось лишь поклонение ложным богам, что означает, что других проблем, которые бы люди ощущали на себе как зло, не было. То есть не воровали, не убивали, не враждовали друг с другом, не обманывали. Насчёт прелюбодеяния не могу сказать, ибо обряды у язычников это дело довольно часто включали в себя. Кто-то такую простую и незатейливую жизнь посчитал бы практически праведной и святой, всего-то один-два не самых страшных греха! С точки зрения тех, кто считает, что зло можно покрыть и нейтрализовать последующими добрыми делами, вообще всё было идеально, ведь добро перевешивало зло. Но где угнездилось одно зло, разрастается и что-то другое, беда одна не ходит, дай время и всё остальное тоже расцветёт, только жизнь при этом начнёт гложуть. Для любого другого народа это действительно был бы немалый прогресс морали, но не с Израилем. Бог вырастил и насадил их для Себя, для Своих целей, поэтому спрос был более жёсткий и ответственность другая, хотя далеко не столь жёсткая, как некоторые хотели бы от Бога. Некоторое время евреи вполне искренно не понимали, за что на них такие беды, недоумевали – за что это нас? Однако постепенно стало доходить. Бог даже не посылал пророков, сами догадались. Когда стало совсем плохо, многие уже говорили друг другу, что это действия их Бога, о Котором они что-то совсем подзабыли. Многие даже и не забывали о Нём самом, но вот о том, что Ему от них надо, упустили за всякими радостями и мелкими заботами. Однако смена условий заставила помыслить, что то, что они считали неважным, оказалось более значимым. Довольно единодушно они наконец стали признаваться друг другу и Богу, что были неправы. Что ж, это тоже был урок, через печаль они вдруг открыли для себя жизнь с другой стороны, главное, что закончилось всё хорошо. Племянник Халева, Гофониил, был призван Богом в освободители, и наделённый силой и способностью разобраться с арамеями, успешно выгнал из страны угнетателей. После победы он сорок лет, пока был жив, руководил Израилем, и народ при нём держался Пути.

Аод Левша

Некоторое время мне было трудно писать об этом времени Израиля, периоде Судей, который характеризуется сильным тяготением к отклонению людей от Пути. Не думаю, что евреи здесь исключение, многие другие народы показали бы такую же тенденцию отклонения от за-

данного курса, как оно происходило и происходит во многих местах. Дело не в национальном характере, здесь скорее стечение обстоятельств, отразившихся потом в характере этого народа, но дело в самой природе человека. Мы склонны уступать соблазнам и занижать стандарты, приспособливая их к себе, а не себя к ним. Если бы законы Бога были субъективны и произвольны, то можно бы было требовать от Него снижения стандартов, говорить о невыполнимости завышенных норм, но ведь они выражают наши уязвимости, закрывают их, и снижать их требования это то же самое, что убирать из техники безопасности параграфы особо "неудобных" для лентяя или даже "простого" человека требований. Опасность-то от этого не уменьшится, и травматизм и смертельные исходы возрастут многократно, потому что большинство будет убеждено, что раз убрали всякие предупреждения об опасности и всякие "нельзя" с "запрещено", то опасности никакой нет. Люди может быть и вздохнут облегчённо, но лишь до первой встречи с чем-то активно происходящим в процессе любой работы.

Словом, опять народ стал расслабляться, за сорок лет благополучной жизни при Гофонииле выросло поколение, не обжёгшееся на зле, и люди опять потянулись к маленьким, однако значимым нарушениям. Что такого поздравить соседей с языческим праздником, поучаствовать в пиршестве, помянуть таких своих богов, рекомендующих такие занятые обряды для улучшения плодородия почвы, вдруг без них и правда ничего не вырастет? Так снова наступали на те же грабли. Мало кого привлекала учёность и науки, простая жизнь влекла сильнее, предохранителей против опрощения практически не было, простая сельская жизнь обеспечивала хорошо, живи и веселись. Собственно и Бог тоже был за это – весёлую и беззаботную жизнь, только веселье и радости должны бы были быть поразнообразнее и, в целом, повыше уровнем. И когда некий порог отступления был перейдён, Богу пришлось опять останавливать это сползание вниз, открыв дверь врагам с востока. Библия говорит, что именно Суций дал силы Еггону моавитскому преодолеть Израиль. К этому времени усилились моавитяне и аммонитяне, и богатства Израиля показались им доступными. Их походы оказались успешными и вскоре ресурсы Израиля богатыми потоками потекли к этим народам. Их поддерживали также амаликитяне, имевшие к евреям весьма недобрые чувства, так что иго их походов было довольно тяжёлым и опасным для многих. Но евреев не стремились уничтожать, с них лишь собирали дань. Восемнадцать лет понадобилось для того, чтобы придти в себя и вспомнить о причинах поражения, что это наказание от Бога, а не случайное стихийное бедствие. Сама их виновность заставляла их уклоняться от того, чтобы признать правду о себе, не зря позже Иоанн сказал, что "делающий зло ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обнаружились дела его". Обычно это всегда неприятно – признать, что твои действия были неправильными, и гордость подсказывает, что ты был прав, всегда прав. А если вдруг и неправ... – и дальше мысль не идёт, не хочет. В этот раз этот процесс затянулся не на восемь, а на восемнадцать лет, но всё же неприятности, как правило, помогают взглянуть правде в глаза... Когда это всё же произошло, и люди вспомнили о настоящем Факторе, от которого зависит столь многое, к одному левше пришло вдохновение (и какие-то отравления, о которых книга Судей не сообщает), открывшее ему, как можно справиться с врагами и обрести свободу от них. Аод не был простым человеком, раз он был начальником команды, доставлявшей дань в Моав к царю Еггону, поработившему их.

Он решился на дерзкий поступок, задумав убить Еггона, который относился к евреям уже почти как к своим подданным, это видно из того, как он обращается с доставившими ему дань и дары евреями. Возможно, со временем евреи бы могли стать частью этого моавитско-аммонитского объединения, вместе они могли бы стать грозой окрестных народов, однако же это очень сильно не совпадало с планами Суцего, у Него были совсем другие представления о том, чем должен заниматься этот народ. Пока народ ещё не слишком привык к жизни под управлением язычников, надо было разрывать эти связи, и так они тяготели к подражанию всем вокруг, а с главенством и влиянием других народов было бы утрачено и имя Израиля. Этот царь моавитян

много поработал над тем, чтобы собрать воедино аммонитян и амаликитян, чтобы покончить с независимыми евреями, поэтому Аоду и было уделено внимание, как возможному кандидату на приведение Израиля под его руку. Аод изготовил себе короткий меч и пристроил его под одеждой, так чтобы его было невозможно заметить. Когда они поднесли свои подарки лично Еггону, Аод не видел возможности что-либо сделать, но когда их делегация покинула Моав, он вернулся с отчаянным замыслом. Его снова принял царь, и когда он спросил его, зачем он вернулся, Аод с намёком произнёс, что у него есть секретный разговор к нему. Еггон, похоже, искал среди евреев того, кто мог бы стать проводником его планов, и Аод чем-то привлекал его в этом отношении, ему было интересно, что может сказать ему этот многообещающий человек – вдруг он попросит у него ярлык на княжение в своей земле? Царь потребовал тишины и удалил от себя всех. Царь моавитян был довольно тучен, Аод не видел проблем справиться с ним, и когда царь потребовал наконец сообщить ему, с чем пришёл Аод, тот сказал – "У меня к тебе слово от Бога". В борьбе Еггона против Израиля царь понимал, что Бог этого народа должен бы быть забыт, от Него могло быть много проблем для его планов, и послание Еггону от Сущего оказалось соответственным. Поднявшись, левой рукой Аод выхватил своё оружие и поразил царя в живот. После этого, зная некоторые порядки при дворе, Аод просто ушёл, закрыв и заперев за собой дверь внутренней комнаты. Поскольку царь удалил от себя всех, то слуги не спешили входить, пока их не позовут. Это спасло Аода, он довольно-таки рисковал, и, наверное, поэтому не вовлек никого из своего отряда в свой план, вернувшись к Еггону один. Остальные люди вряд ли могли ему помочь, зато скрыться группе людей было бы труднее.

Оказавшись на своей территории, Аод затрубил трубой, давняя система сигналов мобилизовала к нему по тревоге многих из близлежащих племён. Он повёл их в бой, заверив, что Бог на их стороне и их враги уже отданы на их волю, никто не сможет противостоять им. Они перекрыли переправы через Иордан, и моавитяне и прочие визитёры, когда пытались убежать в свои земли, попадались в руки воинов Аода. Довольно многие были перехвачены ими и это было сильное поражение для моавитян и их союзников, так что они надолго забыли сюда дорогу. Аод был довольно влиятельным человеком, также опыт отступлений и наказаний был неплохо осмыслен, возможно, что именно Аод сумел пояснить людям о причинах их упадков и возвышений. Он прожил долгую жизнь, после этой победы мир в Израиле длился целых восемьдесят лет, это самый длинный период, когда люди держались здравого пути под влиянием одного человека.

Во время его судейства, на западном краю Израиля евреев притесняли филистимляне, их влияние не распространилось далеко, как и влияние Аода не достигало этих мест, так что здешние жители имели своё наказание за свои отступления. Слыша о победах остального Израиля, они также вернулись к верности Богу, так что и у них возник защитник, Самегар, рогатиной побивший шестьсот противников. Этот судья жил и действовал одновременно с Аодом, почему годы его правления не указываются в летописи, они внутри лет правления Аода.

Девора и Варак

Умер Аод, и люди снова стали делать многое по своему, опять настало мутное время безначалия, когда многие преступали закон только потому, что отсутствовало сдерживающее влияние. Они соблюдали закон, в общем-то, не потому, что так правильно или так надо, не потому, что иначе жизнь становится непрочной, а потому, что за нарушение был спрос. Как в наши времена стали говорить, никакой сознательности. Впрочем, даже в самые плохие времена оставались люди сознательные, но они почему-то не делали погоды, инициатива и влияние обычно были на стороне тех, кто шёл широкой дорогой. Люди надёжные и верные могли бы попробовать организовать охрану порядка и закона, однако это не простая задача, я ни в малейшей мере не упрекаю их за слабость в масштабах общества, им было бы это делать намного труднее, просто даже в

силу того, что их путь узкий, а также простым людям в те времена не было дано достигать больших возможностей влиять на общество, да и сегодня это тоже не так просто. Люди внизу часто не имеют достаточной силы организовывать что-либо, по сравнению с теми, кто поставлен наверх и имеет системную поддержку общества. В то же время нельзя сказать, что снизу совсем ничего нельзя сделать, можно и примером и личным влиянием оставить довольно значимые отпечатки на общество.

Новым орудием наказания, кому Бог дал власть, силу и удачу над Своим неверным народом, стал Иавин (похоже, служебное имя, "кого Бог наблюдает", не первый раз встречается среди северных правителей Ханаана). Орудия наказания, однако, тоже служат Богу, хотя вовсе не сознательно и вряд ли желая того. Хотя о служении здесь можно говорить лишь в кавычках, поскольку человека используют "в тёмную", когда то, что он делает, находится в русле нужного Богу для Его планов, и чаще всего такой "служитель" сам об этом не знает. Такую службу не сравнить с делом тех, кто сознательно идёт Его дорогами. Редко когда Бог раскрывает человеку его негативную роль в Его планах, но и такое тоже бывало, когда люди получали свой призыв на Его службу, но уже на Его условиях. Обычно же, когда плохой человек служит у Бога невольным аргументом "от противного", человек живёт как жил, ничего не меняя и не стараясь жить праведно или правильно. Его желания совпадают с целями Бога, поэтому Бог не мешает ему осуществлять его цели и даже даёт ему успех, и его успехи на этом пути и есть вся его "награда", которая только в этой жизни. На Суде он будет отвечать за все нарушения Закона как и все остальные люди, без скидок, по мере своих познаний о правилах жизни – больше знаний, выше спрос. Не стоит путать службу плохих людей со случаями, когда кого-то приходится наказывать, такую работу Бог поручит скорее Своим избранникам, хотя когда их не хватает, то может призвать любого хорошего и справедливого человека из любого другого народа. Случаи, когда Бог поручает работу наказания плохим людям, бывают тогда, когда весь Его народ отступает от условий договора и некому это исправлять. Во время Судей (как и позже) именно это и случалось, почему угнетение от чужих народов сопровождало Израиль.

Иавин, отмечает Библия, жестоко угнетал Израиль. Он правил в Асоре, городе, который прежде уже был главой союза племён, противостоящих Иисусу Навину. Хананеи настолько пришли в силу, что некоторые племена практически восстановили своё прежнее доизраильское могущество. Не думаю, что Иавином руководила месть за вторжение евреев в Ханаан (наверное, не без того, но это не было наибольшим фактором, движущим им), потому что он не выгонял евреев с их мест обитания, ему было достаточно видеть евреев униженными. Притеснения и господство Иавина и его военачальника Сисары длилось двадцать лет, снова евреи не могли сразу раскаяться в неверности Суцему, едва только стало плохо... У Сисары было много железных колесниц, и евреи, потеряв контакт с Суцим, даже не помышляли о том, что этим боевым машинам можно как-то противостоять. Даже во времена, когда их Бог был с ними, они часто проявляли неверие в Его помощь против этих колесниц, теперь же их уязвлённая совесть вообще не позволяла им поднять головы и помечтать. Однако же наконец страдания стали такими, приняли такой оборот, что стыд перед Богом и нежелание признаваться в неверности перестали быть значимыми в их глазах. Позор, потери и лишения "помогли" им увидеть себя в более реальном свете, самолюбие, гордость и стремление к лёгкой жизни и удовольствиям куда-то делись, уже не мешая им видеть в Боге своего защитника и отца.

В тот момент у Израиля уже был, точнее была судья, пророчица Девора. Она была нетипичным судьёй, не освободителем и не героем, побеждающим врагов. Бог призвал её до того, как народ обратился к Нему за помощью, она была пророком, учащим народ Пути и правилам, указывающим на причины их бедственного положения. В том, что народ осознал необходимость вернуться к Богу, видна как раз её деятельность, именно для этого, чтобы подготовить возмож-

ность освобождения, Бог назначил её и призвал. Теперь, когда люди признали правоту её слов, когда стали обращаться за помощью к Сущему, тогда она призвала воина, который должен был свергнуть иго хананеев. Она не назначала его, но знала, кого Бог видит ключевой фигурой в этой истории. Когда Варак¹⁰ явился к ней, она передала ему поручение свыше стать командующим войска, которое разгромит Сисару с его железными колесницами. Снова мы видим, как разные по свойствам люди становились ключевыми фигурами в тех или иных событиях, и другой вряд ли имел бы успех на его месте. Он должен был собрать, как было приказано, десять тысяч воинов и идти на гору Фавор. Сама Девора должна была каким-то образом привести туда же Сисару с его войском. Влияние этой женщины, хотя и замужней, было очень велико, если даже командующие вражеской армией участвовали в её мероприятиях... Варак тоже показал, что слишком надеется на неё, и без неё не отваживается ничего делать – он отказался выполнять её приказ идти в поход, если она не пойдёт с ним. Она снизошла, такой вариант, видимо, был предусмотрен, грехом это не было, просто небольшой упрёк большому и сильному мужчине, как она сказала ему, что если она пойдёт с ним, то слава победы над их врагом достанется не ему, полководцу, а женщине. И это она говорила не о себе. Но Вараку это было как-то необходимо, и так сойдёт, главное что с ним и его воинами всё будет в порядке, без разногласий и проблем. Её присутствие в его войске придавало уверенности всем, а не только ему, так что его расчёт вполне можно понять. Правда, он вполне мог и сам сделать то, в чём надеялся на неё, но это уже высокие материи, многие не склонны достигать высших результатов, довольствуясь средними. Увы.

Когда откликнувшиеся на призыв Варака люди собрались у Фавора, то об этом стало известно у хананеев, и это могло означать лишь восстание, поэтому Сисара мгновенно среагировал и созвал своё войско, направившись туда же. Когда оба войска оказались друг против друга, Девора сказала Вараку – "вот, это тот день, когда Сущий отдаёт Сисару в твои руки, и Сущий сам пойдёт перед тобой". В этот день господство хананеев могло быть свергнуто, как это иногда бывает – ни вчера, ни завтра, но именно сегодня ты можешь что-то изменить. В другие времена это либо невозможно, либо обойдётся слишком большими затратами и потерями. Варак начал атаку, его воины спускались с горы в долину, и пока они всего лишь приближались к противнику, идущий впереди них Бог уже начал действовать. Атака начиналась открыто, хананеи должны были уже быть выстроены, вряд ли они были совсем не готовы к военным действиям, но почему-то в этот раз многим стало беспокойно, они стали искать лучшее место для себя, перестраивать рядки, и возникло замешательство. Колесницы мешали друг другу, нервничающие возницы в спешке настёгивали коней, опрокидывая друг друга. Общее замешательство охватило и пеших воинов, шевеление рядов многими воспринялось как паника, и через несколько секунд началась уже и настоящая паника, и все побежали, понимая, что битва проиграна, не начавшись. Атакующим евреям пришлось не сражаться, а лишь догонять убегающих, так что вместо войны вышло скорее игра и развлечение, для одной стороны, конечно. Сам Сисара также соскочил с колесницы, увидев, что его войска парализованы сумятицей, и убежал вместе со всеми. Он раньше других понял, что дела плохи, поэтому убежал сознательно, не как большинство в панике. Никакие команды и крики не помогли остановить панику, влияние Сущего было сильнее. Бегущие рассеялись, Сисара остался один, и когда отбежал на достаточно далёкое расстояние, где мог считать себя в относительной безопасности, увидел пару шатров, принадлежавших родственнику Моисея по линии его жены, Сепфоры мадианитянки. Погони за ним пока не было видно, и он решил попросить убежища, видя, что эти люди не совсем евреи, тем более что по какой-то причине это семейство не подвергалось гонению со стороны Иавина. Хозяйка шатра приняла его, пригласила войти, её муж имел мирный договор с Иавином, царём Асора, поэтому Сисара мог рассчитывать на убежище. Но только эта женщина была еврейкой, и многолетнее угнетение своего народа не могла простить, тем более, что прощения никто и не думал просить, да и война с

10 Правильнее Барак, в иврите данная буква вначале слова звучит только как "б", в конце же только как "в".

этими врагами была на пике. Сисара был в немалом испуге, об этом говорят его слова: "стань у входа в шатёр, и если кто спросит у тебя (из погони за мной) нет ли здесь кого, ты скажи "нет"". Сам же, накрытый ковром, усталый от бега, крепко заснул. Иаиль не думала долго, ей было не до рассуждений о честной и нечестной борьбе, страдания её родных и близких давали ей право на месть, которую она без сомнений осуществила. Одним ударом молота она вогнала колышек для шатра ему в голову, и со спокойной душой вышла навстречу тем, кто гнался за Сисарой и показала им его – не за ним ли они гонятся.

С этого дня угнетение со стороны Асорского царства прекратились, основные силы Иавина были разгромлены, и вскоре сам Иавин был разбит и его царство прекратило своё существование. На сорок лет настали мир и благополучие, пока Девора была правительницей Израиля. В день победы Девора сочинала и спела с Вараком песню победы, которая представляет интерес ещё и тем, что в ней содержится немало моментов, описывающих состояние народа в те времена. О причинах бывших у них проблем она говорит:

избрали себе новых богов, поэтому война у ворот

В дни Самегара¹¹ были пустыми дороги – те, кто ходили прямыми дорогами, стали ходить окольными, пока не восстала я – Девора, мать в Израиле. Где были щит и копье у сорока тысяч Израиля (отборные воины)?

Она обращается к руководителям народа, которые могли бы и должны были охранять своих людей от кривых путей, от потери смыслов своего существования, но которые без особых напоминаний не спешили выполнять свои обязанности. Однако же под её влиянием показали очень неплохие результаты, она была довольна ими. Также она воспеваёт храбрость и духовный поиск разных племён, пусть даже это были споры о важном. Но объявляет проклятие одному городу, который не послал от себя никого на эту войну, проигнорировали зов о помощи Богу и стране. О прошедшей битве она весьма необычно говорит звёздах, которые были тоже против Сисары, как если бы Сисара принял сражение в неудачный для себя день по астрологическим расчётам. Впрочем, даже удачное расположение светил никак бы ему не помогло, когда против выступает Всевышний, но она всё равно в свою песню поставила строку об этом:

Звёзды сражались, с путей своих сражались с Сисарой

Это очень редкая тема для Библии, и как она подана пророками, наводит на мысль, что какое-то зерно истины в этом может быть, но язычниками оно сильно искажено, почему находилось под запретом для последователей Сущего.

О смерти Сисары она высказывается особенно сильно – этот человек причинил много зла множеству людей, и теперь слёзы и кровь множества его жертв возвращается его матери, ожидающей его с богатой добычей, как и раньше, когда удача сопровождала его:

В окно выглядывает и вопит мать Сисарина сквозь решетку: что долго не идет конница его, что медлят колеса колесниц его? Умные из её женщин отвечают ей, и сама она отвечает на слова свои: верно, они нашли, делят добычу, по девице, по две девицы на каждого воина, в добыче разноцветная одежда для Сисары, полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника.

Так да погибнут все враги Твои, Сущий! Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!

11 который был во времена Аода, незадолго до того, как она сама была призвана в пророки, то есть она застала Аода и Самегара

Когда победили и выиграли жизнь в бою лично вы, это вдохновляет. Однако те, кто смотрят со стороны, могут придирается насчёт легитимности вашей борьбы и правоты, всё ли было правильно сделано, не превышены ли полномочия и пределы необходимой обороны. Как всё запутано и искажено сегодня, и это невозможно выправить до конца, пока не прекратится сама эта история...

Гедеон

Наверное, можно говорить "как обычно" о истории Израиля... Едва Варак и Девора сошли со сцены, началось новое отступление, как будто по другому уже и никак... После периода сорока лет спокойной жизни, во время которых появилось пару новых поколений, считающих благополучие данностью, само собой разумеющимся, что так будет всегда, и хотя люди постарше предупреждали их, им не верилось, что может быть плохо. Как обычно, доводы опытных людей не принимали во внимание – "что это старичье знает о жизни и удовольствиях!" Поэтому люди легко скатывались за черту – "не так уж много мы и нарушаем, что тут такого-то, кругом у них сплошные нельзя". Последствия не заставили себя ждать. В этот раз явились мадианитяне, которых поддерживали амаликитяне. О войне и особых жертвах не говорится, скорее всего они не убивали без особой нужды, они просто приходили со всеми своими стадами, кочевали по их земле и забирали весь урожай, если кто не успел спрятать. Хотя насчёт не убивали могло быть по разному – амаликитяне легко и охотно убивали за любой косой взгляд в их сторону, за выражение недовольства, когда забирали урожай их полей... Они жили здесь, поедали все их припасы, рассматривая евреев как слуг, и все их припасы как свои собственные. Похоже, не отбирали всё, иначе бы евреи быстро вымерли от голода, однако жировать уже не давали. Летопись сообщает, что Израиль мгновенно обнищал от такой "налоговой политики". А враги лишь смеялись – мы же вас не убиваем, только делиться заставляем, гуманисты мы... И правда, убивали лишь когда кто-то брал оружие или, может быть, наказывали показательно когда находили схроны с урожаем. Но слишком многие оказывались нарушителями в их глазах. От такой жизни многие стали сеять в горах, куда пришельцы не всегда заходили. Это было труднее, но помогало выжить. На этот раз пробуждение мысли о том, что что-то с ними не так, случилось намного быстрее, прошло всего семь лет... На голодный желудок мысль о выживании работает сильнее, чем даже на войне, где надо драться, где бой заставляет забыть всё, кроме текущего момента. Война обычно поначалу идёт не в городах, а где-то в поле, живущие в селениях не видят убитых там, голод случается реже в таких случаях, а здесь задело всех без исключения и не где-то там, а в каждом доме. Часто число едоков не становилось меньше, а сила и мощь мускулов оказывались беспомощными, так что мужчинам было стыдно перед жёнами и детьми за свою слабость и катастрофическую нехватку продовольствия в их домах. Один за другим начали звать Сущего на помощь, поскольку те, кому за время отступления начали поклоняться, почему-то не помогали, и скоро уже практически все просили прощения за оскорбления, нанесённые Ему, за мелкие и крупные нарушения Его правил. Осознали. Целью таких воздействий со стороны Бога и было довести сознательность до уровня, когда задумываются о последствиях, да и о принципах вообще, до того, как сделать что-то. Для начала хотя бы думать о последствиях. А потом нужно было довести человека уже и до понимания сути ограничений, чтобы видеть в них не ограничения, а защиту. А пока приходилось работать с довольно бесчувственным материалом, в нравственном плане люди были очень чёрствыми. Во многих других отношениях они были в полном порядке, душевность и эмоциональность у многих были на высоте, и избыток сил толкал на безрассудства...

Когда Бог решил, что люди достаточно прониклись, то прежде чем послать им избавление и назначить того, под чьим управлением они смогут прогнать нахлебников, Он сначала послал пророка с немалым укором людям. Видя, что намёки делами и обстоятельствами не помогают, то

для тугоумных надо было сказать это явно. Кто-то из пророков обратился к людям с вестью от Бога – "Я вывел вас из рабства в Египте, Я защищал вас от всех угнетателей, прогнал от вас врагов, и сказал вам, что лишь Я ваш Бог, и не поклоняйтесь аморрейским богам, однако вы этого не делали". Большого Он пока не говорил, и этого было более чем достаточно. Он не требовал клятв верности, просто послал помощь, после того как высказал Свой упрёк.

Те, кто выставляют Суцего ревнивым Богом, не любящим конкуренцию, похоже, представляют себе, что другие боги имеют место быть, существуют в реальности. Как-то странно, они отрицают существование настоящего Бога, однако в то же самое время поддерживают существование каких-то самодельных... Однако же почему-то никакие боги, к которым евреи во времена отступлений обращались, ничем не помогали им и даже вообще не проявляли себя. Не по этой ли причине они исчезли из обихода? Они есть чистая выдумка, каприз человека, выдумывающего себе по подобию живого Бога более покладистых богов. Все другие народы могли это делать, но у евреев был договор с Богом, а также очень большие задачи, почему Бог не мог им позволить быть "как все".

Гедеон вымолачивал пшеницу, которую успел собрать, спрятавшись в винограднике, в тополе, где была площадка, сейчас ничем другим не занятая. Было ещё далеко до сбора винограда, поэтому мадианитяне не заходили в сады и виноградники, этим они будут заниматься осенью. В Офру, где жил Гедеон, пришёл незнакомец, севший под дубом Иоаса, отца Гедеона. Показав Себя людям, если в это время кто-то смотрел сюда, Он перешёл в виноградник, где Гедеон был занят делом. Подойдя к Гедеону, Он поприветствовал его словом, которое не всякий в то время употреблял, поскольку многие пользовались для приветов и пожеланий благ именами языческих богов. Он сказал – Суций с тобой, сильный! Гедеон, прячься от вынюхивающих где что съедобного находится, ощущал себя скверно – кому нравится в своей земле, в своём доме скрывать свой урожай? Он понимал, что они виноваты перед Богом, что все эти проблемы навалились на них за нарушения завета, но с другой стороны все уже зовут на помощь своего настоящего Бога, Суцего, а Он молчит. Ему хотелось увидеть силу и руку Бога в действии, в душе он желал, чтобы их Бог был поближе к ним ко всем, и особенно к нему самому. Чтобы понять его самочувствие, нужно принять во внимание, что его несколько братьев были убиты пришельцами, только неизвестно когда, несколько лет назад или совсем недавно. Пожелание незнакомца вызвало вопрос, который он прямо и задал этому человеку. "Господин, если Суций с нами, то отчего с нами всё это случилось?" – он почему-то перевёл слова, обращённые лично к нему, как будто Бог не оставлял весь Израиль. Пожалуй, действительно не оставлял, просто само Его участие в их судьбе, их воспитание требовали применения и таких мер, типа ремня или прута...

"Оставить" Бог может по разному – оставить совсем, прекратить принимать участие в судьбе бывших подопечных, или же в целях воспитательных отойти в сторону ненадолго или отвернуться, забрать благополучие, удачу и успех. И то и другое ощущается как беда, но если второй случай вполне обнадеживающий, хотя и болезненный, потому что наказание детей родителями вполне нормальное дело, то первый очень плох – это означает, что Бог уже не видит возможности что-то изменить в судьбе человека или общества.

Гедеон продолжал – "Где же все чудеса Его, о которых наши отцы рассказывали нам..? Сегодня Он нас оставил и отдал в руки мадианитян". В его сознании, конечно, не всё было расставлено по местам и осознано, слишком уж он привык к текущей обстановке, а ведь первым поручением, данным ему, было разрушить языческий жертвенник и место поклонения в его собственном селении... Да ведь ладно бы в селении, но этот жертвенник Ваала, который он должен был разрушить, стоял у его собственного отца. Иметь это в своём хозяйстве и при этом удивлять-

ся, почему Бог вдруг их наказывает или оставляет! В его пользу говорит, правда, то, что наличие Ваала в их доме не задело его лично, он привык к его присутствию как к мебели в доме, Ваал не был значим для него вообще никак, его мысли и душа всё равно тянулись к более здоровым вещам, к вечному, к настоящему Богу.

Суций, слушая такие рассуждения, не стал разъяснять ему тонкости, но поощрил его, сказав – "вот с этим твоим настроением, с этими запросами ты как раз и есть нужный Мне человек, Я тебя посылаю спасти Израиль". Не совсем этими словами, но именно поэтому, что Гедеон был такой прямой и верно мыслящий, Бог поручил весь Израиль его попечению. Гедеон слегка опешил, он привык к видимой значимости людей, что нужно иметь какое-то признание от общества, что как минимум нужно богатство, чтобы тебя признавали, а у него всё не так – и сам он младший у отца, и его отец в его племени не самый влиятельный (хотя совсем не последний). Бог опять не стал объяснять ему ничего, потому что само поручение уже давало множество полномочий. Правда, Гедеон, начавший разговор с посетителем как с обычным, хотя и важным человеком, обладающим какими-то большими полномочиями, ещё не совсем осознал, с Кем говорит. В Библии, особенно в синодальном переводе, он называет посетителя "Господом", но это лишь в русском сложилось два слова для "адонай" – просто "господин" для людей и "Господь" для Бога. На самом деле во множестве мест люди и ко Христу, и в подобных случаях к Богу, обращались как к подобным себе, "господин". И что он ошибся в способе адресации собеседника ему стало ясно до конца к концу разговора. Итак, Бог уверил его, что Он будет с Гедеоном, и что он справится с нашествием мадианитян очень легко. Гедеон при этом начал понимать, конечно, Кто с ним говорит, но очень уж обычный человеческий вид был у посетителя, хотя и непростого человека.

Гедеон, наслышанный много о Боге и хорошо знавший всю историю прежних отношений людей с Богом, решил воспользоваться моментом. Однако что именно человек будет делать в этой ситуации, зависит от характера, а также от самого типа личности. Один захочет увидеть необычное, другой что-то потрясающее и сильно задевающее нервы, третьи захотят увидеть силу и мощь, четвёртый захочет улучшить своё собственное положение, и ладно, если это будет что-то из духовной сферы. А кто-то захочет просто угостить... Гедеон просит Его остаться до его возвращения, пока он приготовит еду для Него. Суций благосклонно согласился подождать на этом месте. Гедеон потратил некоторое время на приготовление пищи, может быть час или два, и пришёл с корзиной с мясом и горшком с супом и мучными изделиями, возможно, с овощами. Вернувшись, он предложил это всё своему Гостю, но Тот поступил необычно, хотя, когда-то в гостях у Авраама Он не отказался от еды, в этот же раз Он показал Гедеону больше – еда из человеческого мира Ему не нужна, зато она была принята как жертва. Он сказал выложить мясо и лепёшки на камень, и вылить суп из горшка, потом Своим жезлом коснулся положенных на камень мяса с хлебом. Камень охватило огнём от этого прикосновения и положенная на него еда быстро исчезла в этом пламени. Пока Гедеон смотрел на чудо, которого он не просил, но Бог и принял его дары, и при этом почтил его явлением сверхъестественных сил, посетитель исчез. Теперь было полностью ясно, Кто к нему приходил, и Гедеон посчитал, вслед определённым пред-рассудкам об опасности видеть Бога, что в этом может быть угроза для его жизни. Он воскликнул – "Ах, Господь Суций, я же видел Ангела Сущего лицом к лицу!" В оригинале это еврейское слово пишется как "аха", близко, хотя не совсем в значении нашего "ах", оно зависит от ситуации, но когда мы говорим "ах" в опасности, то это как раз то. В общем, мы бы сказали сегодня скорее "ой", но это тоже версия всё того же.

Бог, хотя и стал невидимым, однако не ушёл, и на это выражение испуга сказал ему, Гедеон снова услышал Его голос – "мир тебе, не умрёшь", не для этого Он приходил к нему. Хотя в принципе это соображение верное – быть вблизи Бога небезопасно, когда Он в Своей силе, когда

кто-то бы хотел приблизиться к Нему самонадеянно, по каким-то нездоровым побуждениям, однако же, когда Он просит сделать это или приходит Сам, снижая излучения, исходящие от Него, то это не влечёт никаких плохих последствий. Среди людей, увы, нередко ходят искажённые представления о вещах и смыслах, в том числе о Боге. Ослабление способностей рассудка и неответственное мышление порождает иной раз монстров, что выражено в известной фразе о сне разума, порождающем чудовищ.

Говоря об ответственном мышлении, я имею в виду, что никто не может произвольно выбирать или назначать что будет истинным по своему желанию, мы можем лишь следовать тому, что подсказывает логика или факты и очевидность мироздания. Свобода совести это не о том, кому что нравится, но когда человек следует тому, что считает истинным согласно доступным ему знаниям о предмете. Кроме свободы совести есть и свобода выбора, и это другая сфера. Свобода выбора это о том, что мы вольны выбирать произвольно, беря на себя ответственность за последствия своего выбора (впрочем и не желая брать, никто не избежит её), но что есть истина – можем лишь констатировать, более или менее успешно. Мы не можем назначать истинное, но можем выбирать ложь, зная, что это ложь, понимая, что это зло и преступление... Как-то так.

В этом месте Гедеон устроил жертвенник на том самом камне, на котором Бог испарил своим жезлом мясо и хлебы. Но, наверное, это было больше его личное место, священное для него самого. С этого дня Гедеон стал пророком, потому что стал слышать голос Бога, дающего ему поручения. В эту же ночь Бог снова говорил к нему, поручив разобраться с жертвенником Ваалу в его селении, находящемся как раз у его собственного отца, поскольку тот был главой в этом селении. Он не мог начинать освободительный поход без устранения тех причин, которые как раз и вызвали нашествие врагов. Вот и Гедеон – мечтал о явлении божественных сил, об освобождении своего народа от врагов, а не замечал вражеского жертвенника у своего собственного отца... Но он хотя бы мечтал и стремился, и поэтому ему же пришлось, наконец, заметить нарушение у себя под носом и начать освобождение, о котором мечтал, с него. Но воевать с врагами оказалось гораздо легче, чем со своими собственными родственниками и односельчанами... Опасно это было – свергать Ваала. Получив поручение разрушить жертвенник и срубить находящийся рядом дуб, посвящённым Ваалу, Гедеон оценил, что сделать это днём не сможет никак, для этого нужно будет целый отряд тех, кто защищал бы его. Поэтому взялся за это ночью со своими слугами и почистил свой городок от нечистых вещей. Жертвенник Ваала был разрушен, дуб срублен, а рядом на вершине скалы был построен новый жертвенник для Сущего. На нём, на дровах из этого дуба, был принесён в жертву молодой бык.

Утром жители Офры, увидев перестройку своего святилища, которое было заметным местом в округе, сильно возмутились. Они начали расследование, и быстро установили, что это было сделано Гедеоном, сыном того, в доме которого и находилось святилище, Иоаса. Иоас был главой селения и хранителем святилища, и его сын устроил ему, казалось бы, немалые неприятности, однако он оказался довольно непростым человеком (и его младший сын был вполне достоин его). Иоас был местным князем, хотя Гедеон, представляясь перед Богом очень уж скромным – сам младший, и наше княжество самое бедное... – не грешил против истины, он не ценил пышность и славу, и если бы был таковым, то скорее бы тяготился малой величиной положения их семьи в обществе. Думаю, что после чистки их родового языческого святилища Гедеон пришёл к отцу и поведал ему обо всём (вряд ли раньше). Если бы он сделал это от себя, без поручения Бога, то отец мог бы обойтись с ним жестоко, но Иоас тоже видел, что их земля гибнет под неодобрением Сущего, а Ваал равнодушно смотрит на их беды и не помогает вообще. Евреи уходили к чужим богам не потому, что Сущий был слабым или плохим, а всего лишь не понимая

величины Его замыслов, тяготясь отдельными ограничениями, потому что те боги разрешали немного (а иногда и много) всяких утех для тела и души, и им казалось, что язычники живут ярче и веселее. Как следствие, им казалось, что их Бог какой-то не такой, как у всех, казалось, что у других всё правильнее, чем у них, и они стыдились своей религии, общаясь с язычниками. И когда Иоас услышал, что Бог Израиля выбрал его сына для освобождения народа из проблем и для очищения от язычества, он обрадовался этому, явление Бога обрадовало его и обнадёжило.

Конечно, если не развернуть замыслов, которые разворачиваются в грандиозные проекты, которые чтобы оценить и почувствовать по настоящему, нужна вечность, если жить с ограничениями, преследуя великие цели, то нетерпеливым людям законы Сущего кажутся тесными и скучными, тогда поневоле тянет к вещам мелким и низким, соответствующим по масштабу тому, чем человек живёт. Не зря Сущий, порицая язычество¹², употребил однажды такие слова, где сами эти изделия человеческих рук есть ничтожество, как и те, кто выбирает поклонение им, ибо сами те боги порождены капризами человека, производны от человека...

Толпа пришла к Иоасу и потребовала выдать им на расправу осквернителя святилища. Однако получилось довольно неожиданно – старейшина оказался на стороне своего сына. Он резко ответил толпе, что если Ваал реальный бог, то сам должен позаботиться о себе, как это делал Сущий. Конечно, и Сущий не всегда делал всё сам, Его сторонники тоже следили за Его честью и не позволяли, чтобы её порочили, однако же в их истории было много случаев, когда Он сам вмешивался в течение дел, чего за языческими богами замечено не было. Поэтому когда хранитель дома Ваала пригрозил смертью тем, кто попробует заступиться за Ваала, люди притихли и задумались, что вроде как он прав. Поддержка отца сняла все проблемы, что могли случиться, в их городке воцарился мир. Этот случай дал Гедеону новое имя, его прозвали Иероваалом, означающем что-то наподобие "пусть Ваал сам спорит".

После этого Гедеон объявил о начале военных действий против пришлых грабителей, и все единодушно выразили одобрение. Ваал был отвергнут и оставлен, Бог теперь мог помогать им. В этот момент стало известно, что основные силы мадианитян, амаликитян, а с ними и ещё других любителей лёгкой добычи вошли в их земли и остановились в северо-западной части Израиля. Известие о том, что количество чужих нахлебников стало умножаться, привело Гедеона в ярость, он возмутился, что его страну рассматривают как кормушку, не ставя живущих здесь ни во что. Мадианитяне хвалились перед другими народами, как они богатеют и кормятся во время урожая у беспомощных евреев, и многим соседям тоже захотелось халявы. Такое никому бы не понравилось. И если бы сейчас Бог не поднял Гедеона, если бы не появилась достойная фигура, если бы не избавитель, то этот год в Израиле могло бы не пережить очень много людей, Израиль мог бы вымереть от голода... Дух Божий охватил Гедеона, и теперь он знал, что нужно сейчас делать. Затрубили трубы в его племени, и ближайшие соседи собрались к нему, также всё племя Манассии тоже поддержало его и послало людей. Он послал послов к соседним племенам Израиля, и люди Асира, Завулونا и Неффалима также вызвались идти с ним. Собралось ополчение в тридцать две тысячи человек, и они встали лагерем в горах неподалёку от места, где расположились пришельцы.

Знамена

Это в природе человека, что воодушевление может сменяться упадком и надежды сомнениями. Тем, кто ещё не разобрался в себе глубоко, такие перемены могут принести много проблем, особенно тем, кто слаб, но даже и сильные не могут избежать колебаний. Кто особенно сильно отдаётся во власть чувств, тот испытывает и особенно сильные упадки духа при откате – система

нашего устройства базируется на довольно материальных субстанциях, и когда одни вещества, лежащие в основе одних эмоций, заканчиваются или когда набирается слишком много отходов от тех реакций, то система регуляции включает (похоже, в принудительном порядке) что-то типа охлаждения или очистки. Нам же кажется, что всё поменялось, всё стало плохо, но если бы мы это всё учитывали, то периоды отдыха, которые предпринимает организм, не казались бы нам угнетающими, как ночь не разрушает то, что имело место днём. Поэтому ещё древние говорили об умеренности и владении собой, то есть чтобы не предаваться радостям безудержно, оставляя хотя бы небольшое место для "наблюдателя со стороны", тогда откаты не производят столь опустошающего действия.

Похоже, Гедеон, будучие ещё достаточно молодым, попал в эту эмоциональную ловушку – после воодушевления от поддержки со стороны Бога, обнаружения себя избранныком на весьма почётную роль, фактически царскую, после начальных сборов и похода, попал в период эмоционального отката. Сейчас все уверения Бога о гарантированном успехе на этом фоне не казались обнадеживающими, как поначалу. Ему хотелось снова испытать те же ощущения, укрепиться, избавиться от сомнений, и он начал просить знаков поддержки с Его стороны. Казалось бы, чего больше – он видел Бога лицом к лицу, говорил с Ним, Он ожидал Его даров, пока он приготовит их, но нет, сомнения напали на него и после такого прямого общения. Так что Гедеон попросил показать знак на шерсти – если она утром будет влажной от росы, а земля сухой, то это будет для него признаком, что Бог всё ещё собирается помогать ему. Наутро сбылось так, как он просил – на траве кругом шерсти было сухо, а шерсть была влажной. Из неё он ради эксперимента стал выжимать воду, и набралась целая чаша воды.

Казалось бы, сомнения прочь, однако же Гедеон показал себя довольно рассудительным человеком. Получив результат, он задумался, что шерсть сильно отличается по температурным свойствам от земли и травы, поэтому вполне могло оказаться так, что из-за этой разницы влага выпала лишь на шерсть. Правда, при обычных случаях роса должна бы выпадать в первую очередь на траву, она холоднее шерсти, так что это знамение выглядит именно неестественно, как он и хотел. Но теперь вылезло "а вдруг?" – вдруг что-то было не так, что именно сегодня режим влажности был другой или шерсть почему-то оказалась холоднее травы? Было совестно, но логика, подсказывающая, что надо бы исключить всякие случайности, заставила его повторить эксперимент с шерстью наоборот, и он снова обратился к Богу, но чтобы шерсть в этот раз была сухая. Бог, который создал разум человека и любит, чтобы он работал полноценно, как и был задуман, был доволен ходом рассуждений Гедеона, и даже не подумал укорять его за такую перестраховку. На следующее утро Гедеон получил полное подтверждение своим надеждам и знак поддержки – шерсть была сухая, а вся трава в росе. Его настроение пришло в полный порядок.

Сортировка

После этих знаков поддержки ополченцы пришли туда, где должно было состояться сражение. Они расположились на холме, а мадианитяне с союзниками находились в долине. Их было намного больше израильтян, но многие, особенно Гедеон, знавшие о том, что Бог помогает им, не волновались об этом. Но в этом месте новое обстоятельство возникло уже у Бога. Прежде чем давать какие-то команды, он сказал Гедеону Свою озабоченность – "у тебя слишком много народа"... Хотя евреев было намного меньше, чем противника, победа, которую должно было одержать израильское войско, дала бы этим недуховным людям, долгое время подвергавшимся влиянию язычества, повод считать, что это они сами победили врага, приписать весь успех себе. Это действительно проблема – присутствие и поддержка со стороны Бога не всегда ощущается явно. Она видна, когда Он проявляет Себя в каком-то сверхъестественном действии, но когда он укрепляет нервы и мышцы человека, это обычно скрыто и незаметно для наших ощущений. Мы по-прежнему ощущаем себя самих, только как бы в лучшей форме, мы те же самые, только бы-

стрее, сильнее, ловчее, мы в ударе, мы в экстазе от самих себя... Тот, кто изучает себя, кто разобрался в жизни, тот, может быть, и может разделить в своих ощущениях внешнюю подпитку от привычных ощущений себя, но таких немного. Поэтому обычным людям слишком легко посчитать, что всё было как обычно и это они сами, без всякой посторонней помощи обрели успех. Опасения Бога не были напрасными, так что он начал производить отбор. "Слишком много у тебя людей, поэтому скажи перед войском, чтобы те, кто испытывает робость и неуверенность, шли домой, чтобы не ослаблял своими чувствами остальных". Собственно, таков был и закон Моеисея, именно так полагалось делать перед битвами. Здесь было не совсем обычное сражение, это было за свою землю, а не споры между царями и народами, поэтому могли и не объявить такое перед строем, на счету был каждый, лишних как будто на человеческий взгляд не было, но Бог смотрел несколько шире.

Когда две трети народа покинули лагерь, многие слегка приуныли, как от уменьшения рядов, так и поражённых открытием, сколько же много оказалось слабых духом. Однако же Бог продолжал своё – "всё ещё слишком много народа у тебя"... Этих десяти тысяч было слишком много против сотен тысяч, только представьте себе. И Он говорит Гедеону устроить проверку, по результатам которой должны остаться только те, кто соответствует некоторым критериям. Каким же был критерий отбора? – подходящими были те, кто пил воду с руки, зачерпывая из ручья, а не становился на колени. Таких нашлось немного, всего лишь триста человек. Остальные наклонялись к самому ручью, становясь на колени. Принцип отбора понятен – те, кто зачерпывали рукой и пили её опять же не губами, что заставляло бы их склонять голову и отвлекаться от наблюдения за обстановкой, а лакали языком, подобно животным, они были настороже, отслеживали обстановку непрерывно... Именно эти редкие люди понадобились Богу для Его дела. Он далеко не всегда отбирает для Себя именно таких людей, давая шанс и всем остальным, но из этого случая видно, какого рода людьми стоит быть, чтобы нравиться Ему. Всех, кого Он привлекает к Своим делам, Он хочет и пытается воспитать в подобном духе, Он делает людей такими вот замечательными всё или хотя бы как можно больше...

Этот метод оставил из десяти тысячного войска всего лишь триста человек, зато это были отборные люди, которых можно посылать хоть в разведку, хоть куда. Не то, чтобы они были самые праведные (хотя я думаю как раз так, просто в силу их чуткости в том числе они больше были склонны замечать и голос совести, также чутким и умелым людям легче владеть собой), однако чтобы человек имел постоянно активное внимание, замечательное намного больше, чем обычно человек позволяет себе замечать, нужно не иметь в себе запретных зон, запретных тем, которые подсознательно вытесняются у многих из внимания всего лишь оттого, что им неприятно думать о чём-то или осознавать. Когда человек избегает долгое время (а потом это становится постоянным...) каких-то мыслей, это мешает ему быть открытым и к природе, истина становится для него непозволительной роскошью. Для неё необходимо открытое состояние, иначе она просто не сможет поместиться в наши ощущения и сознание. Да, какие-то части её, конечно же, будут доступны, но общая картина не будет целостной и здоровой.

О этих людях Бог сказал Гедеону, что именно с ними он сможет поразить и разгромить всех мадианитян и прочих незваных гостей. Остальных Он приказал распустить, к счастью, далеко они не успели отойти, возможно, что они остались ждать команды, потому что триста человек достаточно для битвы, но вот чтобы собрать добычу, этих трёхсот будет очень мало...

Ночью Гедеон снова услышал Бога, Он сказал ему спуститься с горы к лагерю противника, чтобы послушать их разговоры. Вместе со своим слугой Гедеон подкрался к ближайшим часовым мадианитян, и услышал весьма ободряющие вещи. Один другому рассказал свой сон, виденный накануне, как по их лагерю катился ячменный хлеб и ударил в шатёр, и шатёр развалился от этого удара. Другой воин ответил, что это явно знак того, что они будут поражены, что за

этим стоит Бог евреев и даже назвал имя Гедеона, который уже был им известен как вождь Израиля в этой битве. Все всё про всех знали, однако... Маданитяне не только грабили страну, но и, похоже, вели учёт, или же просто за семь лет познакомились со всеми значимыми людьми страны, что примерно то же самое. После этих слов сомнения исчезли – если уж враги готовы к своему поражению, то надо действовать. Вернувшись в лагерь, он поднял всех и приказал нападать прямо сейчас. Был ли план атаки разработан заранее – ведь зачем-то они собрали все трубы, сколько было у всех собравшихся вначале на войну – или же импровизировали когда собрались нападать, непонятно. Но они зажгли факелы и надели на них глиняные горшки, чтобы свет не выдавал их противнику, взяли по трубе, и тремя отрядами по сто человек окружили лагерь маданитян, растянувшись вокруг него. Они согласовали время нападения, ориентируясь на время "средней ночной стражи" в середине ночи. Приблизившись к спящим во многих местах сторожам противника, они начали психическую атаку. Они разбудили охранников, когда поразбивали свои кувшины, и свет освобождённого факела начал ярко светить в ночи, а затем затрубили в трубы. Ошеломлённые стражи спросонок были ошеломлены и не знали, что делать. Нападения как будто не было, их не атаковали, но вдобавок к звукам трубы и свету многочисленных факелов с разных сторон они слышали крик – "Меч Сущего и Гедеона!" Просыпающиеся люди хватались за оружие и в неразберихе беготни принимали остальных за противника. Звуки мечей и вопли раненых были свидетельством, что враги вокруг них, и сражались друг с другом каждый за себя, все против всех. Отличить своих от чужих в тусклом освещении от факелов не представлялось возможным, тем более не хватало времени на распросы и разглядывание, особой формы одежды не было, да и если бы отличия были, в этой суеде было не до того, врагами были все встречные... Сколько бы много не было маданитян, сейчас это не играло никакой роли, триста евреев не прибегали к оружию, они лишь стояли и трубили тревогу, всю работу сделали сами их враги. Те, кому удавалось вырваться за пределы круга факелов, бежали к Иордану, чтобы поскорее убраться из этой, переставшей быть покорной земли.

Гедеон, видя успех и бегство противника, послал людей за поддержкой, и те, кто не разошёлся по домам после сортировки у ручья, а также и многие из прежде не пошедших в поход, спешно явились для погони за убежавшими. Главную работу сделали избранные триста, для остального годились все остальные. Также Гедеон послал к ефремлянам на восток, чтобы они захватили переправы через Иордан, что ефремляне и сделали. Им удалось захватить маданских князей и многих из убежавших. Головы двух князей ефремляне принесли к Гедеону, когда он пришёл к Иордану, однако эти люди едва не создали новые проблемы, едва ли не худшие прежних. Ефремляне были довольно сильные, успешные, влиятельные и красивые люди, вследствие чего ставшие излишне гордыми. После Иосифа его дети были очень уважаемы в память отца, так что один из пророков как-то, вспоминая прошлое, писал: "Когда говорил Ефрем, все умолкали". Однако, как часто бывает, дети не повторяли родителей, не всегда были достойны их наследия, их успех слишком приучил их быть первыми, и они стали слишком чувствительны к вопросам славы. Они буквально наехали на Гедеона, почему он не позвал их воевать с маданитянами. Представляю, как бы они реагировали на отбор кандидатов в войско, которое проводил Гедеон под руководством Бога, они бы начали войну ещё там, у ручья... Со своими, с Гедеоном. Но Гедеон позвал далеко не всех, а лишь ближайших соседей, так что ефремлянам не стоило обижаться, напротив, когда были созваны соседи, тогда и к ефремлянам Гедеон послал со важным заданием перехватить противника у переправ. Так что они оказались в приоритетном списке, в этом смысле даже и придирайтесь-то не к чему. Но они ухитрились увидеть какую-то обиду, какое-то пренебрежение там, где другой бы и не догадался. Вы все, наверное, встречали подобных людей, как бывает трудно с ними. Некоторое время спустя такой подход привёл ефремлян к беде, однако сегодня им повезло, Гедеон был не в том положении, чтобы тратить время на разборки ещё и с ними, не хватало сил, также нужно было преследовать убежавших, ещё двое князей маданитян

успели убежать на восточный берег Иордана. Поэтому Гедеон говорит с ними мягко и уступчиво, деликатно не обостряя отношений, упирая на успешность их действий, большую помощь в разгроме мадианитян у реки и на то, что именно они захватили командующих пришельцами. Он сумел польстить ефремлянам, и получив свою дозу уважения, они успокоились. Хотя это они должны были оказать уважение тому, кому Бог поручил быть вождем Израиля на всю его жизнь...

Закончив трудный разговор с ефремлянами, Гедеон переправился за Иордан и преследовал убегающих мадианитян. Его люди, как и он сам, были голодны и устали. Проходя мимо селений Сокхоф и Пенуэл, он просил хлеба для своих людей, однако получил издевательский ответ – "разве Зевей и Салман (князя мадианитян) уже у тебя в руках, чтобы нам давать тебе и твоим людям хлеб?" Как сговорились, по одному шаблону отнесли к тому, кто спасал их землю от врага... Гедеона и его людей это не остановило, им пришлось довольствоваться просто коротким отдыхом без еды, но они всё вынесли, и когда догнали врагов, тех оставалось лишь пятнадцать тысяч, до конца разгромили их и взяли в плен Зевея и Салмана. Тех, кто погиб в израильской земле, было сто двадцать тысяч человек.

Теперь уже не спеша они возвращались обратной дорогой, и можно было поговорить с теми, кто издевательски отказал им в помощи. Война ещё не была окончена, такое отношение к защитникам своей земли неприемлемо, это была фактическая измена и предательство. Когда войско Гедеона подошло к Сокхофу, там нашёлся один молодой человек, написавший им имена старейшин города. Перед атакой Гедеон подвёл Зевея и Салмана к стене и продемонстрировал их жителям города – "вот те, из-за которых вы посмеялись надо мной и не дали нам хлеб". Им бы извиниться, но они просто заперлись, думая отсидеться за своими стенами. Понятно, что в условиях геноцида от мадианитян сокхофцы тоже не имели много запасов, как и другие города и сёла Израиля, но могли бы не издеваться над своими избавителями, кто их тянул за язык? Так что Гедеон взял город и жёстко наказал многих, особенно старейшин. Возможно, что не все выжили после этого, но Гедеон был полностью в своём праве, и он сделал то, что и должен был сделать. Примерно то же самое он сделал и с Пенуэлом. С тех пор, насколько я помню, больше таких случаев насмешки над правителями и защитниками страны никто себе не позволял.

Вернувшись домой, Гедеон судил захваченных вождей мадианитян. У него был один вопрос к ним, какое-то время назад были убиты его родные братья, и именно эти князья мадианитян приговорили их к смерти. Скорее всего их казнили за попытки утаить урожай. Гедеон расспросил их об обстоятельствах их гибели, и те рассказали, они помнили эти события и этих людей. Гедеон на это ответил, что если бы они оставили его братьев жить тогда, то могли бы сейчас и сами быть помилованы. Он предложил своему старшему сыну поразить их, но тот, будучи молод, не смог преодолеть себя и поднять руку на безоружных, в бою всё же другое дело, чем приводить в исполнение приговор, сколь угодно справедливый. Зевей и Салман, храбрые и пожившие на свете люди, видя эту робость молодого человека, ответили, чтобы Гедеон сам сделал это и лично поразил их, для них это было достойным выходом.

Судейство и ошибки Гедеона

Народ праздновал победу, практически всё имущество мадианитян и их союзников осталось в Израиле, и теперь все воодушевлённо делили добычу. На радостях люди предложили Гедеону царствовать над ними, но он решительно отказался от этого. Предложенное ему значительно превышало пост, доверенный ему Богом, люди хотели видеть царя с абсолютной властью. Он видел существенную разницу в положении царя и судьи, который был арбитром в спорах не столько сам по себе, не в силу своего авторитета, а как представитель Бога, имеющий с Ним прямую связь. Многие рассматривают и царей как "помазанников", обладающих боже-

ственным авторитетом, однако же Бог рассматривает их положение как более авторитарное, более независимое от Него и Его воли.

Однако у Гедеона нашлись всё же некоторые ошибки, приведшие впоследствии к большим проблемам. Когда Бог поручил ему совершить жертвы в своём селении, он посчитал, что теперь приравнён к священникам. Такого ему не было поручено, это было разовое мероприятие с его участием, исключение из правил, и это поручение не было продлено позже. Однако ему это понравилось, и у него появилась идея устроить у себя небольшое святилище, пусть не равнявшееся с храмом Моисея, но всё же это создало очень неправильную ситуацию, которая в законе Моисея была однозначно запрещена – не должно быть никого постороннего в святилище и служении в нём, и место, где совершались жертвы, тоже было только одно. Исключение могло иметь место лишь по Его прямому повелению, как в начале пути Гедеона. Но Гедеон, по всей вероятности, не зная закона в деталях, допустил эту ошибку. Похоже, никто и не пытался его просветить и образумить, по крайней мере в этот момент. Он, отказавшись от царского положения, попросил воинов поделиться с ним добычей, всего лишь по одной серьге от каждого. От щедрот ему набросали кучу этих серёг, и этого золота ему хватило, чтобы сделать себе одежду, копирующую одеяние первосвященника. Этого оказалось достаточно, чтобы люди шли к нему уже не только как к судье, что было совершенно нормально, но как к служителю храма. От левитов и священников ожидалось, что они будут учить народ законам, они должны были быть экспертами закона в судах, у судьи обязанности тоже лежали в этой же плоскости, однако судья был пророком, а не священником. Люди же иной раз вместо того, чтобы идти в храм, шли с тем же самым к Гедеону, и, похоже, что он позволял себе делать то, что должно было делаться лишь в храме. То, что он отвлекал людей от храма и жертвенника Сущего, написано, было "сетью" для самого Гедеона, и для всего общества.

В годы его правления был мир, никакие враги не поднимали головы и никто не смел нападать на Израиль. Люди держались Пути, хотя и не очень надёжно и последовательно, поглядывая временами в сторону языческих богов, у которых было много праздников и послаблений. Также у людей появился плохой повод не ходить в храм Сущего, поскольку многие стали приходиться к нему, ведь у него была одежда первосвященника. У Гедеона родилось много детей, он позволил себе обзавестись многими жёнами. Даже если бы он согласился быть царём, вряд ли бы было больше вреда и людям, и ему самому, точнее, его сыновьям. Нелогично как-то – отказаться от царского поста, а потом принимать знаки внимания от женщин и заводить гарем, не уступающий царскому.

Авимелех

Авимелех¹³ был рождён не в доме Гедеона, не от жены, живущей с ним. Её называют наложницей, поскольку она имела свой дом и жила в Сихеме (городе, который когда-то был поражён сыновьями Иакова). То, что он сын очень знаменитого человека, позволило ему считать, что он мог бы иметь право на какие-то выгоды в этой жизни. Однако никто не спешил признавать его кем-то и, вполне возможно, что он и не был этим огорчён поначалу. Однако же, когда отец умер, то многие люди, а такие обычаи имелись у многих народов, обратили взоры на его детей – не будут ли они претендовать на первое место как наследники. Те сыновья, что росли в доме Гедеона, получили хорошее воспитание, и не помышляли ни о каких постах, рассчитывая на свои руки, благо земля позволяла жить не бедно, и этого было вполне достаточно. Но Авимелех, видя настроение некоторых людей, подумал, что вполне мог бы устроиться в этой жизни лучше. Он пошел к старейшинам города и повёл с ними довольно нечистые речи. Он сказал им такое: "Не лучше ли будет, если следующий правитель будет из вашего города – я ведь ваш

¹³ Не знаю точно, что это может значить – "отец – царь" или "мой отец – царь", а может быть "отец царя".

Распространённое имя в те времена. Кроме значения "царь" могло означать и "посланник", и даже "ангел".

родственник и земляк, я позабочусь о вашем процветании и преимуществах, если вы меня поддержите и поможете стать мне царём, как наследнику Гедеона. Если будут царствовать другие сыновья Гедеона, то они о вас не позаботятся так, как я..." Люди Сихема оказались с гнильцой, прежде никто из потомков судей даже не пытался стать правителем, все привыкли, что Бог Сам ставит им правителей, когда приходят трудные времена. Сыновья Гедеона не собирались править, но Авимелех говорит об их претензиях на высокое положение, как о само собой разумеющемся, и его слушают... Сам он, по крайней мере, всё же претендовал и, поскольку судил о других по себе, то есть плохо, то так же посчитал и их претендентами на правление. Не исключено, что Гедеон был настолько популярен, что многие думали и говорили вслух, что неплохо бы было кому-то из его сыновей стать настоящим царём. Выслушав молодого выскочку, они решились на прежде небывалое, продолжить династию Гедеона. Забегая вперёд, можно сказать, что они даже преуспели, у них всё получилось, и если бы не планы Бога, не дающего полного хода некоторым человеческим замыслам, то эта история могла бы ввести царское правление намного раньше Саула и Давида.

Замысел Авимелеха был для них прозрачен – планам стать царём мешали его братья. Они сами не помышляли такого, и на их фоне претензии Авимелеха, далеко не старшего среди них, могли выглядеть несерьёзными, даже при отсутствии претензий с их стороны. А если бы стали чинить препятствия, на претензиях Авимелеха можно было бы ставить крест. Поэтому из фонда Ваалверифа, культа, поднявшего голову едва умер Гедеон, старейшины выделили ему некоторую сумму серебра, на которые он нанял людей без принципов, готовых на всё за деньги. Эта банда отправилась на охоту за сыновьями Гедеона, которые стояли на его пути одним лишь своим существованием.

Авимелех знал, где и как живут его братья, пришёл к ним как бы в гости, сумел выманить их из Офры под каким-то предлогом, и его люди расправились с ними. Летописцы описали, что они были убиты на одном камне, то есть их подвели одного за другим к этому камню, и они видели участь предыдущих, последним же из них пришлось видеть жуткую картину множества мёртвых тел и лужи крови. Самого Авимелеха это не остановило, жажда власти заставила его пройти через это. И почему-то никто не занялся расследованием этого жуткого преступления, хотя жители Офры, родины Гедеона и его сыновей, могли и должны бы были это сделать. Уже то, что житель другого города решил отнять у них их славу, чем они по праву могли гордиться, должно бы было заставить их остановить Авимелеха и отомстить ему. За семьдесят шекелей тот вряд ли нанял большое войско, и если бы сограждане Гедеона выступили против него сразу, то без большого труда разбили бы его банду. Но никто не вступился за свои же интересы и за справедливость, посчитав действия Авимелеха разборкой между родственниками, почему Библия и говорит, что никто не оказал помощи семье Гедеона, забыв всё благо, которое он делал в своей жизни.

Однако не все сыновья Гедеона погибли, младший из них каким-то образом почувствовал опасность, и то ли не пошёл со всеми туда, куда их позвал Авимелех, то ли убежал, когда стали приближаться к месту засады до того, как их схватили. Судя по тому, что произошло после, этот сын Гедеона оказался весьма неординарным человеком, более чем достойным своего отца, разговаривавшего с Богом. Иофам сам с Ним не встречался, но тем более удивительна сила его слова, высказанного в проклятие Авимелеху и тем, кто помог осуществиться его замыслам. Он понял то, чему его отец пытался научить о Боге его и всех остальных предметах, и поступил как настоящий судья – его приговор Сихему и Авимелеху не только справедлив, но и изыскан, поэтичен и, главное, был осуществлён без помощи человеческих рук. Хотя для всех было бы лучше, если бы это сделали сами люди, но они устранились от правосудия. Сделай они по законам и правилам

Бога, это продвинуло бы общество Израиля в становлении и развитии его институтов, стало бы защитой от многих происков врага, укрепило бы в них верность Пути.

Жители Сихема, после того, как он уничтожил предполагаемых соперников (они не были соперниками, но скорее всего само их существование было серьёзной преградой планам Авимелеха и сихемлян), провели церемонии возведения на царство Авимелеха. Он стал царём, но очень небольшим. Его полномочия не касались даже его племени, где находился Сихем (на стыке владений Манассии и Ефрема), в библейской истории не упоминается, что кто-то ещё признавал его власть или что он претендовал на подчинение ещё кого-то, кроме Сихема и Тевеца. Получается, что он уничтожил своих собственных братьев не ради всеизраильской власти, не ради даже своего племени, а всего лишь одного городка! Но и в своём Сихеме он мог царствовать не встречая сопротивления, пока не задел бы интересы кого-либо из тех, кто поставил его на этот пост. Хотя пророки и священники могли бы и должны были встать на пути его претензий на царство, поскольку Бог его не призывал на это дело, но на практике даже за убийство братьев ему никто и слова не сказал, тем более за звание царя, так что дело вышло весьма скверное. О его муках совести никто в Библии не поминает, и вряд ли потому, что он никому об этом не рассказывал...

Иофам, выживший после визита Авимелеха, услышал, что этот братоубийца царствует, что его с церемониями торжественно произвели в цари, правда, только в одном городе, хотя и известном в Израиле. Он не мог оставить это дело идти само по себе, тот Дух, который помогал его отцу, нашёл и нём некоторое место для Себя. Он должен был предупредить о последствиях жителей Сихема, хотя тут речь идёт скорее о наказании, разве только кто-то из простых людей могли не знать о расправе их избранника над своими собственными братьями – может ли такой человек быть заботливым отцом для кого-то, когда так нечестиво поступает с близкими людьми? Не постигнет ли и их самих та же участь? Собственно именно так и вышло, и Иофам, движимый пророческим духом, вылил на их головы проклятие, заслуженное ими всеми. Его речь не была простым "как вы посмели", он облёк её в притчу, которая до сих пор современна и актуальна, может быть применена ко многим случаям и обстоятельствам многих людей и стран всех времён. Он пришёл к Сихему, и с горы Гаризим (с этой горы некогда, когда Израиль делал первые шаги по этой земле, звучало проклятие на делающих зло и грех) обратился к ним с речью.

Сюжет его притчи оказывается близок даже к российской истории, всем известны представления о ранней истории восточнославянских племён как беспорядке, который может устранить только посторонний человек (не очень верится, что на самом деле так было, но не хватает данных для уверенных представлений). В общем, деревья в лесу зачем-то захотели иметь царя, наверное, тоже завидовали всем вокруг, кто уже успел приобщиться к достижениям высших цивилизаций и тоже надеялись достигнуть процветания под правлением мудрого правителя. Правда, о мудром царе речь не шла, может быть, они думали, что сама по себе фигура царя уже делает его мудрым, типа сам сан обладает такой благодатностью... Ну, чуть-чуть смысла в этом есть, приходилось видеть, как простой человек, поставленный на ступеньку выше, обнаруживает прежде небывалые свойства, не зря всё же существует выражение "положение обязывает". Не только обязывает, но и мобилизует, изменяет, однако же вовсе не гарантирует... Изменения-то происходят, только не всегда желательные, так что выбирать надо более сознательно, не так, как те деревья.

Поначалу деревья обратились к оливе с предложением царствовать над ними, однако же та не прельстилась на это, она уже имеет своё дело, которым счастлива, своё призвание, и отказаться от которого означает потерять смысл своего существования. Все отказывающиеся говорят о том, что царское дело включает в себя "скитания" с места на место, поскольку, добросовестные в своём призвании, они добросовестно оценивают и предлагаемое им, и видят, что это дело вклю-

чает в себя служение тем, над кем они должны царствовать, и видят себя не начальниками, а служителями. Но они уже служат своими способностями людям и другим существам, они не хотят стать плохими координаторами, теряя счастье быть успешными в своём природном деле. Им просто непонятно, как можно менять хорошее на плохое, и от их царствования выйдет ущерб для всех, в том числе и для них самих.

Вслед за оливой отказались и инжир, и виноградная лоза. Да, деревья стали понижать свои запросы, обращаясь от отчаяния даже к тем, кто уже и не деревья. Видимо, друг другу, обычным берёзам и тополям они не предлагали этого, а выискивали кого-то с признанными всеми, особыми свойствами. Впрочем, притча не затрагивает этого, у неё другое призвание, хотя слушатели её как раз бы и могли (и должны были) пораскинуть умом, что тут к чему. Глубоко затронул Иофам... Наконец, отчаявшись, деревья пришли к совсем уже неблагородному растению, зато известному своими колючками. Тот, как будто только и ждал этого, согласился, но выдвинул условие, и если этого условия не примут, то и он не пойдёт в цари. Условие же было такое – они должны были радоваться ему, любить его с его колючками, принимать такого, какой он есть. Ради гордости и показухи деревья снесли бы такого царя, но уж любить такого хулиганистого и вредного не получилось бы никак. А терновнику почему-то это было важно. За образами этих древесных существ с мозгами из опилок стоят свойства потерянных разумных, ищущих не то, что им нужно, и не там, где нужно им обретается. И тот, кто готов услужить капризу потерявшим смысл, не может дать им радости и добра, как ни старайся. Но зато требует любви, и не может получить её, и мучает своих подопечных ещё сильнее... В общем, терновник требует – если вы на самом деле нуждаетесь во мне, то идите и грейтесь под моей тенью (у терновника, однако, не пышная крона, да и невысокая, это же как надо скорчиться высоким деревьям, унизиться, чтобы забраться под него, да ещё при этом изображать радость. Если же нет, то от меня выйдет огонь, который сожжёт самых сильных и красивых из вас...

То состояние умов, что заставляло многих устраивать свои племена по образцу других народов, ставя царей, которое описал Иофам (когда оно не нужно было им, не дошла у них реальная нужда к этому), могло привести даже к такому явлению, когда какие-то личности могли начать предлагать свои услуги, типа "а не нужно ли кому царя, так вот он я, весь из себя готовый, прошедший ускоренные курсы, обученный управлению и менеджменту, экономике и социологии – приведу вас прямым путем к процветанию, победе над любыми врагами и расширению территорий"... И, похоже, что-то такое даже имело место, когда бригады вооружённых людей ходили от народа к народу, нанимаясь на службу к отдельным людям или же предлагая на самом деле вести кого-то к вершинам. В таких условиях неудивительно, что отдельные народы действительно могли подумать о найме опытных и умелых людей, и их можно понять, в таких условиях это не было зазорно никому, если переходящие вожди действительно умели воевать или ставить управление зарекомендовавшими себя путями и методами.

Изложив им иносказание, Иофам упрекнул сихемлян, задав им вопрос, правильно ли, заслуженно ли они поступили с домом Гедеона, который спасал их жизни, избавил от грабителей и убийц, рисковавшего своей жизнью ради них, и теперь такая гнусная неблагодарность. И ради кого они запачкали свои руки? – они взяли худшего из возможных, который ни при каких условиях не принесёт им добра. После этих слов он перешёл к главной части своей речи, до этого был просто упрёк, но сейчас он говорит заклятие, которое, впрочем, одновременно и проклятие.

Заклятие это требование сделать что-то или предупреждение не делать чего-то, и в зависимости от выполнения заданных условий последует либо благо, либо наказание, определённое в условиях. Проклятие же делается после уже сделанного (или несделанного, если вред принесло бездействие), там проще – сразу высказывается заслу-

женное. В случае с Авимелехом условие Иофама звучит риторически, фактически они уже сделали зло, поэтому его проклятие уже сразу могло начать сбываться, ждать ничего не нужно. Но многим людям надо было сначала подумать о сделанном ими, узнать как было дело, чтобы взвесить и увидеть правоту Иофама, поэтому он дал им время оценить, хорошо ли они сделали или нет.

Итак, говорит Иофам, если то, что вы сделали (он не винит одного лишь Авимелеха, а сразу всех, кто участвовал в этом и приобщился к его делам через финансирование убийства детей Гедеона и избрание братоубийцы царём), вы сделали справедливо и правильно, то пусть вам будет кругом хорошо, радуйтесь и живите счастливо с вашим царём. Но если сделанное вами есть зло, то пусть выйдет огонь от Авимелеха и пожрёт вас, и пусть выйдет огонь от вас, и пожрёт Авимелеха! Сказав это, Иофам развернулся, не дожидаясь, пока до него доберутся некоторые, желавшие дело, не полностью законченное в Офре, довести до конца. Он убежал в южные края, куда Авимелех не мог бы добраться, и оставался там некоторое время. Долго ждать исполнения своих слов ему не пришлось, хотя три года и могут показаться кому-то большим сроком. За это время всё, высказанное им, было выполнено полностью.

Конец Авимелеха

Авимелех получил то, что хотел. Однако было ли его царствование таким, каким он его себе представлял? Мне мало известно пока что о том, на чём держится существование царя и его двора, войска, вся та механика и логика обустройства в ранние эпохи. Когда через некоторое время Самуил поставил Саула в цари, то это сопровождалось не только церемониями, но и новым уставом и иной организацией общества – тогда в Израиле появилась десятина для царя, уже четвёртая по счёту, этот способ организации накладывает на общество свою ответственность. Здесь же не было подобных перемен, и мне интересно, где Авимелех брал средства для оплаты своих слуг, для осуществления своих планов? Каким-то образом он это делал, и без налогов тут никак не могло обойтись, только божественного авторитета и никакого другого не было, кроме самого желания жителей Сихема "быть как все", по последней моде. И это одна из причин, почему сихемляне быстро охладели к тому, что над ними стоит царь, "не хуже" чем у окружающих народов. Они могли считать, что теперь приобщились к международной цивилизации, однако вряд ли они задумывались, какие издержки несут те народы, которым они хотели подражать. Нет, они явно рассчитывали получить всё и сразу, и при этом ни что не платить. И когда обнаружилась цена этого, им быстро это надоело, очень быстро. Библия говорит, что между Авимелехом и жителями Сихема возник "злой дух". То есть было плохо всё, не только налоги, но вообще сама его личность и всё, что он пытался делать, вызывали неприязнь и ненависть, а также, скорее всего, и презрение. Если он им не нравился, значит всё, что он делал, было "не так", а это не прибавляет авторитета.

После некоторого времени, пока всё ещё было хорошо, Авимелех пытался распространить свою власть на другие города и территории Израиля. Этому могло помогать то, что другие племена Израиля не имели никаких особых правителей, кроме старших в племени, то есть князей, а его фигура стала приметной в силу новизны и подражания другим народам, так что кто-то мог попробовать получить от него помощь в своих делах и приходили к нему судиться, потому что это одно из главных дел, которым занимались цари в древности, по крайней мере в Израиле. На этом можно сделать имя и успех. Чем больше людей приходят на суд, тем больше авторитета, а за этим и больше средств у царя. За разбор дела судья всегда имел свой кусок хлеба, кроме, может быть, совсем бедных людей, которым он тоже должен был оказать справедливость и защиту. Также он мог предлагать организацию защиты и охраны. Плохие люди склонны защищать, давать крышу, таким же по характеру, как и сами. После Гедеона в Израиле снова набирали силу разрушительные тенденции, вслед за язычеством всегда восставали также нарушители осталь-

ных законов и правил – ведь все правила и законы, в том числе имущественные, были связаны с Сущим, поэтому неудивительно, что сторонники языческих богов вводили и другие правила игры, так что собственность на землю и дома, полученные по жребию когда-то вначале, могли оспариваться как недействительные... То, что Израиль почти (вообще не отмечается этого во всей их истории) не соблюдал юбилейные годы, а с ними и возврат собственности изначальному собственнику. Это вело к появлению обездоленных людей и концентрации ресурсов в руках бесчестных и хитрых, порядок цен, должных уменьшающихся по мере приближения юбилейного года, был также нарушен, что вело ко многим другим заметным и не очень перекосам, то есть весь образ жизни страны оказывался не тем, какой был очерчен в законах Моисея. Всё это умножало количество зла в обществе, разрушало законы и порядок. Библия отмечает, что Авимелех правил над Израилем три года, то есть, хотя вряд ли его широко признавали, но он сумел как-то увеличить свою юрисдикцию, пусть не авторитет и не власть, над более чем только ближайшей округой.

Авимелех не известен никакими походами, никакими войнами и столкновениями с другими странами, кроме как со своими же сородичами из Сихема. Его войска хватило только на разрушение Сихема и Тевеца, для чего было достаточно несколько сотен воинов, основу которых, скорее всего, составляли те бандиты, которых он нанял для убийства своих братьев в самом начале своей аферы. Будь у него больше времени, возможно, он смог бы навязать своё посредничество многим городам, расширив и свою власть, наличие царя всё же пробуждало любопытство многих. С некоторых пор Авимелех не живёт в Сихеме, видимо ходя по окрестным городам и племенам, пытаясь заработать средства для содержания себя, раскручивая свои возможности договорами и сделками, а отчасти из-за того, что сами сихемляне ненавидели его. Оставаться жить здесь означало наверняка потерять всё, включая и жизнь – когда к царю, которого ставили своими руками, так относятся, то это уже не царствование, а насмешка над самой идеей властителя. Здесь можно применить одну поговорку более позднего времени – Авимелех не пытался остаться "пророком в своём отечестве", ощущая, что этого точно не получится. Неприязнь достигла такого уровня, что сихемляне не пожалели ничего для борьбы с Авимелехом, они выделили или наняли специальных людей, которые находились постоянно в засадах вокруг Сихема. Засады эти были организованы на Авимелеха, однако быстро выродились в просто бандитизм, эти люди грабили всех проходящим мимо, если видели, что могут справиться с ними.

Но тут добавилась ещё одна проблема – в Сихем откуда-то явились некие люди, претендующие, что они потомки Еммора, древних жителей этого места, в известных событиях с дочерью Иакова частично уничтоженных, частично проданных в рабство сыновьями Иакова. К израильтянам эта группа с предводителем Гаалом не имела никаких претензий, они просто предлагали свои услуги. Возможно, что они и не были никакими потомками Сихема и Еммора, а были "детьми лейтенанта Шмидта", это дело не новое. И предлагали ни много, ни мало, как другого царя (что опять же подтверждает мысль о том, что охотников на это дело было немало, как был и спрос). Сихемлянам нужен царь? Им не нравится их текущий царь? – так чего ждать, вот вам новый царь, древнейших корней, просим любить и жаловать. Переходите под нашу юрисдикцию, мы обеспечим вас всё по высшему разряду. Что такое ваш Авимелех? Его отец только и был властителем в стране, да и то не царём, а его дед всего лишь местный старейшина? А у нашего столько-то поколений предков-царей. Главное, что сихемляне всё ещё были настроены положительно по данному вопросу, и охотно слушали нового претендента на их имущество и свободу. Большинство жителей Сихема стали считать, что им нужен в цари именно этот Гаал с его командой. Хотя без этих царьков местного разлива они жили бы однозначно богаче и спокойнее под защитой большой страны и своего Бога, но им так хотелось чего-то сверх обыденного. Сделанный ими неверный шаг закрутил их в поисках новых решений, однако любые решения и по-

иски в этом направлении был глупостью и суетой. И кончилось это чрезвычайно плохо для всех...

В городе присутствовал человек, верный Авимелеху, которому по должности полагалось пресекать подобные настроения. И он этим занимался, хотя начало неприятностей он пропустил, но это понятно, ему не спешили докладывать о деятельности Гаала. Он донёс Авимелеху о деятельности пришельца, сманившего к себе большинство тех, кто некогда стал опорой самого Авимелеха в обретении царского положения. Он предложил ему нанять побольше воинов и разобраться как с пришедшими охотниками на царство, так и со своими подданными, уклонившимися от него. Дело приняло серьёзный оборот, слишком многие поверили Гаалу. Разбойничьи гнёзда вокруг Сихема и желание многих призвать нового царя в город стали большой проблемой, с которой сам Зевул, ставленник Авимелеха, не мог справиться. Он предложил Авимелеху сделать засаду у стен города, и когда с утра люди выйдут на полевые работы, напасть на них, что и было сделано.

Утром у ворот, когда люди выходили в поле, Зевул и Гаал встретились. Гаал сказал Зевулу, что ему кажется, что с гор спускаются люди, это были отряды Авимелеха, но Зевул, издеваясь над ним, ответил, что он путает тень деревьев от восходящего солнца с людьми. В первый момент Гаал усомнился, издали было и правда нетрудно принять тени за людей, но через пару минут сомнения рассеялись – это были люди, их оказалось много, и это сулило неприятности. Теперь Зевул бросил вызов Гаалу – "это Авимелех, о котором ты говорил "кто он такой?" – иди теперь, сразись с ним", покажи ему, что твои слова что-то значат. Гаал созвал свою команду и своих сторонников, которых в Сихеме было большинство, и они бросились в бой. Хотя у них было некоторое время, пока отряды Авимелеха добивались до города, его не хватило на подготовку. Да и крестьянское население города не могло противостоять воинам, так что одна лишь команда Гаала не могла удержать поле боя за собой. Их смяли, и Гаал бежал. Из жителей Сихема многие были убиты в этом бою, но Авимелех не стал входить в город, остановившись в соседнем селении. Гаал и его люди, кто остались в живых, не остались в Сихеме, Зевул выгнал их, сила была теперь на его стороне. Однако Авимелеху было мало почему-то этой победы. На следующий день жители Сихема снова вышли в поле. Многие были убиты, но с ними уже попрощались, их похоронили, и люди думали, что на этом их неприятности закончились. Но они не знали, какое зло пробудили своей беспечностью и привели в мир на свою собственную голову. Авимелех, узнав, что люди продолжают работу в полях, тремя отрядами напал на них и убивал всех подряд. Один из отрядов встал у ворот города, так что никто из убегающих не мог спастись. Уничтожив народ в полях, он также захватил и город и уничтожил его полностью, засеяв солью. Так он отплатил людям за их непостоянство и ветреность в политике, но при этом не пощадил свой родной город, стёр его с лица земли – что-то с ним происходило совсем уж нехорошее.

Рядом с Сихемом находилась башня или укрепление, где спрятались от войны около тысячи человек. Узнав, что город уничтожен, они поняли, что следующими будут они, и пока было время, убежали к храму Ваал-Верифа, где была эта башня, и укрылись там. Они надеялись переждать в ней, пользуясь также тем, что место поклонения, его религиозная слава, могут удержать Авимелеха от преследования их. Но они недооценили степени падения того, кому сами некогда деньгами этого храма помогли свергнуть дом его отца. Зло, вышедшее из этого места, возвращалось к своим истокам... Авимелех скоро узнал, где скрылись остатки Сихема, и он не собирался прощать их – то, что они выступали против его авторитета, обрекло их на уничтожение. Власть для Авимелеха была слишком важна, ради этого он затеял все свои злые предприятия, и после братьев он не думал останавливаться на таких мелочах, а если и приходило в голову что-то, то инерция раскрутившихся событий не позволяла остановиться. То есть он и мог бы, но если бы для этого не требовались существенные перемены, а то и немалые потери. Пострадать самому

ради блага оставшихся, вовлечённых в его дела, или уходить от проблем, перекладывая их на других? – вечная проблема застрявших в суете этого мира.

Авимелех отправился к капищу, он уже представлял, что будет делать. Ему не хотелось тратить время на осаду, тем более ему не были нужны никто из оставшихся сихемлян, поэтому он велел взять с собой топоры, и нарубив сучьев, принести их к башне. Их сложили вокруг и подожгли, так что все в башне сгорели или задохнулись от дыма. В этот день были уничтожены последние остатки Сихема, кроме, может быть, его сторонников, если они не были уничтожены вместе со всеми, но и для них не обошлось без проблем – их город перестал существовать, его место было засеяно солью, так что долгое время там даже ничего не могло расти. Им пришлось искать новое место жительства, обустраиваться где-то заново.

Оставался ещё городок Тевец, который активно выступал против Авимелеха, так что все теперь направились туда, чтобы покончить с последними, кто мешал самозванцу (законным царём он мог считаться лишь там, где его и поставили, впрочем, если бы его признали в других местах, он бы тоже был законным, но пока этого не произошло, хотя, кажется, что-то у него получалось, и именно поэтому оппозиция дома очень сильно мешала ему в достижении этих планов). Там тоже люди собрались в башню, надеясь переждать проблемы. Авимелех также точно не церемонился с ними, действовал самым быстрым и эффективным способом, собравшись сжечь их, как и башню капища. Однако в этот раз кое-что пошло иначе. Люди, находящиеся в башне, вышли на крышу и оттуда наблюдали, что будет делать Авимелех. Им не хотелось умирать, хотя ситуация казалась безвыходной. Однако решение нашлось. Когда Авимелех, подавая личный пример энтузиазма, подошёл к двери башни, чтобы зажечь разложенную вокруг древесину, одна из женщин на башне воспользовалась моментом. У неё в руках был увесистый обломок жернова, и прицелившись в Авимелеха, она кинула его. Бросок был удачный. Камень проломил ему голову, и хотя Авимелех оставался в сознании, он видел, что это ненадолго. Быть убитым рукой женщины ему, искавшему славы и власти, казалось весьма позорным, поэтому он приказал оруженосцу добить его, что тот и выполнил. Так не стало Авимелеха, сына Гедеона. Так сбылись слова Иофама, его брата, слова проклятия, сбылись все до единого. Теперь без Авимелеха вся эта война со своим народом не имела никакого смысла, и о мести никто даже не задумывался из всего его войска, всё держалось только на нём одном. Все сторонники Авимелеха просто разошлись по домам, ничего в принципе не теряя без него и его амбициозных планов, всего лишь меньше будет приключений в жизни, а для жителей Тевеца это был огромный праздник. Кровопийца умер, и никто больше не будет угрожать их жизни... Жаль только, что жители Сихема и весь этот город исчезли из жизни. Впрочем, они пожалели то, что сеяли. И что с того, что многие из них не понимали, что именно они делали, ведь всё выглядело так невинно, интересно и заманчиво? Можно ли отменить всходы тех семян, что брошены в землю? Они прорастут при первой же возможности, по крайней мере при второй или третьей.

Зло вернулось к Авимелеху, начавшему его – он из своей затеи получил не власть и честь и почёт, хотя поначалу имел желаемое, а обратное тому. Его власть оказалась оспорена теми, кто поднял его в цари, вместо почёта от сограждан он получил трудно объяснимые презрение и ненависть. В этих условиях и честь от его воинов (хотя больше это была всё та же банда из ненадёжных и опустившихся людей, его первые помощники в убийстве братьев составляли костяк его последующего войска) не стоила много, а конец его оказался для него вообще наихудшим в его собственных глазах. Ради расширения своего влияния с целью обретения большей юрисдикции он ходил с места на место, пытаясь всякими хитростями, потому что для угроз у него не было достаточно сил, стать участником взаимосвязей в стране, но он не успел добиться многого, и это разочаровывало. Когда ещё он добьётся желаемого, а в этих всех переговорах и поисках возможностей он ощущал себя униженным, так как должен был хитрить и заискивать у многих,

терпеть недоверие и даже презрение от многих князей и начальников, с которыми вёл дела. Это всё было совсем не тем, к чему он стремился и о чём мечтал когда-то, и знай он изначально, каким выйдет его путь, стал ли бы он браться за него? Мог ли он знать, куда попадёт вместо цели? Думаю, вполне мог, если бы задался такой целью – знание жизни и мудрость приходят к человеку не с возрастом, а с поиском. Иногда даже знания не дают мудрости, высшего результата знаний. Многие люди мудры ограниченно, в рамках того, как ограничили себя своим выбором, почему апостол Иаков говорит о "земной мудрости". Те, кто умеют замечать и сопоставлять всё доступное им, делать из этого выводы или хотя бы доверяться интуитивной внутренней оценке положения вещей, обладают этим ценнейшим качеством. Но настоящая мудрость учитывает ещё больше, она отвечает на вопрос не только "как" сделать или добиться чего-то, не только рассчитать последствия планируемого, но и встраивает планируемое в реальность без конфликта (бывает ещё конфликт со злыми силами, но это другое, в самом деле несущественное, зло изначально в конфликте с жизнью) или разрушения. Без сотрудничества с высшими силами это трудно достигнуть, если вообще возможно. Для "земной мудрости" это недостижимо...

Что было делать тем, кто не разделял общего помрачения умов в Сихеме? Снова на этом примере можно понять, что из таких мест надо уходить добрым людям, иначе и непричастные пострадают. Если где-то делается зло, и добрые люди там не могут изменить направленность остальных, то надо уходить... Или не задавайте потом вопросов, почему страдают дети и невинные. Чуткие люди ощущают, что над данной местностью или группой людей нависло наказание, или по библейски гнев Бога, особенно после таких вещей, как заклание или проклятие за злое дело. Ощущать такое или знать, и после этого оставаться, значит проявлять, мягко говоря, неразумие. Наказание не будет отменено только лишь тем, что там находится кто-то непричастный, правила заданы и не меняются. Не всякое зло порождает гнев и наказание на ту или иную группу людей или территорию, это особые случаи, случающиеся подобно тому, как произошло здесь от Иофама, когда наказание было призвано сознательно и по праву. Одно и то же дело, одинаково злое, в одном случае остаётся ненаказанным свыше (то есть оно будет наказано обязательно, но лишь в конце истории), другое же, если кто-то проявит волю и слово, будет наказано ещё в этой жизни. Это относится не только к наказанию свыше, но и от людей или государства (хотя верхний мир всё равно имеет к этому отношение, как сказано, что любой суд есть дело Бога, так что судьи очень сильно подотчётны за то, чтобы их суд был верным). Так что услышав о проклятии Иофама всякий разумный человек должен был подумать о том, как бы перебраться на какое-то время в любые другие места, пока его слово не свершится.

Отступничество усиливается

После ухода Гедеона и замешательства с Авимелехом не было нашествия каких-либо врагов. Как будто бы не было внешней причины для того, чтобы Бог поставил кого-то в судьи народа, о заметном отступлении от Бога в это время не упоминается. Однако Гедеон своим поступком с домашним святилищем создал не лучшую ситуацию, нужен был кто-то, кто держал бы порядок в стране, кто был бы агентом влияния Бога. Народная мысль и чувство могло пойти в любую сторону, также были сильны позиции тех, кто держался Пути и было важно поддержать и укрепить эту тенденцию. Поэтому Бог поставил где-то сразу после Авимелеха человека от Себя, хотя защиты страны от врагов не требовалось. Это было нетипично в эпоху Судей, но два следующих после Гедеона судьи не вели никаких войн, а только судили народ и учили их порядкам и заветам Всевышнего, когда к ним обращались по тем или иным поводам.

Фола и Иаир из Галаада в общей сложности правили сорок пять лет, и по событиям, точнее отсутствию трудно сделать вывод о переменах в характере народа, закрепилась ли в них склонность к верности порядкам и уставам Сущего или всё осталось без перемен. Явно, что по-

рядок поддерживался извне. Это вполне могло помочь многим получить лучшее воспитание. Можно подумать, что большинство судей всё же не были глубоки в знании Бога и Его Пути, не установили религиозного обучения, как это сделал позже Самуил. Одних лишь ограничительных мер как правило не хватает, они работают лишь в среде где уже существует высокая сознательность и высокая культура мысли и духа. Даже их личная верность Богу не всегда была на высоте, как было с Гедеоном и его первосвященническим одеянием, так что народу очень не хватало мощных влияний, сильных примеров высокой духовности и сильных учителей.

Едва умер Иаир, и когда не был явлен новый судья после него, то летописец употребил следующее выражение: "Израиль продолжал делать зло..." Едва не стало начальственной руки, как люди продолжили заниматься тем, к чему их тянула душа. Выглядит так, как будто Бог и поставленные Им люди занимаются исключительно ограничениями, запрещают людям то, к чему они всей душой тянутся. Также это описание показывает, что неверность как будто была у них нормальным явлением, а верность долгу скорее исключением. В таких случаях некоторые начинают говорить о плохой наследственности, не берусь судить, вряд ли здесь имела место генетика. Разумеется, в том "соревновании систем", которое во вселенской Империи никогда не прекращалось, эта тягостная картина никак не служила рекламой стороне Бога, и последователи Люцифера, посещая остальных, злорадствовали, сообщая им новости о дрящемся тяжёлом эксперименте с Израилем. "Без кнута и пряника ничего у вас не может получиться, именно зло естественно" – говорили они. Тем нечего было отвечать на такое, хотя все понимали, что такая склонность к злу не полностью происходит от человека, но что за этим стоит и влияние Люцифера, играющего на тонких струнах человека, на сложности организации человека, на том, что вещи не шли естественным порядком, и что большая часть упадка Израиля организована им же самим. Зло не более привлекательно, чем добро, но человек был создан быть всегда в контакте с создавшим их, поэтому оказавшись в руках Люцифера, человечество стало как детский сад в руках наркомафии или опытного извращенца, под очень мощным потоком недобрых влияний. Встроенный в человека порядок вошёл в противоречие с дезорганизованной жизнью, когда разные стороны человека попали под соблазняющие тяготения. Большая часть людей в условиях незнания в силу сложившихся условий всегда будет сбиваться с дороги, и даже если бы людям дали полную информацию о происходящем с ними, это мало помогло бы тем, кто склонен жить эмоциями, ставя их на равных с другими обстоятельствами. Условия соревнования не были равными, на руку силам зла играло то, что человек был в падшем состоянии. Будь дело иначе, если бы Люцифер попробовал так же работать над падавшим миром, дело бы обстояло противоположным образом.

Много факторов играло против Бога в деле Израиля, однако даже поражения могут создавать условия для последующего выигрыша. Тем более удивительны окажутся успехи Церкви в конце всей этой истории, когда найдутся противоядия против любых обольщений, которые раньше казались неотразимыми. Несмотря на крайне невыгодные условия для праведности, когда сама природа человека не очень понимает и вписывается в гармонию неба, всё же в человечестве нарабатывался материал совершенно иного человека, который посрамит дьявола во всех его претензиях и защитит честное имя Бога.

В этом месте летописец, вероятно, Самуил, делает паузу и повествует, что Израиль буквально сорвался с нарезки, небольшие качественные подвижки, "накопления" неверных традиций, шедшие понемногу до этого, привели к большим и видимым сдвигам в общественной жизни. После Иаира люди в разных местах страны выбрали себе богов от соседей – сидонян, сирийцев, моавитян, аммонитян и филистимлян. На любой вкус, ведь многие народы имели не по одному богу... Как полагается, Бог опять отошёл в сторону, забрал Свою охрану от этой земли, ставшей Ему почти чужой. В гневе ли, в расстройстве ли, Он наблюдал, как с разных концов соседи начали терзать и грабить евреев, оставшихся без защиты. Ситуация как будто обычная, но

было в этот раз нечто новое – когда людям стало не до развлечений с чужими богами, с их обычаями, застольями, обрядами и праздниками, и когда они как обычно позвали своего Бога защитить их от врагов, Тот ответил отказом...

Период Судей длился уже более трёхсот лет, и если один метод работает плохо, или его действенность снижается из-за привыкания, то значит надо менять подходы, кардинально или понемногу, но менять. В этот раз, когда люди стали звать Бога на помощь, кто-то из пророков был призван передать этим ненадёжным людям примерно следующее – сколько раз Я уже спасал вас от разных народов, а вы всё идёте к их богам? Ну так идите теперь к ним, если они так хороши для вас – пусть они спасают вас от врагов, пусть они помогают вам. Я же не буду больше помогать вам. В этом была некая ирония или издёвка над их практикой – ведь то были боги других народов, и если они вообще что-то могли делать, то помогали своим подопечным, и станут ли, захотят ли чужие боги помогать чужим для них евреям, подопечным Суцего? Таким образом получалось, что будь даже языческие боги реальными существами, они не стали бы помогать евреям, и даже это одно соображение должно было помочь им осознать, что их подражание другим народам глупо до чрезвычайности... Они могли из этого также понять, что Суций не волшебная палочка, что их раскаяние о прошлом на самом деле мало чего стоит, если раскаиваясь, они не меняются, продолжают делать то, в чём раскаивались. Если их раскаяние не меняет их, не влияет на их оценки и подходы к вещам... Это был суровый ответ, и люди вдруг оценили и поняли, ощутили, что бесконечно такая игра продолжаться не может. В следующих поколениях проблема могла повториться, и повторялась, но в этом поколении люди получили сильный урок. И они практически все, как один, полностью вычистили свои селения и дома от всего языческого, отвергли обычаи и практики соседей, взялись за соблюдение всего известного им из порядков и уставов их Бога. Некоторое время их беды продолжались, но они твёрдо и решительно, не опуская руки и не уставая, стали держаться Пути. Это было очень правильно, это был урок, хороший урок, выполненный как надо обществом этого поколения, и Бог вскоре откликнулся. Написано, что Он не смог выносить страданий Своего народа...

Иеффай

Итак, когда после ушёл из жизни Иаир, и Израиль погряз по своему обыкновению в поклонении богам соседей, то Суций был разгневан этим, и как следствие соседи начали угнетать евреев с разных сторон. В центральных областях могло доходить до того, что восточные неприятели Израиля встречались с западными. Не знаю, приводили такие встречи к стычкам между ними или они делили по братски то, что брали с евреев, думаю, что всё же не были рады друг другу. Но евреям от этого пользы не было никакой. Эти проблемы длились восемнадцать лет. Удивительно состояние духа самих евреев – они совсем недавно ещё были независимы, никто у них не отбирал урожая и запасов, и они прекрасно понимали, что обязаны этим только определённому порядку в стране, послушанию законам Суцего. Они неплохо помнили, что не так давно Бог уже избавлял их, часто необычными способами, из таких же точно проблем, наведённых ими на самих себя тем же, что делали сейчас. Но впав в упорное сопротивление, лучше сказать по современному – тупо упёршись в "а вот у язычников везде лучше и красивше", просто так, не имея к тому ни малейшей причины, разумной причины, уже не желали осознавать, что от всего этого могли бы легко избавиться, всего лишь отвернувшись от подражания иноземным запрещённым вещам этого мира. Но само их необъяснимое рационально уклонение от Суцего держало их в своём плену, им было стыдно признаваться, что пляшут на граблях с упорством, достойным намного лучшего применения. Не зря говорится, что нарушитель скован собственным преступлением¹⁴... Чтобы доказать свою правоту, чтобы не признаться, что был неправ, че-

14 Притчи 5,22. "Беззаконного улавливают собственные беззакония его, и в узах греха своего он содержится"

ловец склонен повторять свои ошибки с гордо поднятой головой. Это ложная гордость, однако кто-то на это ловится. Пока человек будет уклоняться от осознания сделанного им, это будет неизбежно случаться.

Угнетатели смелели всё больше, не видя никаких знаков недовольства Бога Израиля, и наконец решили полностью присвоить себе территории подконтрольных им племён евреев, и аммонитяне открыто стали вторгаться на земли западного берега Иордана. Евреи, ждавшие, когда наконец же станет совсем плохо, чтобы было не стыдно обращаться к Сущему за помощью, получили достаточный повод. Тогда им и было высказано пожелание свыше искать такой помощи у тех богов, которым они поклонялись – Сущий открыто отверг их просьбы, послав специально для этого кого-то из пророков. Но внутри себя евреи давно уже были готовы вернуться, и своей решимостью вернуться к здоровым путям и вещам, можно сказать, вынудили Бога защищать их. Им пришлось проявить постоянство в следовании праведному пути. Несмотря на открытый отказ помогать, они стали делать всё как надо, и Бог не смог остаться в стороне – до той черты, за которой заканчивается прощение, этим людям было ещё далеко, да в таком случае они бы и не искали у Него помощи. На восточном берегу Иордана, в Галааде, в это время жил человек, испытывавший немало неблагоприятия от жизни – Иеффай. Его отцом был знаменитый человек по имени Галаад, один из старших среди князей галаадской земли. Он родился подобно Авимелеху, не от жены этого человека, но и не от блудницы, как изображено в Синодальном переводе. Но его судьба была совсем иной, история с Авимелехом здесь случилась наоборот, хотя и не так трагично. Когда братья Иеффая подросли и обрели силу, они выгнали его и лишили его всякого наследства, говоря ему, что раз он сын иной женщины, то не будет наследником вместе с ними. Это было весьма несправедливо, не по закону, но они так сделали, и никто не заступился за Иеффая. Он ушёл от них дальше на восток, на край израильских владений и жил там, к нему постепенно собрались люди, подобные ему, имевшие те или иные огорчения от родных, соседей или начальства. Беда, не зря говорят, не ходит одна. Одно зло обязательно если не прямо влечёт другое, то всё равно создаёт благоприятную почву для других болезненностей. Идолопоклонство создавало проблемы и такого рода тоже, и закон, ослабленный нарушениями, уже не мог помогать порядку в стране. Но может быть именно в силу того, что Иеффай и его люди пострадали от несправедливости, их тяга к правде от этого была большей, чем у обычных людей. Бывает, конечно, что такие проблемы в обществе создают банды разбойников, но обычно это люди, незнакомые с Богом и его порядками вообще, они ожесточаются и разочаровываются чаще, однако же и такие случаи, как с Иеффаем и Давидом, тоже нередки. Правда, с другой стороны отряд Иеффая, как и Давида, со стороны очень легко может сойти за банду, потому что они защищали слабых, а некоторым это сильно не нравится – с настоящими бандитами они бы договорились в силу общности характеров, а с теми, кто имеет славу Робин Гудов, сложно. В общем, Иеффай уже был местным судьёй, и скоро пришло время, когда его признали и призвали править всем их краем, а потом и всей страной.

Когда аммонитяне встревожили всех своими захватническими планами, правители Галаада, соседи аммонитян и моавитян, особенно ощутили, что им нужен успешный человек, и все этого человека неплохо знали. Его справедливость и праведность, его успех, происходящий от покровительства Бога, сделали его безальтернативным кандидатом на пост верховного командующего. Они признали его судьёй, и хотя Библия не описывает, что Бог его призывал на этот пост, видно, что единодушные князья Галаада никак не случайно. Выбранные посланники от старейшин восточных племён пришли к Иеффаю и пригласили его стать у них командующим для войны с аммонитянами. Иеффай помнил, как некоторые из них обошлись с ним когда-то, и не желая быть игрушкой в руках тех, кто потом снова прогнал бы его, попользовавших его удачей в войне, напомнил им о прошлом – "Зачем вы пришли ко мне, когда у вас беда – вы некогда возненавидели меня и лишили отцовского наследства?" Они ответили, что он останется у них стар-

шим и после войны, то есть предложили ему пост судьи, пожизненного авторитета. Иеффай уточнил, останется он у них начальником после войны, если Суций даст ему успех и победу, и те заверили его клятвой, что будут делать всё, что он скажет. Тогда Иеффай согласился и принял командование над всеми жителями Галаада.

Взяв в руки судьбы своих сограждан, Иеффай провёл переговоры с аммонитянами. Это было нужно сделать, потому что аммонитяне, выглядело так, действовали, основываясь на ложных претензиях, и если бы удалось прояснить некоторые исторические моменты, то можно было бы уладить дело миром и снять ошибочные претензии. Кто-то там стал искажать историю в свою пользу, и это привело искажающих к бедам и потерям, и если бы только для них одних. Иеффай послал посольство к царю аммонитян, чтобы из первых рук услышать их претензии. И ему принесли эти претензии, что Галаад и территории других племён Израиля за Иорданом, оказались вдруг давними владениями аммонитян и моавитян. Эта история верна наполовину – действительно когда-то они жили здесь, но ещё задолго до Израиля эти земли у них были отняты аморреями. Иеффай отметил в ответном слове к царю аммонитян, что когда Израиль пришёл на эти земли, то не брал никаких земель аммонитян, в то время границей между аморреями и аммонитянами с моавитянами была река Арнон, и когда Израиль разгромил аморреев, то ни моавитяне, ни аммонитяне не предъявили в то время никаких претензий и ничего вообще не говорили. Если бы тогда прозвучало хоть слово от них, в нужное время, то у них сейчас была бы хоть какая-то почва под ногами, но ведь промолчали. Иеффай также особо отметил доброе отношение евреев к ним, вежливо попросивших у них прохода к Иордану, и ничего не предпринявших в ответ на оскорбительный отказ. Он намекал, что аммонитянам бы стоило за своими бывшими землями идти во вчерашний день, и решительно дал понять, что никаких уступок от Израиля ожидать не стоит. Израиль уже триста лет живёт на этих землях, а аммонитяне лишь теперь вспомнили о них, когда дела у Израиля пошли плохо. Так дела не делаются, к тому же Иеффай сделал особый упор на сравнение богов – вам, сказал он, ваш бог Хамос дал ту землю, что вы имеете сейчас, а мы владеем тем, что дал нам Суций (на деле стоило бы сказать, что именно от Сущего они имели ту землю, на которой жили, и Он же лишил их части их прежних земель, послав против них потом аморреев). Эта земля действительно была обретена с помощью могущественных сил, аммонитяне вполне могли это помнить, и этот Бог не собирается уступать Свою территорию никому. Это был большой намёк на то, что аммонитянам бы стоило передумать, но те были уверены, что уже немало лет, подросло целое поколение, как Бог евреев никак Себя не проявлял, более того, Он в гневе на евреев. То, что у Израиля уже появился вождь, пользующийся благорасположением Сущего, судья, который одновременно избавитель, до аммонитян пока не доходило. Возможно, они не изучали историю соседей, иначе бы предпочли разойтись мирно и не расплачиваться за те неприятности, что успели причинить Израилю за эти восемнадцать лет. Иеффай возложил всю ответственность за последующие проблемы аммонитян на царя, если он не послушает разумного совета и не одумается.

Напоминая о том, как моавитяне отказали евреям пройти через свою землю и они не стали за это им мстить, однако же за такой же точно отказ они захватили земли аморреев, бывшие аммонитские, Иеффай намекнул этим, что с ними обошлись по родственному, по братски, помня общие корни, что должно было как-то расположить аммонитян к миру дополнительно. Также ещё одним намёком на большие проблемы прозвучало сравнение царя аммонитян с Валаком, который явным образом не спорил и не воевал с Израилем, правда, тот всеми силами желал ему зла. Но даже после происков Валаама, работавшего на Валака, Израиль отомстил только Валааму и союзникам моавитян мадианитянам, не тронув моавитян, кто был создал проблему.

Однако царь аммонитян не внял ни совету, ни информации о давних делах с территориями, ни намёкам, посчитав, что раз та спорная земля была когда-то их, то обязан во что бы то ни ста-

ло именно теперь забрать её назад. Он считал, что пока евреи слабы, он имеет все шансы вернуть давно утраченное. Конечно, такие вопросы бывают непросты, следует разбирать каждый случай отдельно со всеми успевшими накопиться проблемами, иногда народы лишаются земель совершенно несправедливо, и если их земли вернутся к первоначальным обладателям, то и небо и земля вздыхают успокоенно, но не всегда бывает так. Следует всё же учитывать, что даже свои тела люди не делают себе сами и не сами себе присваивают их, они всё это получают в готовом виде, так уж устроено всё Тем, Кто установил вещи и их порядки. То же и с землями, люди не просто сами себе выбирали изначально их, они были утверждаемы Всевышним, по крайней мере поначалу это делалось явным образом, и это Его право не исчезло со временем, хотя многое сегодня выглядит запутанным.

Когда стало ясно, что царь аммонитян настроен решительно, и не к миру, то Иеффай затрубил трубой, давая сигнал к войне, прошёл со своими отрядами к месту сбора, собирая по дороге отряды ополчений, присоединяющихся к нему. Библия отмечает, что на нём был Дух Сущего, давший ему всё необходимое для войны и победы, и верный настрой, и нужные слова для воинов, и верный расчёт для сражений. Это было и знаком избранности Иеффая, полевого командира, сохранившего неожесточённый под ударами судьбы дух. Выйдя на аммонитян, он успешно разбил их, так, что они на долгое время забыли о своих требованиях и планах на Израиль. Это был полный разгром, он не стал захватывать земли аммонитян, но прошёл по их земле и разорил много городов.

По дороге к месту сражения он дал обет, который немного не продумал, и это стало причиной его великого горя. Он обещал принести в жертву то, что выйдет ему навстречу из ворот его двора. Явно, что он и не думал о людях, планируя, что выйдет из ворот обязательно кто-то из чистых животных, которых и можно приносить в жертву. И этот момент сильно подвёл его. Навстречу с поздравлениями в победе в сопровождении небольшого оркестра и танцевальной группы из сверстников вышла его дочь. Это была проблема. В жертву нельзя приносить людей и многих животных, однако же под заклятие могут попадать и они. Они, если не годятся для пребывания в храме, то должны были быть или убиты или за них должна быть внесена определённая плата. Его горе и отчаяние было велико. И, насколько я понимаю, в том краю, где он жил, не нашлось знающих закон, священников или хотя бы левитов, грамотных людей, кто должен был объяснить ему ситуацию.

Кроме прочего, Иеффай не мог совершать жертвы у себя дома, и если он, как и любой другой еврей, хотел бы это сделать, то он должен был идти в святилище в Силом, и там исполнять свой обет. И придя туда, он бы услышал от священников, что надо делать в таком случае. То есть в жертву она не могла быть в таком случае принесена. Но расстройство его вполне можно понять, потому что он из-за незнания мог всё это время сильно страдать. Он действительно потерял на этом много здоровья, так что всего через шесть лет после этих событий он умер, будучи до этого полон сил и вовсе ещё не старый. Есть лишь одно опасение, что он мог поступить по своему, так, как Бог и не предполагал, именно из-за незнания законов, поступить так, как считал нужным, как многие поступали под влиянием языческих суеверий, которые причудливо смешивались с неверно понимаемыми когда-то слышанными уставами Моисея. В книге Судей не раз звучит этот мотив – "В то время не было царя у Израиля, и каждый делал то, что ему казалось справедливым". Правда, в данном случае это не было сказано, однако же эти слова говорятся в ней не один раз и это обо всём периоде судей, так что относится и к нему самым непосредственным образом. До школы пророков ещё было не близко, когда правильно воспитанные люди взяли на себя часть обязанностей левитов и священников по пропаганде здравых начал и просвещению населения. По причине недостатка познаний о законах и правилах люди легко становились добычей любого искушения, и по этой же причине искушения легко возникали и сопротивление

им было очень слабое. В умах людей было мало знаний о правилах безопасности и о последствиях их нарушений, это была системная проблема всей истории Израиля до плена, и лишь после него с немалым трудом была выработана политика профилактики против такой уязвимости общества.

Внутренние проблемы – ефремляне

Иеффай был разбит горем из-за случая со своей дочерью, она в данный момент, отпросившись у отца, ушла с подругами в горы оплакать свою судьбу, хотя и более чем мужественно встретила случившееся с ней и отцом – она ободряла отца не расстраиваться из-за неё, радуясь, что Бог помогал им и её отцу. И тут явилась ещё одна большая проблема – к нему, пылая возмущением и гневом, явились войска ефремлян из-за Иордана. Пару поколений назад они добились извинений от Гедеона, придравшись к нему из-за пустяка, и тот случай, ещё более болезненно раздул их гордыню, дав им повод думать, что их уважают и боятся и что им можно больше чем другим. Национальный характер этого племени закладывался в условиях повышенных привилегий. Думаю, что отцы их, и сам Ефрем не заносились перед другими из-за их преимуществ, но правнуки сильно возгордились, считая себя потомками очень влиятельных людей – с одной стороны Иосифа, руководившего Египтом много лет и, с другой, по жене Иосифа они были из рода жрецов. В одном месте через пророка Бог описывал ефремлян так – "когда Ефрем говорил, все умолкали". Это отложилось в памяти потомков Ефрема и позже, утратив лучшие черты предков, они требовали к себе всё того же повышенного уважения и очень ревниво следили за этим. Однако само требование привилегий показывало, что основа для этого уже утрачена. Но как им это было объяснить? Сейчас они нагло угрожали Иеффаю, с пустыми претензиями посмеив беспокоить человека, у которого был огромный стресс от проблемы с дорогой для него дочерью. Их претензия была в том, что их, якобы, не позвали на войну, что славу победы у них незаслуженно украли. И они были готовы из-за этого уничтожить победителя и спасителя своего народа, защитника земли, ставленника Сущего. Распустились донельзя, никаких ни понятий, ни уважения.

Иеффай ответил им, что их звали, как и всех остальных, труба трубила тревогу и сбор, но они не пришли. Почему? – наверное, им нужно было, чтобы к ним персонально прислали послов, чтобы их приглашали и обещали особые условия после победы. И раз не прислали послов, то значит проигнорировали самое уважаемое племя в Израиле. С "большой земли", из-за Иордана не приходил никто, Иеффаю пришлось воевать лишь теми силами, что он мог собрать, одними галаадитянами и посланниками от Рувима и Гада. Их фактически оставили одних, хотя аммонитяне досаждали и на основной территории Израиля, и жители Галаада защищали всех остальных только своими силами. И после этого ефремляне набрались наглости угрожать истреблением тем, кому были обязаны своим покоем... В общем, пришлось опять собирать войска, на этот раз против своих же, и те, кто только что разгромил аммонитян, ещё раз повторили поход против потерявших от гордыни разум братьев. И Бог был снова с ними, дав им полный успех в наведении порядка уже в своей земле. Собственно, это тоже была работа судьи, его обязанность, чтобы поддерживать закон и порядок в самом Израиле и призывать к ответу тех, кто потерял берега. Гедеон в прошлый раз сумел их успокоить, но, похоже, польстил лишнего, так что впрямь им то не пошло, только раззадорило, придало уверенности, что им всё можно. И в этот раз они доигрались. Мало того, что их войско было разбито, но воины Иеффая перехватили переправу у Иордана, и когда остатки гордого войска пытались вернуться в свою землю, то попадали в руки галаадитян. Ефремляне стали опасной угрозой не только для мира в Израиле, но и для всякого вождя они становились неприятной оппозицией, они могли придираться к каждому слову и действию, если видели ущерб своему авторитету. Поэтому Иеффай должен был что-то с этим делать, и он справился с проблемой успешно. После этого разгрома, когда не стало большей части мужского населения этого племени, точнее, военной части мужского населения, но всё равно сорок две ты-

сячи это очень большое число – примерно столько мужчин было у ефремлян при выходе из Египта, о ефремлянах перестали упоминать на пару сотен лет, они вдруг осознали, что где-то ошиблись. Когда к переправе подходил желающий на другую сторону реки, его спрашивали, не ефремлянин ли он. Как правило они не хотели признаваться в этом. Тогда его проверяли на произношение, требовали сказать "шибболет", и мало кто мог избежать беды при этом. Племя этих людей по своему осознавало и чувствовало иврит, и в их версии это слово звучало как "сибболет". Точно также и "шаббат" у них был "саббат", который теперь во многих языках "суббота", это перенято от потомков ефремлян.

После этих побед можно было бы жить, но случай с дочерью подкосил Иеффая. Может быть, самым большим моментом, разрушившим его, было осознание, что если бы он хоть каплю больше подумал перед произнесением своего обета, то его дочь была бы счастлива в жизни и на нём бы не было вины за её судьбу. Всего за шесть лет этот сильный и мужественный человек, успешный до этого во многом, герой войн с аммонитянами и ефремлянами, ослаб и, потеряв волю к жизни, быстро состарился и умер.

Странно, что после него было ещё трое судей, о которых упомянуты лишь имена и количество детей, и все они правили почти такие же сроки – семь, десять и восемь лет. Не думаю, что у них были проблемы со здоровьем или беды, как у Иеффая, напротив, их жизнь выглядит вполне безоблачной. Судя по количеству детей у двоих из них, они были призваны на пост вождя страны уже в весьма пожилом возрасте, что и было причиной их недолгого правления. Вряд ли ошибусь, если предположу, что Бог выбирал этих людей именно за их успех в ведении большой семьи, умении воспитывать детей, именно это качество могло сослужить добрую службу всему обществу. Силой очень трудно добиться успеха в направлении человека на добрый путь, и умение успешных родителей как раз могло что-то поменять в становлении новых поколений Израиля. Нужно было хотя бы попробовать как-то прервать порочный круг передачи плохих навыков и качеств характера, который обеспечивали постоянное уклонение евреев от Бога. Оценок их работе нам не оставлено, никаких свидетельств не дано, а чтобы заметить их успех или неуспех в воздействии на духовность нации, надо проводить более глубокий анализ, и это не предмет данной книги.

Эти трое судей были поставлены друг за другом, без предыдущего угнетения врагами. То есть Бог воздействовал на Израиль не только наказаниями, когда предавал их в руки неприятелей, но и добром, давая им правителей, умевших держать свою семью в неких рамках, не дававших злу развиваться. Но после периода воспитания следовала проверка – на некоторое время судьи не были призываемы, и народ оставался без центрального руководства. Если бы народ в это время держался Пути, то это бы означало огромной важности достижение этим обществом некоего уровня духовности. С таким народом можно бы было начинать делать большие дела и проекты, выходить в мир, на широкий круг задач...

Самсон

Однако очередной тест показал, что общество Израиля осталось прежним. После этих трёх судей, когда новый правитель не был поставлен Богом, продолжился всё тот же порядок вещей, когда люди начинали подражать соседям, и не просто обычаям или перенимая моду, но поклонялись их богам. Сущему не оставалось иного выхода, как напомнить этим людям, от чего и от Кого зависит их благополучие. В сочетании с предыдущими уроками по хорошему, добром, наставлением и примером, это должно было дать какой-то эффект, или хотя бы оставить некий осадок в душе в правильном направлении. Всё же дети слышали от родителей реальные истории своего народа и племени, и все могли делать те же самые выводы о причинах их бед или благ и эти познания истории могли начать служить свою службу, предохраняя людей от повторения

ошибок прошлого. Снова Бог отошёл от своих разболтанных детей немного в сторону и дал возможность филистимлянам взять над ними верх.

Существует некоторая путаница в понятии "оставить" в отношении случаев, когда Бог "оставляет" кого-либо. Таких случаев имеется два типа, один можно назвать абсолютным, когда Бог полностью оставляет человека и уходит. Другой же трудно назвать иначе, там Бог тоже как бы оставляет человека, но здесь цель воспитательная, буквально как мать отходит в сторону от капризного ребёнка, показывая ему своё недовольство его поведением, и тот очень быстро забывает о своих требованиях, потому что сильно ещё от неё зависит и без неё ему гораздо хуже, чем было без того, чего он добивался от неё. То есть Бог не уходит, а отходит, недалеко, оставляя человека на власть обстоятельств, чтобы он сравнил, как ему было в ограничениях Бога, но под Его покровом с тем, когда защита отсутствует. Разница большая.

Филистимляне уже не раз бывали поработителями евреев, и в этот раз они остались одни из прежде нападавших на Израиль народов. Аммонитяне были разбиты Иеффаем, другие тоже не спешили нападать на ослабевших евреев. Филистимляне, хотя и считались грубым народом, но они не выглядели чрезмерно жестокими, так что после некоторого времени евреи даже не замечали ига, наложенного на них этим народом. Существовала опасность, что евреи перестанут быть народом, слившись со своими поработителями. За сорок лет их господства евреи слишком привыкли к этому.

В этот раз Бог попытался действовать через особо посвящённого человека. Прежние судьи тоже были вполне посвящёнными людьми, то есть направившими свои интересы на служение Богу, правде и добру, но они сделали это сами, своим выбором в ответ на зов то ли внутреннего голоса, то ли голоса извне. Когда же говорят об особом посвящении, то имеют в виду, что человек посвящается с детства, даже ещё до рождения, родителями. Один из таких появился в племени Дана, расположенного у границ с филистимлянами. Мать Самсона была бесплодна, и в том мире, когда он ещё не был наполнен людьми в полной мере (мир в целом, отдельные области с благоприятными условиями уже были заселены более или менее плотно), бездетные женщины ощущали себя обделёнными, да и другие женщины смотрели на них в лучшем случае с сочувствием. Похоже, что эта пара не ждала долго и не успела испытать отчаяние от бездетности, они были ещё молоды и полны сил. К этой женщине пришёл весьма внушительно выглядящий человек, за которым скрывался ангел, хотя можно опять подумать о Ангеле Сущем, который посещал когда-то Гедеона. Она была одна дома, муж был занят полевыми работами. Ей было сказано, что она станет беременна, и что её сын должен стать назореем, посвящённым Богу человеком. По уставу о назореях они не должны есть винограда и никаких изделий из него, в том числе вина, и даже сока и изюма. Обычно люди, желающие прикоснуться к Богу и всему, связанному с Ним, принимали на себя этот обет или посвящение на некоторое время, сбрывая все волосы на теле и затем ни ножницы, ни бритва не должна была укорачивать их волосы, пока не кончится время посвящения. Но в этом случае ребёнок был посвящён ещё до рождения, его судьба была predetermined, хотя никаких других ограничений это не накладывало и человек не был ограничен ничем, кроме винограда и стрижки и бритья волос. Профессия его и жизненные обстоятельства не затрагивались, так что о нарушенной свободе выбора человека вряд ли можно говорить. Наверное, кому-то сегодня это не нравится, тем, кто защищает не столько права человека, сколько его капризы и свободу на любые отклонения. Впрочем, эти небольшие ограничения давали и преимущества. Самсон известен всем, кто хотя бы наслышан о европейской цивилизации, и его таланты завидны многим. Также, посвящение Самсона Богу не было решением родителей, они сами были поставлены перед фактом, это был приказ Бога, этот ребёнок был нужен Ему для того, чтобы он стал избавителем своего народа. Ситуация с Израилем требовала, чтобы явился

избавитель, и Бог назначил его или, может быть, определил, кто из всего Израиля подходит на эту роль. И сочетанием нужных качеств обладал именно этот ещё неродившийся человек.

Если бы родители не сделали так, как им было сказано, Бог не смог бы наделить его в полной мере нужными способностями, а может быть и вообще не смог бы использовать его в Своих планах. Или он мог бы и не родиться совсем, и эта семья осталась бы без детей, бесславно сойдя со сцены со временем. Для критиков таких подходов Бога к людям стоит сказать, забегая наперёд, что Самсон более чем сполна явил свободу воли, он оказался не охоч выполнять своё предназначение...

Чтобы состоялось посвящение их сына, мать должна была и сама не есть и не пить ничего сделанного из винограда и ничего алкогольного, иначе её сын тоже оказался без посвящения в назореи. Кроме этого, нельзя было употреблять ничего нечистого, что считалось нечистым по закону о пище, хотя это было уже обычаем и законом всех в Израиле, но для назорея даже случайное осквернение нечистым мясом нарушало его назорейство. Это было всё, что было сказано ей, требования были несложные. Женщина, получив неожиданные радости, поспешила к мужу и рассказала это всё ему. Они думали, наверное, что к ним приходил пророк, хотя никто не слышал о таком человеке в Израиле, так что была вероятность и посещения их ангелом. Похоже, что Маной немного завидовал жене, ему тоже хотелось видеть такого вестника, и он обратился к Богу с просьбой, чтобы этот посланник пришёл к ним ещё раз, чтобы он тоже мог задать ему свои вопросы. Правда, что нового он мог спросить, неясно, на практике он в самом деле спросил лишь об уже известном, но чтобы Маной проникся ответственностью, так как он отвечал за воспитание сына не меньше, а то и больше матери, как будущего воина и защитника, Бог ответил на его просьбу благосклонно. Ангел снова пришёл к ним, но пришёл опять к женщине, которая в этот раз была не дома, а сама работала в поле. Оставив его на месте, она побежала к мужу и привела его к посетителю, который терпеливо дожидался их. Маной наконец увидел того, кто принёс им хорошие и даже великолепные новости. Для людей, более-менее знающих Бога и интересующихся Его делом и планами, сообщение, что их сын будет избранником Всевышнего, а значит, кроме прочего ещё и великим человеком, значило много, да даже чуждых Ему такое не оставило бы равнодушными. Маноем двигало далеко не праздное любопытство, его волновало, как же надо воспитывать и растить столь необыкновенного ребёнка. Правда, он не смог выразить всего, что было у него на душе, его вопрос был таким, что ангел лишь повторил всё, что говорил прежде, ничего нового не было сказано. Правда, пока было ещё рано много говорить, но было бы очень важно, чтобы они этот вопрос вспоминали почаще впоследствии, по мере роста и развития сына. Пока что им напомнили, чтобы ничем нечистым и недолжным ни он сам, ни его мать во время вынашивания, не были омрачены. Его воспитание и правда было вопросом очень ответственным, и из последующей жизни Самсона видно, что родители что-то упустили, видимо, привыкнув к сыну и перестав заботиться о вопросах его становления.

Маной очень хотел угостить этого, как он думал, человека, и просил его остаться, чтобы они могли достойно угостить его, но тот отказался – "даже если я останусь, я не буду есть твоего хлеба", но предложил, если есть желание, совершить жертвоприношение. В этом было напоминание о том, что имело место в жизни Гедеона, в принципе всё было то же самое, Посетитель не ел сам, но принесённое ему стало жертвой. Но Маной и его жена не вспомнили того случая и не просчитали, Кто перед ними. Маной захотел узнать имя этого посланника, чтобы, как он сказал позже, когда родится сын, они могли благодарить его, но Посетитель отказал и в этом, прозвучали слова, которые в нашем мире достаточно памятливы – "Что тебе в Имени Моём? Оно чудно (или тайно)". Тогда Маной принёс на камне жертву, хотя обычным людям это не позволял закон левитского служения, но, как и в случае с Гедеоном, в случае личных встреч с Богом Он разрешал это. Когда огонь на камне разгорелся, их Посетитель стал подниматься в пламени и дыму

костра и исчез из их поля зрения. Потрясённые Маной и его жена упали на землю, теперь им стало ясно, что к ним приходил не человек, и даже не ангел. Он посчитал, что теперь они умрут, особенно потому, что они не выказали достаточно уважения Богу, которого могли видеть своими глазами.

Интересен оборот речи, слова, которые он сказал по этому поводу, их переводят как "верно, мы умрём", или "ну, точно умрём" – в оригинале "мот намут", как бы дважды о смерти с некоторой модификацией (прошу извинения у знатоков за очень поверхностный подход как здесь, так и в других попытках анализа иврита). Примерно так же говорилось Адаму с Евой о "смертью умрёт" – "мот тамут".

Но жена успокоила его соображением, что если бы Бог хотел их погубить, то не говорил бы с ними, не сказал того, что сказал, не поручил бы им важную миссию по сыну-избавителю, да и не принял бы от них жертву, так что Маной перестал волноваться об этом, предавшись оценке всего удивительного, с ними произошедшего.

Недолго времени спустя появился Самсон, "солнечный свет", как значит его имя, надежда многих, хотя о нём могли не знать. Родители могли сообщить о новом избраннике своим соседям и родным, скорее всего так и было. Он был очень успешным с детства, ловким и сильным. Со своей стороны Бог сделал для них всё, чтобы этот мальчик стал избавителем и освободителем своего народа, однако есть вопросы, возможно, к его родителям. Дело в том, что он почему-то не спешил делать то, что от него ожидалось. Скорее всего дело в том, что родители его баловали, возлагая на него слишком много надежд. Однако Самсон не вырос посвящённым, в том смысле что он не посвятил себя уже своим решением на то дело, на которое его предназначил Бог и родители, для которого он появился на свет. Когда он пошёл, отношения с филистимлянами, их захватчиками, были на грани дружелюбных, налоги не были чрезмерными, им самим оставалось достаточно, чтобы накапливать добро и богатеть, и многим уже казалось, что никакой свободы уже и не нужно, она и так имеется. Если не ставить высоких целей, то может быть... Но у них было высокое призвание, и находясь под руководством или влиянием других народов, они не могли показать и явить те принципы, что передал им Бог, явить миру, какие высоты могут достигнуть люди под руководством Бога. Под филистимлянами им казалось спокойнее, другие их уже не трогали. Не встречая вражды, Самсон не видел нужды кого-то спасать, хотя владел для этого большими возможностями. Была ещё задача охранять и приводить в порядок нравственность народа, быть судьёй, то есть внимательно разбирать все споры и тяжбы, но и этого ничего не заметно за Самсоном в записях о нём. Пророки, делавшие эти летописи, не упускали обычно ни одной значимой детали, хотя писали коротко, так что отсутствие информации в Библии иной раз столь же красноречиво, как и её наличие. Будь он более принципиальным и сознательным, сведущим в законах и замыслах Бога, он бы понимал, что филистимлян нужно вернуть в их границы. Они не угнетают Израиль слишком явно? Так это потому, что евреи не претендуют на многое, смирились. Они дружелюбны с евреями? – так давайте заключим договор с филистимлянами договор о дружбе, они же не хотят нам вреда? Давайте мы будем дружить, познакомим больше с нашим Богом, вам понравится, у Него очень широкая натура, вы тоже будете процветать и станете участниками великих планов восстановления человека во всех отношениях... Но Самсон не видел этих перспектив, не искал добра от добра. Время шло, а он не искал ничего – ни кому помочь, ни знаний, ни развития. И вот он дошёл до возраста, когда все начинают думать о создании семьи. Поскольку он не мыслил о своём призвании и предназначении, Бог, поскольку имел на него повышенные права и имел для него много поручений, Сам начал приспособлять Самсона к делу.

Посещая разные места, скорее с торговыми целями, но может быть и просто так, в одном месте он увидел девушку из филистимлян, и оказался пленён ею. Его семья была зажиточна, и

он мог позволить себе посвататься к тем, кто стоял выше его народа, да и былой вражды между соседними землями в это время уже как будто не было. Он настойчиво стал просить родителей, чтобы они занялись сватовством, и хотя они возражали, однако не очень сильно, хотя должны бы были. По уставам, данным Богом, с этим народом они не должны были иметь родственных связей, и Самсон здесь показывает либо неосведомлённость, что не так уж маловероятно, либо явное пренебрежение правилами Бога. И как тут избежать от последствий нарушения техники безопасности того, кто сам лезет в опасные места?

Многие в таких обстоятельствах считают невозможным отказаться от нежелательных связей, современный тренд давно уже именно таков – "не стоять на пути у своего счастья". Но счастье имеет не одно слагаемое, и те неучитываемые стороны вскоре разворачиваются в проблемы, нарушающие счастье тех, кто не хотел знать жизни и её законов, в том числе законов счастья. Просто-таки поразителен разрыв между поколениями, заставляющий молодое поколение считать предыдущие поколения глупыми и ничего не знающими. Нет, не всегда старшие по возрасту правы, часто они слишком забывают обстоятельства, в которых находится новое поколение, но делает ли это молодых знающими последствия, делают ли ошибки старших правыми молодых? Помогает ли это учитывать всё, что должно быть учтённым? Слишком часто мы уверены в себе лишь потому, что не знаем о своей ограниченности и незнании... Человек мог бы знать очень много, но почему-то довольствуется слишком малым, и некоторые даже умудряются гордиться этим. В начале же пути знать много не получается просто в силу того, что накопление знаний в наших головах дело постепенное и последовательное, и загрузить их в память вряд ли возможно с нашим уровнем технологий, даже если мы заботимся о таком накоплении. Можно быть осторожным, и это правильно, это помогает сохраниться там, где можно было бы получить повреждения, можно и нужно спрашивать у знающих о предстоящем – заинтересованность облегчает усвоение нового, можно даже о многом догадаться, углубившись в себя и вытаскивая знания буквально из малейших намёков – очень неплохо продвигает в развитии, познании себя и обретении мудрости, но системные знания всё равно приоритетны и заниматься этим нужно всегда, и особенно в начале пути, пока сам механизм нашего существа настроен на это, на впитывание нового. С такой привычкой в дальнейшей жизни можно достигнуть ещё большего, главное не рассматривать знания как ненужные вещи. Лишних знаний не бывает, могут быть только более актуальные в данный момент времени, и любая мелочь когда-то может пригодиться, а то и обернуться большим комплексом новых знаний. Да, математика даже за целую жизнь кому-то может так и не пригодиться (будь мы поамбициознее, понадобилась бы), но вот если жизнь станет подлиннее? Многие почему-то беспочвенно считают, что бесконечную жизнь никому не вынести, мол надоест, однако как раз знания и наука запросто обеспечивают интерес даже на более длинные сроки... Когда есть интерес к вещам простым, то человек и живёт больше, и обычно здоровее при этом. Одно другому способствует.

Мать с отцом, привыкнув угождать сыну, не смогли отказать ему и в этом. Родители устроили сватовство, и согласие стороны невесты было получено, что убедительно показывает, что между этими народами в то время явной вражды уже не было, по крайней мере у простых людей. В дороге случилось незначительное (для Самсона) происшествие, о котором он никому не рассказывал – отойдя с дороги, он столкнулся со львом, который напал на него, не ощущая для себя опасности, но Самсон справился с ним как с котёнком. Они благополучно сговорились о молодых, Самсон лучше разглядел свою избранницу, пообщался с ней, и на второй взгляд она ему понравилась не меньше, чем на первый, что укрепило его в его намерениях.

Можно подумать, что он, зная о своём призвании, и в то же время видя благоприятное с какой-то точки зрения развитие отношений между своим народом и филистимлянами, решил стать миротворцем, и связав судьбы с ними, примирить их окончательно таким вот образом. Не исключено. Но у него, в принципе, была достаточно близкая связь с Тем, кто призвал его к этому ответственному посту, и не стоило ли ему сначала узнать, как Бог относится к такой идее? Но он не делал этого, совершенно точно. Скорее всего он вообще об этом ни разу не подумал, бездумно идя по своей безоблачной дороге, просто беря свой кусок жизни.

После состоявшегося сговора он через некоторое время ещё раз пошёл в селение своей избранницы продолжить знакомство, и на обратном пути зашёл посмотреть на убитого им льва. Оказалось, что в этом трупe поселились пчелы, похоже, что Самсон его в буквальном смысле порвал, так что в высохшем под жарким солнцем теле пчелы сумели найти себе место. За это время они уже заполнили соты, так что Самсон вытащил их, полакомился сам и угостил родителей. По идее, многие бы не стали касаться трупа животного, чтобы не оскверниться, да и соты в этом месте должны бы считаться осквернёнными. Однако если соты были взяты в высохшем, не разлагающемся теле, если были взяты внутренние слои, то это могло и не нарушать законов. По закону о различии чистого и нечистого в животном мире пчелы тоже не из чистых насекомых, их самих нельзя есть, однако же мёд при этом чистый продукт... Прямое касание трупа осквернило бы Самсона, наверное, наученный с детства осторожности в этих вещах, он действовал подручными средствами. Этот эпизод вскоре сыграл роль на его свадьбе. С помощью родителей Самсон устроил пир, как принято у многих народов, различия в обычаях наверное были, но это не было препятствием, и евреи и филистимляне оказались довольно толерантны. По обычаю филистимлян ему назначили или выбрали тридцать дружек, поскольку вряд ли он привёл с собой достаточно родных или друзей, у невесты они уже были, скорее всего. Уже в первый день свадьбы Самсон зачем-то предложил загадку своим дружкам, основанную не на знаниях законов и парадоксов мира, а на его личном опыте. Такое, конечно, угадать гораздо труднее (именно поэтому ему не стоило увлекаться лёгкой победой и если уж так хотелось, ограничиться вещами общими, из природы и науки, однако он по неопытности увлёкся, а также поверил в их искренность и дружбу), хотя для острого ума возможно. Эти молодые люди приняли вызов, но угадать, что стоит за "из того, кто ест, вышло то, что едят, и из сильного получилось сладкое", не получалось. Отказаться от вызова уже не могли, а отдавать одежду, с каждого по одному комплекту, почему-то считали унижительным для себя, они ведь филистимляне, победители евреев. Если бы Самсон не поставил достаточно серьёзное условие на выигрыш, может быть и не вышло бы беды, но он как-то не просчитал, чем это всё может обернуться. Эти недавние враги ещё недостаточно были толерантны, чтобы отдавать серьёзные средства за проигрыш представителю нижестоящего народа. Самсон зря считал их друзьями, они ещё долго не считали бы евреев равными себе. Хотя то, что состоялась свадьба, действительно говорит о переменах, но было ещё рано говорить о полном признании.

Обозлённые дружки начали требовать разгадки от жены Самсона, однако же он ей не сообщал истоков своей загадки. Тогда эти молодые люди стали требовать, чтобы она любой ценой развела у мужа загадку, и когда в первые дни она ничего не смогла у него узнать, стали запугивать её уже смертью, не только для неё, но и для её отца. Испуганная, она изо всей силы стала нажимать уже на Самсона, плакала перед ним, что он её не любит, раз не хочет разгадать ей эту загадку. Подозревать её в сговоре с дружками он не желал, считая её просьбу законной, и наконец смирился и выдал ей значение своей загадки. Она успела сообщить тем тридцати смысл загаданного им, и при конце седьмого дня, перед закатом солнца, когда надо было давать ответ или признавать поражение, они сказали ему – "что сильнее льва, и что слаще мёда?" Они выиграли, им не пришлось унижаться, обогащая еврея, презираемого ими, но Самсон обиделся. "Если бы вы не пахали на моей тёлке, то не отгадали бы" – сказал он, помня настойчивость и требователь-

ность своей жены в доставании из него нужной им информации. Нечестность тех, кто был рядом на пиру, с которыми они вроде веселились от души и хорошо провели время, расстроила Самсона, за такой нечестный приём можно было бы и наказать, как другие иногда не прощали и более незначительных обид. Разгоревшись гневом, Самсон пошёл в другие селения филистимлян и убив тридцать человек, забрал их одежды, которые и отдал этим тридцати дружкам. Отдав проигранное, он в гневе ушёл домой, оставив жену и всё с этим связанное в подвешенном состоянии. Впрочем, свадьба окончилась, а что поссорились немного, как будто невелико дело, бывает между супругами. И правда, немного отойдя дома от расстройства, Самсон вернулся было к жене в новый дом, однако тут его ожидал совершенно непонятный для простодушного и неопытного еврея сюрприз. И очень неприятный – его жена, проведшая с ним ночи пира, уже не его жена, она вышла за одного из тридцати дружек. Порядки филистимлян, поначалу казавшиеся такими передовыми и правильными, при более близком соприкосновении оказались какими-то не такими, как многим в Израиле казалось. Улыбки и льстивые речи притворных друзей обернулись враждебным оскалом. Правда, нельзя сказать, что все филистимляне были такими вероломными, чуть позже сами же филистимляне сожгли его бывшую жену вместе с её отцом за это нарушение правил, то есть не все считали, что поступок тестя Самсона был нормальным. Но Самсон очень сильно разочаровался в этих соседях, и теперь был более склонен к тому, чтобы закрыть с ними границу, чтобы Израиль больше не подвергался их влиянию, не говоря уже о каком-либо порабощении.

Будь вражда с ними открытой, будь война с ними, Самсону бы не пришло в голову брататься с ними, однако же в условиях, когда евреи полностью смирились с командованием этого народа над ними, так что уже стали почти филистимской провинцией, Самсону пришлось труднее. Теперь, хотел он этого или нет, он оказался втянутым в противостояние с ними, примирения не получалось. Проявлять принципиальность бывает трудно, но он не был рождён для лёгких дел, так что когда он бездумно пошёл лёгкими путями, то создал себе страдания. Это служило для его же и его народа блага, но сейчас было горько (хотя он и потом не сделал нужных выводов). То, как всё повернулось и кем кто оказался, перевернуло его, а предательство жены просто добило. Он посчитал, что в ней сосредоточен смысл жизни, как обычно многим молодым кажется, но теперь всякие прежние планы исчезли. Будь он ориентирован на своё призвание и, особенно, на того, Кто призвал его, всё было бы куда проще и честнее. Ему бы, придя в силу, заявить филистимлянам, что их присутствие больше не требуется, они не дали Израилю ничего, чего не могли бы иметь они сами, но он не пошёл по этому пути, принципиальность оказалась у него очень слабым местом.

Его тесть пытался оправдаться перед ним, что он думал, что теперь он будет ненавидеть свою жену и не вернётся к ней (нет бы сначала в этом удостовериться...), и предложил младшую свою дочь вместо прежней, но Самсон уже перестал быть тем, кто не видел очевидного, это происшествие и разочарование изменило его. Сейчас он, возможно, представил, что он должен был делать, чем должен заняться, придя в лета взрослого человека – не свою жизнь спешить устраивать, а исполнять предназначение, в котором его судьба, для чего он был рождён, и не будь этой беды у страны, мог бы и не родиться. Филистимляне не жили по законам Всевышнего и они не должны были хозяйничать в его стране. Правда, он всё ещё был подвержен инерции, что его действия должны быть чем-то оправданы, как будто изгнание чужих из своей земли должно быть оправдываемо... Наверное, это можно назвать либерализмом, этот дух не вчера появился, однако. Представляю, как другие на его месте развернулись бы, однако в Самсоне проявились какие-то совсем не воинские черты, он, кажется, был слишком мягким и нежным, и вряд ли это случайно. Действие Духа, сопровождавшее его с детства, делало его как раз таким, но при этом он должен бы быть чувствителен больше к зову Бога и нуждам страны и народа. При этом утончающем воздействии Бога он всё же он имел достаточно свободы, чтобы самому определять

свой выбор, следовать ли зову Бога или балансировать на грани, частенько оказываясь не на той стороне. Другие силы действовали на него никак не меньше, чем на остальных, и надо предполагать, что тёмные силы обращали на него тоже особое внимание и прилагали немало стараний, чтобы нейтрализовать действие Бога. И им удалось многое исказить.

Самсон проявил изобретательность, какую мало кто проявлял – он не пошёл лично громиль филистимлян, но наловил лисиц, посвязывал их попарно за хвосты и привязал к каждой паре по факелу. Потом зажёл факелы и пустил этих невольных диверсантов на филистимскую территорию. Эти пожары во время летней жары причинили немало ущерба в округе, и когда филистимляне узнали, кто это причинил и из-за чего, они сожгли его бывшую жену с её отцом. Проявив довольно здравый суд, они этим они могли обезоружить Самсона и остановить начинающуюся войну. Вот только Самсон не желал останавливаться. Когда к нему пришла группа филистимлян с вестью о мести за его поруганную честь, он не принял этих извинений и продолжил борьбу с ними. В принципе, они в этот момент имели понятие, что Самсон из себя представляет (понятие о избранности его Сущим они имели), никогда нестриженные (но ухоженные) волосы выдавали в нём назорей, посвящённого Суцему, навевали воспоминания о тех днях, когда Бог Израиля помогал Своему народу, и никому не хотелось, кроме особо легкомысленных, становиться ему поперёк дороги. Сейчас Самсону стоило потребовать от них убираться из Израиля, и, кто знает, они могли это сделать. Наверное, он считал это слишком лёгким вариантом для филистимлян, за время своего господства они сделали немало зла его стране и людям, и отпустить их просто так ему казалось неправильным. А может быть, будучи подобно Аврааму излишне в данных условиях мягким, не мог сразу резко начать борьбу, а подходил к этому через личные разочарования. Не мне судить его, скорее всего он был прав, уже давно он должен был вступить с ними в борьбу, но лишь сейчас дошёл до этого. Сейчас он становился воином и мыслил уже не личными категориями, поскольку сам он против них до последнего времени не имел практически ничего. В общем, он напал на тех людей, которые пришли к нему с известием о расправе над его бывшими филистимскими родственниками, правда, никого не убил, лишь повредил многим ноги. В принципе, он не ожидал, что с обманувшими его так жестоко расправятся, это было им наказанием за самоуправство над теми, кто был виноват перед ним, не новый нюанс в отношениях между людьми.

Наказав и этих людей, вмешавшихся в его сложные отношения с бывшей женой и тестем, Самсон ушёл в гористую местность, понимая, что сейчас начнутся проблемы, а Израиль не готов к ним. Брать всё на себя одного, делать всё за всех и вместо всех – такого вроде ещё никогда не было и не должно бы быть. За свободу надо бороться многим, хотя отдельный человек и мог бы сделать больше других, но делать всё одному за всех неправильно. Поэтому Самсон допустил, чтобы филистимляне пришли в Израиль, охотясь за ним. Филистимляне пришли, и евреи спросили их, за что они начали военные действия, и удивительно – филистимляне не трогают никого в Израиле, а лишь требуют выдать Самсона. Эти филистимляне вели войну по правилам... И евреи в этот момент показали характер не лучший – вместо того, чтобы собирать ополчение в ответ на вторжение, зная, что у них есть вождь, для этого самого дела как раз и предназначенный с рождения, вместо того, чтобы призвать Самсона во главу войска, они посылают делегацию к нему с переговорами о сдаче... Не предательство ли это своего вождя и самих себя? Делегация была представительная – три тысячи человек, пределов силы Самсона никто пока не знал. Они начали укорять его, обвинив в мятеже против оккупантов, которые такие хорошие, что всем при них живётся не хуже, чем при своих родных начальниках. С таким обвинением они могли и сами попытаться убить его как возмутителя спокойствия, но когда Самсон, ожидавший худшего, спросил у них о их планах на него, они ответили, что они ничего ему не сделают, а только свяжут и передадут филистимлянам. Врагам... Это вообще-то предательство с их стороны, хотя скорее слишком мелкое, приземлённое мышление, исходящее из учёта только самых примитивных мо-

ментов реальности, без попыток мыслить шире и глубже. Самсон не стал их воспитывать и корить, они вряд ли бы поняли, рассматривая его как виноватого против существующего порядка, так что он решил пока действовать самостоятельно. Я только думаю, а что если бы он отказался идти с ними сдаваться филистимлянам? Не присоединились ли бы тогда евреи к нему в его восстании, принеся ответ филистимлянам, что Самсон не хочет сдаваться или же попытались бы его убить или связать? Но, услышав, что они лишь свяжут его, Самсон позволил им сделать это. Думаю, что в лучшем случае евреи всё же верили в него и считали, что Бог не даст его в обиду врагам, только сами вот при этом не видели себя действующей стороной, ставя себя никем. А о худшем варианте и говорить нечего. Всё же обидно, что оставляли борьбу только сильным, сами же уходили в сторону, моя хата с краю. В кои-то веки Самсон встал на тропу войны за свой народ, выполняя призвание, и его никто не поддерживает, как же это разочаровывает. Не в этом ли причина последующей не самой образцовой жизни Самсона? Хотя это для него не оправдание, не он первый и не он последний в славном ряду служителей Всевышнего, работавших в трагическом одиночестве, он мог сделать очень много вместо того, чтобы опускать руки и плыть по течению, мог занять в этом славном ряду одно из высших мест.

Самсона привели к филистимлянам, и те, увидев, что его ведут связанного, подняли громкий крик. Они были довольны вдвойне – что их враг, которого они уже сильно опасались, связан и дело почти сделано, и что их подчинённые проявили верность им, сами привели к ним их врага, избавив их от риска и напряжения. Но радовались они рано. Когда раздались крики торжества филистимлян, на Самсона сошёл Дух, и его мышцы обрели сверхъестественную силу, смертоносное вдохновение начало двигать им. Практически не напрягаясь, всего лишь пошевелившись, он разорвал верёвки, связывавшие его, и они упали с него. Затем он подобрал первое, что попало на глаза подходящее, ослиную челюсть, и напал на толпу врагов. Они поначалу пытались атаковать его, но трудно атаковать ветер. Мощные удары разбрасывали людей, на землю падали уже мёртвые тела, сбивая собой ещё нескольких. Из-за ограниченности обзора в толпе мало кто видел, что происходит, поэтому разбежаться стали не сразу, многие пытались пробраться к месту, где происходило столкновение. Все пытались помериться силами с Самсоном, действовавшим почти что голыми руками, всем казалось, что он скоро устанет и замедлится, что надо выдержать его напор. Так длилось достаточно долго, пока филистимляне не поняли, что это не кончится, пока не кончатся они сами. Тогда все, кто мог, побежали, и Самсон не стал их преследовать, он действовал за гранью человеческих сил, и когда враги побежали, и божественное присутствие оставило его, он ощутил, что может умереть от усталости и обезвоживания. Обозревая место битвы, он выразился о произошедшем здесь – "ослиной челюстью толпу, даже две толпы – я убил тысячу человек". Чувствуя приступ жажды, он обратился к Богу – "моей рукой Ты сделал огромное дело, избавил людей, но сейчас я умру от жажды", понимая, что враги могут всё же получить его труп, если сейчас он не получит воды.

Пожалуй, он был совершенно прав, без некоторого количества воды дело могло кончиться плохо. Бог не заставил Себя ждать, рядом с Самсоном произошло какое-то шевеление почвы, немного земли провалилось вниз, и из образовавшейся ямы пошла вода, быстро очистившаяся, ставшая родником. Он добрался до воды и стал пить, его жизнь была спасена. Этот источник, прозванный людьми "источником воззвавшего" остался напоминанием об очередном проявлении Бога в жизни людей.

Самсон был судьёй Израиля двадцать лет, и годы его правления, похоже, считаются с этого открытого столкновения с филистимлянами. Однако эти годы не наполнены какими-то значимыми делами. При всех своих способностях он немного сделал для процветания народа или для его развития и духовности.

Неизвестно, оставался ли Самсон один после предательства жены-филистимлянки. Законы тех времён в отношении брака были либеральнее христианских (или лучше сказать, свободнее, поскольку, как уже раньше писал об этом, позитивом это не было и счастья никому не несло), поэтому если он и не был женат, то мог иметь наложниц, то есть жён, живущих не в его доме, что по тем временам было законным. По делам народа он мог, да и должен был, посещать разные концы страны (или если был не единственным судьёй на тот момент, то какую-то свою территорию), но как-то раз он оказался у филистимлян. Очень трудно понять, что он там делал, зачем оказался там, как его туда занесло – Библия не даёт комментариев. Это была вражеская территория, появляться там означало либо получить неприятности, либо разжечь ссору с соседями. Филистимляне во время его правления не пытались управлять евреями, как до него, поэтому в Израиле было всё спокойно. Может быть Самсону не хватало адреналина, что он открыто пошёл в Газу в одиночку – полное спокойствие, хотя и отвечало деликатной натуре Самсона, однако опыт сверхсилы и упоение битвой иногда всплывали в памяти. В мирной обстановке силы Самсона просто не находили применения, и поэтому он пошёл к не ожидавшим этого противникам. Войны давно не было, её никто не искал, так что, возможно, Самсон даже не сильно и рисковал. Кто-то мог бы подумать, что он пришёл с переговорами, с предложениями, хотя обычно для этого посылают послов. В общем, однажды он пришёл в Газу, и хотя его там узнали и заметили, но пока был день, ничего не предприняли, рассчитывая сначала присмотреться и узнать о его намерениях, вдруг он пришёл с какими-то переговорами, и если ничего такого не будет, то напасть на него ночью – тёмное время давало больше шансов против его сверхсилы. Обнаружилось, что ни к каким официальным лицам Самсон не собирался, но пошёл к некой женщине. Для филистимлян в этом не было ничего необычного, и они просто ждали удобного времени, рассчитывая, что встретят его под утро, когда он выйдет из того места, где его приняли. То, что он делал грех, он знал и сам, неужели всего лишь хотелось пошалить? Он сильно рисковал, но напрямую Бог пока не вмешивался, хотя бездумно сделанное им сейчас повлияло на его последующую жизнь. Он выглядит любимчиком у Бога, но для любимчиков, как я уже говорил, у Него особый счёт. Может быть, Самсон хотел унижить филистимлян всем тем, что он сделал? – это самая правдоподобная для меня версия, хотя всё равно непонятно его пренебрежение законами Бога. Выглядит для меня так, что он был уже не так молод и наивен, что не то чтобы пересмотрел свои принципы, а скорее привык к тому, что всё у него получается, стал считать это данностью. При этом, как обычно, многие теряют чувствительность и чуткость. Если человек не развивается специально или хотя бы в силу требований обстоятельств или профессии, то многие вещи начинают теряться. Не похоже, что Самсон искал у Бога большего, поэтому начался откат, упадок его духовности, тонких механизмов ума и души. Многие дорожат "святым" уголком в душе, но со временем, с ослаблением здоровья и потерей высшей функциональности мозга площадь этого священного участка начинает сокращаться... То, что он делал сейчас, было нарушением седьмой заповеди, и в том, что он пошёл к блуднице, и то, что не собирался делать эту женщину своей. Многим кажется, что с институтом наложниц нравы были свободные, можно было делать что хочешь и объяснять это тем, что мужчина может иметь больше, чем одну женщину. Однако дело в том, что связи, даже если и многочисленные, должны были быть постоянными. Даже если Бог и не запрещал в те времена полигамию, то женщина с тех пор, как стала чьей-то наложницей, не могла выйти замуж за другого, и муж должен был её содержать и помогать, даже если она вела своё хозяйство. Забывать тех, с кем имел близость, мужчина не имел права. Если же он порхал с цветка на цветок, не считая себя чем-то обязанным, то считался и был перед Богом тем же блудником, что в христианские времена, что в ветхозаветные. Для того, чтобы кто-то из наложниц могла выйти замуж за другого, ей требовалось сначала решить вопрос с разводом, получить от мужа разводное письмо, иначе могли быть большие проблемы для неё и её нового мужа.

Он не стал задерживаться до утра у филистимлянки, в полночь, когда неприятели ожидали его ближе к рассвету, он вышел и, придя к воротам города, выдернул их и унёс на ближайший холм. Пошутил так над неприятелем. Претензий ему не предъявляли, филистимляне оценили шутку, что обошлось без крови. Этот "подвиг" придал ему даже какой-то славы, хотя и очень сомнительного качества, но для людей, не знающих Бога, это было нормально – свой в доску парень. Разве что ничего горячительного не потребляет, но оно даже и лучше, сколько бы он натворил под наркозом...

Далила

В Сореке, находившемся где-то близко к пределам филистимских земель, жила одна красивая женщина, которую звали Далила¹⁵, что означает "томная". Это слово, конечно, ещё значит и что-то наподобие "усталая" или "ослабевшая", но вряд ли такая характеристика подходит красивой молодой женщине. В те времена имена были, как правило, точными характеристиками-описаниями натуры их носителей, для наблюдательных людей нетрудно подметить ещё в младенчестве характерные черты личности, так что каждое имя указывало существенные черты человека. В общем, вы наверное представляете, что бросалось в глаза тех, кто видел её, особенно ценителей и знатоков женской красоты. Самсона тоже привлекла её утончённость и своего рода избалованность. Очень похоже, что у него в этом была некоторая слабость. После Газы, когда он открыто переступил седьмую заповедь, пойдя для этого за пределы Израиля, вряд ли он переосмысливал сделанное им, вряд ли оценивал, что он потерял, насколько далеко ушёл этим от Бога. Он катился по наклонной и не осознавал этого, точнее, избегал этих мыслей. Его сила была с ним, значит он был в безопасности, да и Израиль за его спиной как будто не имел проблем ни с какими врагами. Большого он не искал. В принципе, это была профанация той цели, для которой Бог вызвал его в жизнь, и это печально. То, что произошло с ним из-за этой красивой куклы, у которой он искал смысла и наполненности пустоты, нарастающей в душе, было закономерно. В этом печальном случае одна пустота притянулась к другой пустоте, но никакой наполненности не произошло. Их совместимость была явно паразитной, когда притяжение было обусловлено не природой их душ и тел, а их слабостями и пороками. Такие союзы обеспечивают не гармонию и счастье, а распад и гибель.

Некоторые считают, что Далила была филистимлянкой, однако вряд ли простые филистимляне жили на территории Израиля, тем более одинокие женщины – если бы это было так, то этот факт был бы отмечен. Хотя нельзя отрицать возможность, что она попала сюда с волнами нашествия соседей на Израиль или была рождена от филистимлян и воспитывалась ими в их духе. Скорее она была еврейкой, но имевшая определённые отношения с филистимлянами, их культурное влияние было немалым на западные окраины Израиля. Поневоле возникают мысли, что филистимляне, находившиеся или бывавшие здесь, были очень хорошо знакомы с ней, и Самсона угораздило попасть именно в её руки... Характер Далилы сформировался под этими влияниями и для Самсона, также тесно соприкасавшегося с их образом жизни, бывшего женатым на филистимлянке, первая любовь всё же, эта общность опыта создавала дополнительное притяжение к ней. Но в связях Далилы с филистимлянами таилась и гибель Самсона. Узнав, у кого теперь живёт Самсон, враг номер один этого народа, к Далиле послали людей от главных лиц филистимлян, чтобы она узнала секреты силы и непобедимости своего теперешнего мужчины, за что была обещана довольно высокая награда. И для Самсона начался ад. Поначалу он отнёсся к этому не очень серьёзно, она ему нравилась слишком сильно, чего нельзя было сказать о ней. Она расспрашивала его, лезла в душу, пускала в ход практически неотразимые слёзы с правой "ты меня не любишь". Отражать их он, конечно, отражал, не сдавался некоторое время, но это ему стоило очень дорого. То, что он назорей, лежало на поверхности – длинные никогда

15 В Синодальном переводе Далила

не остригаемые волосы и неупотребление вина и винограда явно указывало на это, но к этому привыкли все, а филистимляне, возможно, даже и не были в курсе того, что это могло значить. Назореями могли быть многие, но для остальных назорейское посвящение не давало такие силы, как у Самсона. Само по себе назорейство не давало людям особых преимуществ, Самсон не был единственным назореем в истории Израиля, это посвящение лишь создавало необходимые условия для того, чтобы Бог мог через него действовать. Однако осквернение назорейства разорвало бы его особую связь со Всевышним, поэтому он не должен был говорить об этом. Он пытался отшучиваться, однако его шутки были проверяемы совершенно серьёзно. Сырые тетивы от лука, новые верёвки, вткать его косы в ткань – всё было перепробовано, затем Далила говорила о врагах, и Самсон вскакивал, разрывая и тетивы, и верёвки, тащил за собой ткацкий станок – ничего не работало. Она предъявляла претензии, что он ей постоянно лжёт, что не любит, плакала перед ним, делая его жизнь всё более горькой. Ему бы задуматься, или даже спросить, для чего это ей. Он мог бы вспомнить слёзы первой жены, просящей разгадать загадку, и соотнести это с теперешними событиями. Люди, владеющие важными секретами, должны их хранить от всех, даже от близких людей, и всякий интерес к ним должен тщательно проверяться, но Самсон почему-то не хотел об этом думать. Он слишком привязался к Далиле и хотя и видел, что она его не любит, но надеялся продлить своё капризное счастье. Будь интерес Далилы её собственным, она бы со временем забыла об этом, примирилась бы с закрытостью этого вопроса, но её напор не ослабевал, что говорило, что за этим стоит что-то более серьёзное и влиятельное. Поскольку Самсон не хотел задумываться об этом, что уже само по себе губительно, то и не распознал опасности. Избегая думать о своей ответственности перед Богом, о святости требований Закона, о нарушениях, допущенных им, он не смог преодолеть и зависимость от взбалмошной и капризной женщины, продавшей его, да, возможно, и никогда не ценившей его, разве только как диковинку из-за необыкновенной силы, которой можно гордиться перед другими. Я думаю, что человек обязан думать и осмысливать всё, что только возможно, иное использование (или неиспользование) мозга недостойно высшего замысла Бога на Земле. Отказ от осознания вещей губителен если не прямо, то по крайней мере ведёт к снижению жизнеспособности, так как высокая активность мозга, продуцируя гормоны и многие важные вещества, прямо способствует здоровью и продляет активный период жизни. Да и сам мыслительный аппарат дан человеку для понимания всего вокруг, и отказ использовать его на полную мощность оскорбляет давшего его и лишает Его возможностей дать человеку много чего ещё, что должно было бы быть дано нам впоследствии – многие вещи даются человеку не сразу от рождения, но раскрываются постепенно.

Вытерпеть бесконечно пытки от любимой женщины вряд ли возможно, эти слёзы и постоянное прессование, и Самсон сдался. Он сообщил ей, что сверхъестественная сила в нём держится за счёт его посвящения Богу, назорейства, внешний признак которого находится в его волосах, которые никогда не были стрижены. Далила поняла, что в этот раз он был искренен и выдал ей настоящую правду о себе. Она послала слугу с сообщением главам филистимских городов, что на этот раз у неё получилось выведать главную тайну их врага, к ней прислали людей, готовых захватить Самсона, и осталось только как-то лишить Самсона его длинных волос, или хотя бы укоротить их. Это не было трудностью. Многие люди спят очень крепко, и Самсон оказался в их числе, поэтому выбрав удобный момент, скорее всего послеобеденного отдыха, Далила, убаюкав его на своих коленях, позвала слугу, который стал срезать его волосы. В принципе, для разрушения назорейства было достаточно даже немного укоротить их, но филистимляне перестраховались на всякий случай, волосы были укорочены сильно, насколько можно было, чтобы Самсон не ощутил и не проснулся во время этой операции.

Закончив дело, Далила как и прежде, закричала – Самсон, филистимляне пришли на тебя! Он вскочил и пошёл наружу проверять, где там враги. Филистимляне близко сразу не подходили, вдруг он опять обманул всех, но когда они рискнули приблизиться к нему, оказалось, что преж-

няя сила в этот раз оставила его. Последний рубеж обороны пал, Самсон сдал свои позиции одну за другой, играя в какие-то свои игры, испытывая терпение Бога, прощупывая, насколько близко можно подойти к краю пропасти. Хотя он не сам разрушил свой обет назорейства, но он вполне мог не допустить этого, однако предпочёл ничего не замечать в вопросах своей недоброй подруги, и не думать, что бы значили её изыскания о его силе. Будучи посвящённым Богу изначально, сам он не сделал этого, не посвящал себя Богу, вступая в самостоятельную жизнь, не настроился отстаивать Его путь и в результате подвёл Бога, создавшего его для великих дел. Может быть он был обижен на судьбу, что его не спросили о его желаниях? Я думаю, что он всего лишь слишком расслабился, обидевшись на народ за предательство и неоказание помощи, и это стало его образом жизни. Но он никак не пытался разрешить свои узлы, не искал и не развивался, не старался изменить умы общества. А ведь столкнувшись с людским несовершенством и неприятными последствиями этого, у него как раз и был огромный стимул приложить к нравственно-патриотическому воспитанию народа свои силы и разум. Но он не пошёл по пути ответственного человека и героя, взамен этого выбрав пассивность маленького человека. Как у многих сильных и успешных людей, у него не было много стимулов к углублённым размышлениям, к поискам и изысканиям, а зря, мог бы задать новую тенденцию для человечества, но он оставил мир как есть, не внося своей струи, связанной с его именем.

Многие сегодня именно на это свалили бы всё, что в случае Самсона был конфликт его желаний и тех задач, которые возложила на него жизнь. Для тех, кто считает высшей ценностью получить свой кусок жизни, это наверное так, они сами живут исключительно для удовольствий и учат всех остальных, что кто не живёт для себя, те полные лохи. Они внушают, что "о тебе никто не позаботится, кроме тебя самого" – хотя бывает и такое, если сильно не повезёт, однако нельзя частные случаи распространять на всё, когда явно имеется много примеров противоположного. Так это выглядит лишь для впитавших такое представление о жизни и долге, но ведь давно сказано, что не надо судить всех по себе¹⁶ (парадокс – именно испорченные и злые люди не должны этого делать, для добрых же людей это, напротив, соединяющее звено). Такой подход несёт разрушение и его носителю и всему вокруг него, и кто знает, может быть и Самсон оказался в их числе, поскольку это не новый путь, Люцифер создал (точнее, открыл) его когда-то, и многие поработаны им, – удовольствиями и развлечениями, служением себе. Однако в парадигме этого пути отсутствует, вот парадокс, немалый ряд удовольствий. Если бы даже воистину мы жили только для удовольствий, то нужно было бы именно Бога вкупе с Его путём рассматривать как наивысшую возможность самых лучших наслаждений. Эгоистичный путь закликивает человека на сиюминутных благах, неэгоистичный даёт возможность радоваться тем, что длятся долго. Эгоистичное начало отнимает или крадёт благо у других или использует других ради себя, не заботясь о благе другого (или минимально, чтобы удержать на какое-то время источник блага при себе), неэгоистичное разделяет его со многими, делится или объединяет с другими, так что благо умножается. Эгоист радуется тому, что удалось отнять, уменьшить, альтруист радуется не только приобретению, но и тому, что помог другому, поделился. У альтруиста, таким образом, гораздо больше поводов для радости... Капризный аппетит питается разрушительными для здоровья блюдами, теряя в конце концов саму возможность испытывать удовольствие, тогда как здоровый аппетит продляет жизнь вместе с её радостями, не менее интесивными, что самое обидное

16 Это частное правило, то есть судить о других по тому, что испытываешь сам, в основе своей есть средство познания и себя и других. У обозлённого человека многое не работает как должно, собственно, именно это лежит в основе их проблем, и их частично работающий разум искажает реальную картину, крася всё в чёрные-серые тона. Ему сначала надо оздоровиться от подозрительности, после этого измерение других собой не будет ложным.

– но отказаться от капризного характера довольно тяжело (тяжесть эта субъективна, труды вовсе не столь велики), и человек остаётся обречённым на то, что принесёт ему его путь. Жизнь бесконечная наполнена вещами, каждое из которых несёт много, очень много удовольствий, но они производны из наук, из размышлений и поисков, из производства вещей и творчества, из работы и заботы обо всём вокруг. Эти блага и удовольствия умножают друг друга, доброе отношение друг ко другу обеспечивает умножающееся счастье. В такой среде каждое действие является радостью и удовольствием, каждый миг бытия. Но эгоизм, не доверяющий другим (и не могущий доверять, потому что в нём каждый прежде всего тянет на себя, заботится о себе), может радоваться лишь в одиночку. Эгоизм развивается до того, что становится плохо, если другим хорошо... Эгоисты могут объединяться, но лишь против других, и в их среде любовь и доверие невозможны, как на неэгоистичной стороне. А человек создан с этими потребностями – недоверие вторично, конфликтность производна из преступления, она не является основополагающей или самооценной вещью.

Но человек, находящийся не на своём месте в жизни, всегда несчастен. Там, где всё соответствует нашим способностям, мы наиболее эффективны и эффектны, там мы преуспеваем, там мы счастливы, реализуя всё, заложенное в нас. Не совсем к месту, автор высказывался немного о другом, однако эта идея верна и здесь – "в своём кругу мы выбивали двести из ста"¹⁷

Его схватили, связали, лишили глаз. Его отвезли в Газу, где он некогда провёл несколько часов с филистимлянкой и унёс городские ворота, и там он провёл последние месяцы своей жизни. В тюрьме он занимался тяжёлой работой, крутя жернова. У него было много времени на размышления, работа не отвлекала от этого занятия. Когда становится плохо в результате следования курсом, о котором известно, что он ведёт не туда, куда на самом деле хочется, то тогда возникает своего рода ностальгия по правильным вещам, по истинному, по святому. Это обусловлено природой вещей, которыми Бог иной раз приводит нас к Себе (работает не на всех и не всегда надёжно), это мероприятие типа гауптвахты – "приведение к разуму". Самсон не был открытым противником Бога, он стал им лишь из-за расслабленности, зайдя постепенно туда, куда поначалу даже не подумал бы заходить, но заходя время от времени на запрещённую территорию, снова возвращался туда, всё более привыкая и всё менее ощущая осуждение неправильности. С ним случилось то, что Христос позже описал в притче о блудном сыне, это был и его случай. Здесь он вернулся к Богу, последствия зла иной раз очень хорошо устраняют зло и разоблачают его, обворожительность преступления исчезает, становится ясной его разрушительная сущность. Если бы люди думали немного более отчётливо, заглядывали в последствия, то намного меньше попадали бы в такие проблемы. Бог был рад происходящим с ним переменам, Самсон всё ещё оставался Его орудием против угнетателей Израиля. И волосы Самсона постепенно отрастали...

Настал один из праздников в Газе, а может быть филистимляне решили отпраздновать именно победу над Самсоном, и жители города устроили большие торжества. Были приглашены князья из других филистимских городов, все самые важные лица страны собрались, чтобы принести благодарственные жертвы Дагону и знатно повеселиться в честь того, что бывший их враг теперь повержен и представляет для них посмешище. Поначалу веселились сами, но затем многим захотелось увидеть и самого Самсона, чтобы глубже ощутить превосходство своё личное и их бога Дагона, давшего им победу. Самсона привели и пьяные от вина и успеха люди как могли смеялись и потешались над ним. Самсон поневоле участвовал в зрелище, отвечая на их подначки и насмешки, однако же он ощущал, что сила его вернулась к нему. Он переоценил многое в своей жизни и делах, поэтому не было главного препятствия между ним и Богом, из-за которого

он раньше всё больше уходил от Него, да и волосы, пока росли, снова вернули ему его посвящённость (если обет назорей был чем-то нарушен, то должен был начаться снова после очищения, он не отменялся). Он попросил парня, водившего его по залу, подвести к центральным столбам здания, на которых эта конструкция держалась. Тот выполнил просьбу пленника, и Самсон, ощупав их, совершил свой последний подвиг. Зная, что в такой ситуации ему не выжить, он воскликнул – "Умри, душа моя, с филистимлянами!" и сдвинул столбы, этим обрушив здание на всех находящихся в нём. Это не было самоубийством, сейчас он убивал врагов, только не смог избежать действия запущенного им разрушения. Это было не большим безрассудством, чем бой с любым противником. Этот последний урон врагам оказался самым большим из всех его столкновений с ними. В это время ему было вряд ли больше сорока лет.

Самоубийство от убийства не отличается, разве только направлено на себя, и ответственность та же. Наше тело со всем его обеспечением не является принадлежащим нам, хотя мы и живём в нём. В смысле том, что управляем им мы, но отвечаем за него перед Тем, Кто его нам дал. Можно сказать так, что тело и всё, что оно нам даёт, по отношению к нам является внешним объектом, мы занимаем в нём какую-то часть, но все его возможности – ощущения, память, мыслительные способности, возможности двигаться и вообще жить нам даны извне в готовом или почти готовом виде, и за всё, что мы сделаем с этим всем, и что построим с его помощью, отвечаем перед Создателем. Это ведь не мы собрали самим себе тело или не мы создали самих себя и свои свойства и особенности... Пусть не лично Бог создавал лично нас, но мы развёрнуты в результате Его проекта, частью которого является размножение, который запущен Им и никем другим. Разве что может возникнуть вопрос, что для убийства существуют некоторые обстоятельства, когда оно не является грехом, однако же для самоубийства такие найти намного труднее – человек может быть врагом и представлять опасность для другого, но собственное тело никогда не враг, не создаёт никаких опасностей, и даже когда оно болит, это защитная реакция или сигнал неблагополучия.

Без царя в головах. Миха и иконы Суцему, святилище в Дане

В разное время в отдельных частях Израиля происходили события, когда люди как будто бы хотели делать правильные дела, однако из-за недостатка знаний то, что они делали, было отступлением от правил и законов Бога. И, соответственно, пользы людям от этого не было, и служило оно только большему упадку и власти тьмы. Данная история произошла в племени Дана, задев немного людей и других племён, ещё до запрета Бога выгонять хананеев¹⁸, в ранний период судей.

В одной семье произошёл переполох – некая хозяйка дома, сумевшая собрать немалые деньги благодаря какому-то удачному стечению обстоятельств, в благодарность Богу за благополучие дала обет сделать что-то священное для Бога, и чтобы её сын был хранителем и служителем небольшого святилища. Подобно Гедону, и, наверное, подражая его примеру, она хотела сделать одежду первосвященника и какие-то священные фигуры. В её воображении это, похоже, как-то совмещалось с законами Бога, не зря несколько раз подряд в этой истории повторяется, что в те времена у Израиля не было царя и каждый делал то, что ему казалось правильным. Автор, сетующий, что не было царя (очевидно, Самуил), ещё не мог оценить, сколько царь может создать проблем в случае его неверности или бездуховности, хотя, конечно, у царской системы организованность могла быть намного выше. Конечно, ценно то, что люди всё же старались делать правильное, но если головах нет света, то каково же тогда могло быть положение дел, если

18 ИсН.19,46-47

бы в том полусвете люди стремились ещё и к злу? Как же сильно в то время ощущалась нехватка здоровых начал и сильных героев духа и разума...

Итак, та женщина однажды она не нашла своего серебра, и после некоторых поисков произнесла слова проклятия в адрес вора. Её сын слышал проклятие, и мне непонятна его роль в произошедшем, то ли он признался, что это он взял то серебро, как можно это подумать первым делом, то ли нашёл вора и забрал украденное у него. Мать благословила его после его признания. Я думаю, что имело место первое, так как если бы он нашёл вора, то рассказал бы матери об этом сразу, не дожидаясь проклятий. И мать поспешила благословить его, чтобы высказанное ею проклятие на поразило сына. У неё всё же не поднималась рука против него, да и планы были как раз это серебро потратить на него. Впрочем, могло быть и ещё как-то – узнав о пропаже и проклятии, Миха, её сын, мог провести своё расследование и найти виновного, что заняло какое-то время. По изложению событий между пропажей, проклятием и возвратом серебра прошло некоторое время, и это может свидетельствовать и в пользу второго варианта, хотя опять же, Миха мог взвешивать эти дни, стоит ли ему признаться в краже (первый вариант), или молчать и ждать, пока его настигнет проклятие. Не знаю. В общем, ситуация разрешилась и мать сделала для сына то, что хотела – одежду первосвященника и статуэтку чего-то, возможно быка или терафим, а также что-то типа настольного монумента-столба, заказав это у плавильщика. Они были поставлены в отдельном помещении, и Миха довёл его до положения культового места, посвятив одного из сыновей в священники. Туда стали приходить люди на поклонение. В их головах это не было языческим служением, потому что всё это было посвящено их же Богу, Яхве, но по сути это всё было незаконным, потому что поклонение Богу ещё не означало, что оно делается так, как должно было. Единственный вариант, когда такое особое место могло бы быть здоровым и полезным, это если бы там не пытались приносить жертвы, а вместо столбов и статуэток лежали свитки закона Моисея для изучения и справок, однако никто как-то не догадался до такого варианта дела. В том святилище, что было устроено Моисеем, присутствовало необходимое наполнение, ведущее людей к пониманию планов Бога о человеке, а здесь и в других подобных случаях символика Бога замещалась по недомыслию совершенно другими вещами. Вместо богопознания оставалось лишь только поклонение, что для Бога было совершенно недостаточным, но прекрасно подходило врагу рода человеческого для его хитростей. Многие думают служить Богу, делая для Него что-то такое, что им лично кажется правильным, они ещё обычно рассчитывают, что Бог будет им обязанным за их службу, не зная и не проверяя, нравится ли делаемое ими Ему, не будет ли вознаграждение противоположным ожидаемому. Позже Павел писал, что есть те, кто совершают подвиги и прилагают много стараний, но не получают награды, если их старания незаконны¹⁹, этот случай как раз такой.

Кому-то это кажется достаточным восхвалять Бога и поклоняться Ему, да ещё на своих условиях, по самодельным стандартам, но увы, такие обряды не ведут ко благу ни человека, ни Бога, хотя могут быть пышными, громкими, красивыми. Символы Бога, изображения и фигуры, изобретаемые человеком, даже ставшие традицией, издавна вкрадшейся в обычаи людей, такие как телец, сделанный Аароном около Синая, были теми же иконами, отображением Его свойств или чего-то связанного с Богом. Идея духовного "костыля", подпорки для воображения, не нова, многим казалось, что некая форма перед глазами поможет слабой вере человека, что слабым нужны подпорки. Но представьте, что здорового ребёнка учат ходить сразу на костылях... Насколько исказятся его движения, сами навыки тела, какими они будут неправильными, неприродными. Для действительно слабых можно использовать подпорки, в этих случаях они принесут действительную пользу, но зачем калечить здоровых?

Дайте человеку пользоваться своими способностями без сковывающих его искусственных конструкций, двигаться свободно.

Кроме подаренного святилища Михе нежданно подвернулась дополнительная удача, которая ещё более успокоила его и настроила на благодушный лад. Мимо его дома проходил один левит, родной дом которого был в Иудее, но что-то его там не удовлетворяло и он пошёл побродить по свету. Скорее всего он хотел посмотреть на мир вокруг, пока молод, и если найдётся какое-то более преспективное дело, прикинуть возможности лучшего устройства в жизни. Вместо изучения предмета своей жизни, а у них, потомков Левия, уже имелось предназначение быть хранителями и учителями Закона, экспертами, которые нужны и в суде, и во многих других делах. Без них, без их труда по обучению народа духовная жизнь общества приходила в упадок, однако они большей частью занимались только своими делами, и их нежелание распространять знания и свет в обществе как раз и привёл к тому положению, что никто не знал закона, и даже добронамеренные люди делали неверное и ложное, не понимая значения вещей. Если бы он хорошо знал Закон, то просветил бы Миху, что делаемое им неверно и что его предложение быть священником он не может принять, разве только он переделал бы это домашнее святилище в подобие синагоги, до изобретения которых было ещё очень далеко. Однако этот невежественный и ленивый левит предложение Михи принял, хотя десять сиклей серебром в год кроме питания и одежды могло казаться ему маловато, но ведь и служба очень удобная, а к тому же люди ведь приносят и дары с пожертвованиями в святые места... Миха же пришёл в восторг, он понимал, что духовными вещами должны заниматься люди из рода Левия, и что Бог будет теперь уж точно более расположенным к нему, по причине более правильного ведения дел. То есть отголосок каких-то знаний имелся в его разуме, но он и без левита не считал, что делает неправильно, это не останавливало его. Нет бы узнать сначала, навести справки, но страх был потерян из-за сильного упадка в просвещении о порядках и законах, им казалось, что сама благонамеренность их дел уже избавляет их от проблем с жизнью и Богом – "я же хотел как лучше..."

Наверное, Миха был неплохим человеком в целом, и Бог проявил к нему действительно некоторое благоволение, только Михе оно не понравилось, это я о том, что произошло вскоре. Племя Дана было недоволено своим жребием, их территория граничила с филистимлянами, от которых было много проблем, да и размеры их по сравнению с другими были и правда поменьше. Хотя они должны были решить эти вопросы в своё время, и Бог бы им помог со всем этим, так что они легко и территорию могли расширить и от враждебности соседей избавиться – филистимляне были из тех, кто должен был уйти по божественным планам, но они не сделали ничего, а теперь им стало тесно в их владениях. Однако глядя на вещи узко, без всякой веры и доверия высшим силам, они унывали и смотрели по сторонам, где бы для них что-то такое нашлось. Среди них были люди достаточно решительные, чтобы пойти посмотреть где-то ещё свободные земли или, по крайней мере, достаточно лёгкие для завоения, но филистимлян они на этот предмет даже не рассматривали. Они отправили пять человек в разведку по землям вокруг границ Израиля, и эти посланные, проходя мимо дома Михи, узнали левита, который сейчас заведовал святилищем у Михи. Дан соседствовал с Иудеей и с этим левитом они уже были знакомы. Они стали спрашивать его и тот рассказал им, как хорошо он живёт теперь и чем занимается. Разведчики Дана попросили этого левита, занимающего теперь должность священника, спросить Бога о их пути и их деле, и левит, особо не заморачиваясь, ощущая себя отцом и наставником всех, обращающихся к нему, благословил их и уверил, что Сущий хранит их и с ними всё будет в порядке. Правда, он не имел доступа к Богу и не имел канала связи первосвященника, камней Урим и Туммим, так что его слова о благоволении Бога отражают лишь его уверенность, а то и вообще благое пожелание, но не реальность. Как я понимаю, этот молодой человек был серьёзен в своём деле и заботился о всех своих клиентах, и даже имел некий талант или дар, делающий его служение по своему добрым и влияющим ко благу подопечных, само по себе это

очень правильно и хорошо, просто жаль, что это делалось не в той структуре, что Бог предназначал для Своего народа, а в чём-то самодельном и самовольном, ведущим мягко и незаметно в большие проблемы. Он подражает древнему патриархальному порядку, что было правильным когда-то, но противоречило текущему приказу и порядку Главнокомандующего, которым патриархальный порядок служения был давно упразднён. Если бы он действительно имел доступ к Богу для запросов о своих клиентах, то его слова могли бы быть совсем иными. Даниты выбрали себе добычу полегче, чем филистимляне, хотя по долгу должны были бы как раз иметь дело с ними. Эти разведчики нашли уединённую долину в удобном и хорошем месте, где жители не имели тесных связей с соседями, и назначили их землю себе. С этими вестями они вернулись к себе и племя Дана выделило отряд в шестьсот человек, чтобы забрать себе землю, найденную ими в Лаисе, в соседстве с Сидоном. Этот отряд собирался сразу поселиться в новом месте, с ними пошли их семьи.

Этот отряд данитов снова проходил мимо дома Михи, и тем разведчикам вдруг пришла в голову дельная, на их взгляд, мысль, что неплохо было бы забрать себе такое удобное святилище, где не лезут в душу со всякими темами о правильном и неправильном. С ними будет их Бог, священник будет благословлять их и помогать в разных вопросах, вроде бы и мелочь, а всё преимущество. А для многих даже и не мелочь, да и не всякий мог позволить себе иметь священный уголок, с одной стороны нельзя по левитским законам, а с другой затраты, и, кроме того, и талант какой-то нужен для этого. Долго не думали и пятеро разведчиков, бывших тут прежде, зашли в дом Михи, в то время как отряд ждал их у ворот. Левит, бывший здесь священником, разговаривал с пришедшими, но те пятеро прошли в святилище и собрали все священные предметы и вышли с ними. Левит, увидевший такое безобразие, что берут чужое без всякого спроса, спросил у них, зачем они забирают эти вещи. За оградой стояли шестьсот вооружённых мужчин, с другой стороны его знакомые пятеро разведчиков, и тоже с оружием, и они ответили ему соответственно, чтобы он молчал, и лучше подумал, что не лучше ли ему быть священником у целого племени (хотя это была только часть племени Дана, однако остальные даниты признали за ними это святилище и рассматривали его как принадлежащее всему их племени), чем у одного человека. Этот левит, уже однажды взявшийся за дело незаконное, рассудил самым благоприятным для себя образом – получать он будет гораздо больше, и клиентов у него также станет намного больше и, кроме того, он лично никак не виноват в этом разбое или краже. Не будет его, даниты найдут другого на его место. Одни грехи и ошибки навлекают на себя другие, и противостоять следующим становится тяжелее, и даже кажется, что уже и смысла сопротивляться искушению нет. Это являла себя природа греха, как некоторые называют состояние и развитие в человеке нравственных качеств, когда выбран путь уступок злу. Человек сотрудничает либо с влиянием Бога, поддаваясь ему и развиваясь в праведности, либо с влиянием князя мира сего, тогда в нём укрепляются недобрые черты. К счастью для мира, далеко не все последовательно и до конца отдают управление тёмной стороне, иначе повторился бы потоп или что-то подобное. Слишком многие привыкли смотреть на праведность как невозможное для обычного человека, но и злу также не спешат себя посвящать. До поры до времени этот порядок вещей будет в силе, пока кто-то не сумеет увлечь мир в обратную сторону, сделать Бога и Его Мир достаточно привлекательным и манящим. Нет, далеко не все выберут Бога, даже бы если праведники стали полностью праведными и могли делать чудеса и сделали всех здоровым и красивыми, но тогда мир созреет до степени, достаточной, чтобы закрыть нынешний период истории. На сегодняшний день ни одно движение не достигало ничего подобного, оставляя Путь Бога скорее энтузиастам, но не обычному человеку.

Люди племени Дана отошли на некоторое расстояние от селения, когда Миха с собравшимися на помощь соседями отправились за похитителями. Те шли медленно, их семьи и стада не позволяли перемещаться быстрее, так что Миха с помощниками догнали данитов. Миха кричал

им вслед, и те услышав, обернулись и спросили, чего он кричит. От такой наглости Миха немного опешил, но ответил – "вы взяли моих богов (которые стоят очень немало), которых я сделал, забрали моего человека, чего ещё?" И при этом ещё спрашиваете, от чего я кричу.

Наверное, эти люди, искавшие лучшей доли, понимали, что делают неправильно, однако решившись на зло, утешали себя тем, что оно совсем небольшое. И исправлять дело никак не собирались, ну могут они сейчас себе позволить, сила на их стороне, а на совесть можно иногда не обращать внимания. Ведь в остальном они делают всё не так уж плохо... Это распространённая ошибка всего мира, когда считают, что одним (или несколькими) добрым делом возможно загладить сделанное зло в другом деле, что возможно перекрыть сделанное зло другими добрыми делами. Они думают так потому, что реальность нашей жизни устроена подобным образом – нанесённую рану можно перевязать, она выздоравливает, разрушенное можно восстановить, оскорбление можно загладить извинениями и они переносят этот порядок вещей на отношения с Богом, на понятия о зле и спасении, о религиозной жизни. Но ход жизни не всегда соответствует тому, как происходит восстановление в изначальное состояние человека. В таких рассуждениях не учитывается разрыв связи с Богом, что возникает от нарушения законов и правил, оставляя человека на жизнь ошибок и потерь. В отношении гармонии с Богом есть только два состояния, "есть" или "нет", "плюс" и "минус". Делами добра потерянную связь не восстановить, тем более никакое добро не возможно, пока нет этой самой связи... Будучи злым не выработать в себе добро, это состояние не рождается из попыток добра, добро не вымучить, если желания тянут совсем в другую сторону. Имитация добра и попытки делать его за добро там, наверху, не считаются, даже себя обмануть невозможно, можно только не обращать внимания на внутреннее недовольство собой и/или результатом. Сделанное "добро" без того, чтобы делать его по внутреннему импульсу, то есть вынужденно и с нежеланием, не служит ничьему высшему благу, поскольку содержит в себе семена разрушения, хотя не всегда их видно невооружённым глазом.

В общем, даниты повели себя крайне нечестиво, и незаметно, чтобы они упрекали себя в том сейчас или после. Это святилище, которое они забрали себе, служило отвлекающим фактором от служения в святилище Моисея, где было реальное присутствие Сущего. Многие были отвлечены от принесения жертв на законном жертвеннике, многие оставались без наставления и обучения законам, данным Богом. Это святилище в Дане (так назвали построенный заново город на месте, где прежде был Лаис) было пустышкой – вроде бы есть место напоминания о Сущем, посвящено Ему, но в нём находился не список законов, а серебряные истуканы и фигуры, запрещённые второй заповедью Закона. Вместо святилища, выражающего своими двумя отделениями и убранством план восстановления человека, было нечто полуязыческое в смыслах и символике, если не полностью языческое. Впоследствии после отделения Израиля от Иудеи Иеровоам из политических соображений усилил это святилище статуэткой тельца, предназначая ему роль как раз отвлекать израильтян от иерусалимского храма. Племя Дана гордилось этим отнятым у ближнего святилищем, однако никакого добра никому оно не принесло, как и своему первоначальному владельцу. Бог также не мог благословить замыслы как изготовителя, так и последующих владельцев, ни в чём, несмотря на внешне благообразные замыслы. Увы, в те времена люди жили без царя в головах...

Содомский сюжет у вениамитян

Последняя история в книге Судей ужасна, хотя по времени она не была последней в период судей, она произошла когда первосвященником был Финеес, сын Елеазара, внук Аарона, где-то около середины этой эпохи. Начинаясь она вполне обыденно, но конец её потряс всех, количество племён Израиля едва было не уменьшилось на единицу. Тот упадок, который начался когда-то давно ещё в доме Иакова из-за того, что в его семье оказались люди случайные, которые при

нормальном течении событий не должны были там оказаться, внёс в зарождающееся общество нового народа весьма недобрые тенденции. И почему-то именно эти традиции большей частью оказывались поддержаны, в то время как тенденции к высшему развитию и восстановлению изначального состояния не были популярны у большинства. Время от времени общий упадок религиозного просвещения приводил Израиль едва ли не на грань исчезновения, когда в обществе в целом или в отдельных местах вызревали и накапливались разные нехорошие вещи.

Один левит, живший в земле ефремлян, взял себе в жёны (почему-то её называют наложницей, но других жён у него не упомянуто, жили они у него в доме, возможно, что они начали совместную жизнь по упрощённому порядку, не делая пир для родных и друзей из-за бедности или по другим причинам) девушку из Иудеи. По молодости что-то пошло не так, как ожидалось, и поругавшись с мужем, женщина вернулась в дом к своему отцу. Прошло четыре месяца, и молодой человек решил вернуть супругу и отправился за ней в Иудею. Там его приняли очень хорошо, отец его жены был рад его приходу и принимал по царски. День за днём продолжались пиры, так что было трудно покинуть гостеприимный дом. Уходить надо было с утра, чтобы успеть пройти дневной путь до следующего пункта отдыха, но стоило только начать завтракать, как застолье продолжалось до обеда, а там уже становилось поздно уходить. Уходить под вечер означало ночевать в открытом поле, что не было безопасно из-за зверей, а то и людей. Наверное это происходило зимой, это единственное время, когда земля не требовала большого ухода или сбора урожая. Зима же в тех местах это дожди и холод, и кроме того, некоторые хищники могли быть опасны для такой маленькой компании.

На пятый день, несмотря на опять затянувшееся застолье левит решил всё же прекратить эту становящуюся недоброй тенденцию. В самом деле, его ожидал дом, хозяйство, своя жизнь, и затягивающееся прощание в какой-то момент перестаёт быть добром, планирование дел в такой атмосфере просто разрушается, люди никак не могут сказать друг другу слова прощания, или говорят и не уходят... Кажется мелочь, но даже мелочи иногда определяют важнейшие события. Малейший перепад горизонтальной поверхности на вершине горы предопределяет водораздел, в какую сторону направится капля воды. Упавшие в сантиметре друг от друга, одна капля направится на восток, а рядом с ней другая на запад. Я не думаю, что именно эти расслабленные проходы предопределили последующие жуткие события или гибель жены левита, но трудно отделаться от такого впечатления. Мне приходилось наблюдать, как после неприглядного поведения группы людей, на которых лежала повышенная ответственность из-за их клятвы следовать Пути, случались очень плохие события, и кто знает, не было ли то каким-то косвенным образом всё же связано? Из-за поведения людей на Землю пришёл Потоп, изменивший облик планеты и ход вещей на ней, после безобразия у дома Лота Содом и соседние города исчезли с лица Земли и цветущий зелёный край превратился в безжизненное море с такой же пустыней вокруг, и не думаю, что такое ограничивается лишь теми двумя случаями...

Несмотря на задержку до полудня, левит уже не мог оставаться, и они покинули дом чрезмерно гостеприимного тестя. До вечера они успели дойти лишь до Иевуса, который позже стал Иерусалимом. Некогда в этом городке жил легендарный Мелхиседек, тогда он назывался Салимом. Здесь жили остатки хананеев, израильяне не стали выгонять его жителей, когда было для этого время, а теперь было нельзя. Отношения с остатками хананеев были вполне мирные, но когда слуга предложил зайти для ночлега в это селение, левит отказался, посчитав, что не стоит находиться среди людей, не желавших служить живому Богу. Немного дальше было селение вениамитян, Гива и Рама, куда он решил добираться. Когда они были около Гивы, солнце зашло, и им пришлось повернуть сюда. Кто бы знал, что в поле или лесу они были в меньшей опасности, а в Иевусе с их голов бы и волос не упал? Они сели на улице, но наверное, было темно и прохожих было немного, но из тех, кто видел их, никто не позвал их в дом. В те времена такое было

редко, на ночлег пускали запросто, я застал в своём детстве обычаи, когда незнакомые люди спрашивали о возможности переночевать, и это никого не удивляло, и место в доме предоставляли без особых разговоров. В больших городах с этим было сложнее, там требовалось знакомство, хотя бы через других людей, но со временем, как кажется, этот дух несколько уменьшился. Не знаю, как сейчас, многие отвыкли от этих обычаев, но даже сегодня это остаётся, пусть и существенно реже в странах, называемых цивилизованными. Однако же в то время чтобы никто не позвал их в дом, это было довольно странно. Либо весь город слишком слетел с резьбы, либо все начали бояться некоторых в этом городе. Бывает, что молодёжь, подрастая без хорошего воспитания, резко сбивается с пути и начинает творить жуткие вещи. Последующие события говорят о том, что здесь как раз такое и имело место.

С поля шёл один пожилой человек, ещё помнящий лучшие времена, к тому же и не отсюда родом, он не мог пройти мимо путников, ожидающих помощи в поздний час. Он знал, что к нему могут прийти за этими людьми, но не мог оставить их на улице, тут они были обречены. Их уже видели, заметили и какая-то весёлая компания уже планировала повеселиться этой ночью. Он спросил пришельцев о их дороге и узнал, что они земляки, левит рассказал откуда они и куда идут, добавив, что никто их не зовёт на ночлег, хотя у них есть даже и корм для животных, не только для себя. Этот человек пригласил их к себе, надеясь, что местные гопники не станут интересоваться ими. Хотя с опасениями могло и не быть настолько плохо, возможно, что до убийств прохожих местные ещё не доходили, хотя судя по обстановке в городке, вряд ли. Он не стал просвещать путников об обстановке в этом месте, не желая пугать их. Также он мог бы предупредить их, чтобы они уходили отсюда как можно скорее, но они не могли ночью уйти далеко, а бандиты могли погнаться за ними и получилось бы ещё хуже. Поэтому он не говорил ничего, дав им кров и ужин. Но беда всё же пришла, не дав им наслаждаться отдыхом. В этом городе, а возможно, и не только в этом, мужчины каким-то образом увлеклись удовольствиями, поведшими их в извращения. Когда мужчины хотят слишком частого секса, не всегда можно найти достаточно женщин для их удовлетворения, не во все времена существуют публичные дома, не при всяких обычаях и культурах, для этого требуются немалые усилия по разрушению нравственности и время. Тогда как некоторый выход из положения на выручку таковым приходит гомосексуализм, хотя не всем он нравится, но говорят, стоит лишь попробовать, и он становится приемлемой заменой, а кто-то переходит полностью на него. Вениамитяне были очень хорошими воинами, однако их умения и сила привели их к тому, что они вообразили себя неуязвимыми, и излишняя самоуверенность напела им о полной безнаказанности.

Они окружили дом, и, подобно как некогда в Содоме, потребовали от хозяина вывести к нему мужчин, находящихся у него в доме. Вряд ли они не знали истории Авраама в той её части, что касалась Лота и Содомы, но даже это не мешало им поступать так, как им хотелось. Им было весело бросать вызов даже Богу, и ведь действительно, Бог не вмешался в этот раз. Не было ни у кого той связи с Ним, как у Авраама, и никто не просил за кого-то из них. В Содоме тогда было очень уж много бисексуальных или полностью гомосексуальных мужчин, здесь же они удовлетворялись женщиной, которую от безысходности отдал им левит. Хозяин дома пытался, как и Лот, устыдить их своей дочерью, но левит, чтобы оградить хозяина дома от беды, отдал лишь своё. Может быть он был не против выйти против них, но у него не было оружия, а их было много. Хозяин также сообщил ему, что все эти гопники являются воинами высшего класса, даже против одного из них он не выстоит и минуты. И ведь не убьют просто так в бою, а просто скрутят и осквернят... Не знаю, как кто, но не могу осуждать тех, кто даже жизнь свою не сможет отдать по боевому, защищая семью, из-за того, что в какой-то момент не оказалось оружия, и нет умения его применять, а на стороне преступников вся сила. К тому же пожертвование жизнью никак не остановит преступников, а только усилит их злобу. По идее левиты несли охрану святилища, но этот левит не работал в храме, живя своей жизнью, и, возможно, даже не готовился. И,

видимо, жалел об этом. Но здесь и сейчас сделать ничего уже не мог. Зато всех, кто в доме, толпа оставила в покое.

Постепенно голоса возбуждённых мужчин стали утихать, вопли насилуемой женщины тоже уже не были слышны. Когда наступило утро, было тихо, как будто ничего не случилось. Из дома вышел левит со слугой и у порога увидели свою хозяйку, лежащую на земле и руки её на крыльце. Немного не смогла дотянуться, силы кончились. Даже если бандиты не избивали её, одно лишь сексуальное злоупотребление могло разрушить её, отняв и жизнь. Но насилие не зря называют насилием, её и били и душили, чтобы сделать поговорчивее. Однако человек устроен весьма деликатно, даже очень крепкие люди ограничены в своей стойкости, рано или поздно все запасы, дающие силы, кончаются, разве что его подкрепляет сверхъестественная сила. Нет, человек может не ломаться в своей решимости или цели, он просто умирает, если его стойкость не может преодолеть напор врага, если враг просто сильнее и многочисленнее, либо отключается. А деликатные органы не зря деликатны, если в некоторых кругах бездомных, например, злоупотребляют женщиной, попавшей в их общество, то от частого физического контакта слизистые оболочки истончаются, и организм, пытаясь восстановить их целостность, катастрофически быстро стареет. Бездомные женщины в компаниях привычно бездомных всегда стары, даже если им нет ещё тридцати... Дело далеко не только недостатке питания, но в злоупотреблении их деликатной природой.

Левит положил её на осла и повёз домой. Хоронить её здесь или в дороге он не хотел. Ужасная ночь в этом месте перевернула его, он не был сейчас тем беззаботным молодым человеком, как до сих пор. Беззаконие этого места всё же не дошло до крайности, его не подстерегали и не убили эти бандиты. Получив свою долю удовольствий, они разошлись по домам отдыхать, оставив оскорблённых ими за спиной. Они, скорее всего, вообще ни о чём не думали, но если бы и думали, то мысли их могли быть примерно такие, что за изнасилованную женщину им ничего не будет. Что она умерла, они не знали – когда они оставили её и расходились, она ещё была жива. Поэтому они не ожидали наказания. Обиженный мужчина вряд ли мог собрать достаточную группу вооружённых людей для мести, это они понимали, почему и были столь уверенны в безнаказанности. Да и лица их он в темноте вряд ли видел. И если бы и собрал кого-то, они бы легко уничтожили любых пришедших с оружием в землю их племени, будучи практически сильнейшими во всём Израиле. Именно здесь в Гиве жили семьсот лучших у Вениамина пращников, и им казалось, что они могли позволить себе не беспокоиться о мести обиженных ими.

Левит пришёл домой, однако он не стал хоронить свою жену, его сердце кипело от оскорбления и пережитого глумления. Он и сам понимал, что наказать вениамитян очень трудно. Но он, кажется, нашёл как это сделать. Он разрезал жену на части и наняв людей, отправил эти части старейшинам всех племён. Те, кто видел это, были поражены, так ещё никто не делал. Делегаты от всех племён, старейшины разных мест собрались в Массифу и совещались о необычном происшествии, случившемся посреди казалось бы мирной жизни в Израиле. Левит также был там и рассказывал всем о произошедшем. Собрание князей и старейшин постановило, что случай должен быть расследован и виновные наказаны. Такое наглое пренебрежение правами человека, развязность и безответственность не должны были остаться без оценки и ответа от общества.

Но скоропалительно войну не объявляли. К старейшинам вениамитян были посланы люди с описанием преступления и требованием выдать виновных для суда и наказания. Там выслушали посланников, однако сначала вениамитяне провели своё расследование, и почему-то не согласились ни с чем, предъявленным общим собранием страны. А собрались по вызову князей племён четыреста тысяч одних лишь мужчин, умевших держать оружие, в целом там могло быть значительно больше людей. Почему старейшины вениамитян приняли сторону преступников,

мне сложно понять, то есть не вижу разумной причины. Могло быть то, что версия гивлян была иной, те говорили, что не убивали женщину, что когда они оставили её, она была жива. Хотя уже то, что они коснулись чужой жены (а наложница ни в коем случае не является свободной женщиной, так ведь и со свободными так обращаться было нельзя), было тяжким преступлением, и по закону Моисея за это полагалась смерть. Вениамитяне могли не выдавать их из гордости, но в таком случае должны были наказать их сами, внутренним судом, если хотели отстоять свои особые воображаемые права. Вениамитяне таким образом признали, прямо ли сказав об этом, либо фактом отказа в правосудии общему собранию племён, жителей Гивы невиновными. У них появилась некоторая избалованность, когда-то Иосиф выделял младшего из своих братьев, и хотя сам Вениамин не проявлял какой-то гордости, его дальние потомки присвоили себе воображаемые привилегии, подобно ефремлянам. Теперь это настроило их на противостояние всем остальным племенам. Видимо, они посчитали, что в состоянии противостоять всему Израилю.

Поскольку гивлян взяли под заступничество всё их племя, то теперь все вениамитяне оказались виновным в преступлении Гивы, заложниками их поступка. Они собрались все в этот город, двадцать шесть тысяч отборных воинов, готовясь противостоять четырёмстам тысячам. Ещё самих гивлян было семьсот человек, умелых пращников. Они собрались защищать своё право на убийства и насилие. Это был вызов, не только порядку на Земле, но и Богу. Они защищали право на преступление, и этот мятеж должен был быть подавлен, чтобы это не заразило всё общество. Небольшие тенденции любви к удовольствиям, не вызывавшие ни у кого никаких опасений, вылились в большую проблему и большую кровь. Левит был абсолютно прав, растревожив страну, если бы не он, не его желание донести свою личную беду до всех, проблема разрослась бы до чего-то ещё более худшего, намного худшего. Это не была лишь его личная беда, его зацепило сегодня то, что завтра коснулось бы многих.

Когда люди не реагируют на преступление, страдают и они сами, и общество, как и дело Бога также оказывается в стыде. По идее, Бог может в таких случаях брать дело возмездия в Свои руки, но это значило бы, что люди не сделали то, что должны. Порядок в обществе лежит на нас самих, мы сами назначаем тех, кто следит за ним, это так или иначе отлажено с давних времён. Первая инстанция правосудия в обществе, которое Бог создал для Своего представительства в мире, была общество, оно должно было защищать порядок. В отдельных случаях, если люди медлили наводить порядок, Бог также вмешивался и показывал Своё отношение к злу. Однако же если общество упорно, несмотря на Его вмешательство Своими судами упорно продолжало курс в сторону от Его законов, то Он мог оставить людей на следование своим путём, и это было по своему худшим наказанием. Когда возникал кризис тупиковых ситуаций, Бог дополнительно, от Себя добавлял ещё наказаний. В Израиле такое произошло после примерно тысячелетней истории попыток Бога как-то отладить дело. Сейчас было время судей, потом наступило время царей примерно на такое же время (около пяти веков), и потом ещё на такое же примерно время они были лишены самостоятельности. После этого, когда последняя попытка вернуть их на Путь во время Мессии была отвергнута, оказались отвержены и они. Впрочем идея народа, несущего свет, не могла быть отброшена, но обязанность по рождению и происхождению от Авраама перестала быть актуальной. В условиях, когда Бог перестал явным образом защищать и возвышать Своих представителей, над посвятившими себя Пути время от времени собирались тучи и многие были просто обречены на уничтожение или изгнание. В эти времена можно было рассчитывать лишь на добровольцев. Израиль продолжил свою миссию уже символической фигурой, не в евреях.

Все были настроены серьёзно – уходить, пока не разобрались со случившимся, никто не собирался. Сегодня у Вениамина не выдают на суд виновных в тяжком преступлении, а что будет завтра? Могут пострадать их собственные друзья и родные, да Бог накажет их самих, если они оставят преступление неотреагированным. До этого беды были в основном в идолопоклонстве в подражание соседям, но всё было довольно мирно, и в этом нарушении никто из людей не был как будто задет, никто не страдал и не терпел ущерб, разве что если формы язычества оказывались совсем уж извращёнными, но здесь пролилась кровь, и кто знает, первая ли или единственная. Случилось не просто убийство, но ведь возникла содомия, вещь Богом нетерпимая. Заразу надо останавливать, вычищать, иначе скоро страна окажется в положении, когда Бог зачистит их самих. Это понимали, наверное, все собравшиеся – кто-то и сам был достаточно разумен, кому-то объяснили. Были посланы люди за провиантом во все концы страны, каждый в свои селения, потому что было понятно, что дело потребует какого-то времени на решение.

Сражение

Общее собрание народа соблюло правила, запросив сначала правосудия у племени, откуда были нарушители спокойствия, и, получив отказ, имели теперь право осуществлять суд и наказание. Суд уже имел место при расследовании, племя Вениамина, собрав сведения со своей стороны, даже не пыталось доказывать, что преступления не было или произошло какое-то недоразумение, так что все подозрения и обвинения были подтверждены. Встав на сторону преступников, вениамитяне поставили себя вне закона. Возможно, что они надеялись, что столь значительная сила и сам авторитет племени остановят остальных. Идея "слишком большой, чтобы упасть" родилась задолго до них, и во многих случаях это срабатывало.

С немалым изумлением и прискорбием, при изучении одного из курсов колледжа об американском правосудии узнал, как виновные в некоторых случаях освобождались от ответственности – очевидно виновные и уличённые по всем правилам, когда адвокаты прибегали к аргументу "не вредить торговым связям между штатами". Мол, наказание баскетболистов одной из команд, изнасиловавших оказавшуюся в их помещениях девушку, повредит interstate commerce. И преступники с доказанной виной оставались ненаказанными по всем правилам правосудия...

Также вениамитяне могли рассчитывать на своё воинское умение, и вот здесь они имели некоторые шансы на успех, начало сражений это показало весьма наглядно. Но здесь лучше по порядку.

Итак, собравшееся ополчение, а также и судебное исполнение, в количестве четырёхсот тысяч воинов и старейшин, и это не всё мужское население страны, пришло к Гиве. Они расположились лагерем в этой земле, но прежде чем начинать боевые действия, вызвали первосвященника с его полным облачением, содержавшим камни связи с Богом. Они задали вопрос Богу, желая иметь успех. Они знали, что под Его руководством они обязательно будут с победой, и были правы, хотя столкнулись с нюансами.

Этот случай как будто первый, когда стали спрашивать Бога, когда не было Моисея и Иисуса Навина, которым эти камни не были нужны для того, чтобы узнать у Бога ответы на свои вопросы. Камни давали ответ "да" или "нет", но если спрашивающий был достаточно разумен, с помощью логически выстроенных вопросов он мог получить довольно сложную информацию. Однако же, если у спрашивающего подход примитивен, то сами его вопросы могли оказаться неверными, так что на выходе, при всём желании Бога сообщить что-то людям, оказывались мало значащие для них ответы. Военачальники спросили лишь одно – кому начинать сражение, и ответ был, что это должны быть иудеи. Чего-то здесь не хватало, что стало ясным в первый же день, как и на следующий, но людям казалось, что всё нужное они уже имеют.

С утра люди встали в боевой порядок, и иудеи были впереди остальных. Против них располагался строй вениамитян, пришедших сюда защищать этот вставший на путь насилия и преступления город. Затем из Гивы вышли семьсот пращников, и начали сражение. Израильтяне не начинали атаку, смотрели на иудеев, а те стояли, ожидая чего-то, но в это время их расстреливали на расстоянии обычными камнями из пращей те семьсот отборных гивлян. Это было избие-ние, и иудеям, как и остальным израильтянам, пришлось просто отступить, потому что потери были ошеломляющими – двадцать две тысячи убитых! За два дня, а на следующий день всё прошло практически также, десять процентов личного состава всех племён (а для иудеев это было очень чувствительная потеря, до трети воинов) было потеряно даже без соприкосновения с противником.

Люди плакали, многие начали сомневаться, с ними ли Бог, делают ли они правое дело, хотя рассудок давал им достаточное удостоверение, что правда у них и Бог на их стороне. Однако же, что происходит? На второй день они даже спросили Бога, продолжать ли им начатое, ведь так их вообще всех поубивают, и где будет справедливость и порядок? Но Бог уверил их, что на следующий день дела пойдут по другому. У всех, конечно же, был вопрос – а почему вообще так произошло, такие потери и поражения, если Бог не препятствовал им и само дело их было правое?

Этот вопрос, хотя и очень жгучий для простых людей, не из самых сложных. Есть одно положение, что служить правде надо по правде или, по другому сказать, служители закона должны сами этот закон соблюдать, а то ведь иногда проскальзывает идея, что у стража закона (или у верховного лица) могут быть какие-то привилегии нарушать то, чего соблюдения требуется от других, что есть от лукавого. О тех временах не раз было сказано летописцем, что люди делали дела, сами определяя, что есть правильное и неправильное, по своему усмотрению судя о правилах. Христос как-то сказал о подобном положении вещей – "если свет, который в тебе, тьма – то какова же тьма!" Правила и законы – свет; когда люди поступают по правилам, это хорошо, это законопослушность, но в смутные времена часто подделывают и правила, а то и вовсе меняют, да ещё на ходу... Естественным результатом такого незнания настоящих правил является отказ людей от законопослушания и бунты – ведь законы должны вести ко благу и иметь целью устройство, ведущее ко благу общества, а если законы произвольны и правила жестоки, и если их результат не ведёт к благу всех и каждого послушного правилам, то смысл в законах и правилах, как и в следовании им, для человека пропадает. Трудно дисциплинировать человека искусственными, бессмысленными правилами, это уничтожает смысл закона и разрушает личность.

Здесь израильтяне получили немалый урок, что Бог не есть волшебная палочка или автомат желаний, что не стоит прибегать к Нему только в случае нужды, с Ним нужно сотрудничать в гораздо более широком масштабе, ибо у Него есть для нас очень много нужного и полезного, как и много сюрпризов, а когда этим пренебрегают, можно не сомневаться, что будут подобные неприятные открытия. Чем меньше люди общаются с Богом, чем меньше внимания Ему уделяют, тем больше может быть таких неприятных сюрпризов. Это по своему тоже может отталкивать от Него, это и происходит с некоторыми, хотя это больше с теми, кто по долгу или своему положению должны бы быть с Ним на связи постоянно. Когда люди впервые сталкиваются с Богом, не имеющие знаний и ответственности за них, Он раскрывает Себя им с более позитивной стороны.

Так что причина, почему Бог позволил осуществляющим правосудие пострадать от руки отступников – далеко не все в народе были чисты. То, что назрело в племени Вениамина и вышло наружу, зрело и в других местах. Среди пришедших наказывать вениамитян были подобные вениамитянам, и спустя какое-то время подобное же могло случиться в любом уголке Израиля, а может быть и случилось, только не было расследовано и вскрыто. По серьёзному, прежде чем

вставать в битву, священники или князя должны были поговорить с народом об том, что Богу для Его дел нужно посвящение, нужны чистые руки. Но никто этого не сделал, считая по известному принципу "не пойман – не вор". Но это присловье хорошо для суда, чтобы не давать ходу подозрительности и недоверию, но когда дело касается служения Богу в любом деле, нужно побуждать людей к самопроверке, к определённой культуре исследования самого себя. Без подобных вещей то, что случилось с Израилем в той битве в первые два дня, будет повторяться. Поэтому Он сам лично не дал хода неподготовленным, неочищенным людям совершать дело возмездия.

После второго поражения люди плакали не только от расстройств, хотя и это сильно повлияло, всё же каждый десятый был убит в этом ополчении, но прозвучали правильные слова, что Бог недоволен ими, и они стали искать причину, стали серьёзны перед Богом, ощутив, что Он видит их всех, и их беспечное отношение к Нему Ему не нравится. Когда люди это осознали и стали обращаться к Нему за ответом, всё изменилось. Бог сказал им через камни, что на следующий день они победят. В первый день они не задали Ему этот существенный вопрос, будет ли у них победа, задай они его, не было бы тех потерь. Если бы они услышали, что победы Он им не даст, они бы начали искать ответ, что этому мешает и так или иначе должны были бы устранить уязвимость в своих рядах. Подобно случаю в Гае с первым сражением, в рядах Израиля были осквернённые люди, но после того, как причины были вскрыты и проведена некоторая работа, связь общества с Богом была восстановлена и Он мог теперь помогать им.

Не известно, посоветовал ли им Бог план действий или они сами разработали (впрочем вдохновение это всегда сотрудничество с высшими силами) его, но они решили сымитировать снова неудачные прежние попытки, рассчитывая на привычный уже для вениамитян ход сражения. Они дали задание начать отступление, едва гивляне начнут обстреливать их из пращей, чтобы показать, будто уже деморализованы, а с другой стороны, спровоцировать вениамитян на погоню, чтобы оторвать их от Гивы. Бегство также позволяло избежать больших потерь, которые были неизбежны при стоянии на месте. Была устроена засада и в неё отобраны лучшие воины.

Задумка вполне удалась. Едва гивляне начали поражать израильтян камнями издали, как строй рассыпался и люди побежали с поля боя. Вениамитяне ободрились, они думали, что война против них на этом приходит к концу, надо лишь разгромить убегающих. Они видели, что пару десятков человек были убиты ими, и начали преследовать убегающих, вдохновившись своими успехами. Отдалившись от Гивы, они открыли город для нападения из засады, и те не преминули воспользоваться этим. Засадный полк вошёл в город и зажёл его, это не заняло много времени. Кто-то из вениамитян оглянулся и, увидев дым, поднимающийся от города, смутились. Также и убежавшие израильтяне вдруг повернулись и атаковали вениамитян. Теперь не было дистанции, с которой они безнаказанно могли работать пращей, мечи противника были близко, и в этом виде оружия израильтяне уже были на равных с вениамитянами. Если даже и уступали в чём-то, то их было раз в пятнадцать больше... Зажёлшие Гиву также вышли из города и с другой стороны напали на мятежников. В этот день с вениамитянами было практически покончено. Они поставили себя под заклятие, покрывая убийц и противопоставив себя суду, поэтому все их города и селения были уничтожены, и никто не брал никакой добычи из проклятых вещей. У остальных жителей племени было время целых три дня, даже больше с момента отказа вениамитян выдавать преступников, чтобы понять, что их дела очень плохи, но никто не прятался и не убегал...

Возникает, конечно, вопрос о том, не захочется ли кому в наше время решать дела подобным жёстким образом. Имеются силы, которые хотели бы запретить Библию на основании жестокости, проявляемой в древние времена. Слишком уж иногда круты методы, которыми когда-то пользовались и люди, и Бог. Мыслящим людям понятно, что жестокость Бога вынужденная, и она не в Его характере. Не думаю, что из

серьёзных людей кто-то захочет копировать их сегодня (несерьёзные встречаются, но это всё же не руководители стран, как правило, те ощущают ответственность перед своим народом и понимают общее согласие мира на гуманизацию отношений, пусть даже вынужденно), на то есть немало причин. Для и Бога, и людей, зло неприемлемо и наказывается (по крайней мере некоторые его виды), такова сама природа человека, не могущая обходиться без справедливости, но методы наказания изменились. Людям стало больше, в этой массе масштабы кровопролитий, каковы они были когда-то, становятся слишком тяжелы, человечество осознало и прочувствовало суть гуманности и необходимости в ней, неотъемлемость прав человека для любых общественных устройств. В древности люди были свежее и ярче, и пытались решить дела как могли со всей прямоотой и яростью. В наше время в самих людях по отдельности гуманности не стало больше, чем прежде, но само время заставляет действовать иначе, новые виды оружия заставили понять взаимность людей по отношению друг ко другу, да и всегда существовало понимание "взявший меч от меча погибнет" – всё определяет кто первый начал. Многие поняли опасность зла и более тщательно скрывают его, пряча свои скелеты в дальних уголках, и перенося на неприятелей всю свою виновность и уязвлённую совесть. Люди все несовершенны, но кто-то думает, что можно за счёт очернения противника выглядеть побелее. Бог в своё время забрал удачу и успех Израиля, забрав у него право на верховенство, право на силу оттого, что Израиль не являл Его принципов на уровне страны и общества. Отдельные представители, осуществлявшие Его волю и планы, спасали Его престиж и Его дело, но таких людей нужно намного больше. Из-за их нехватки Израиль должен был уйти с позиции ведущей силы в мире с некоторого времени. Они не могли больше служить миру примером, и поэтому не могли служить орудием суда и наказания. Сила и власть покинули их.

Лишь шестиста человекам, скрывшимся в пещере, удалось спастись. Их заперли там, они не могли оттуда убежать и были обречены. Однако же пока они там сидели, подул какой-то другой ветер, так что о правосудии многие вдруг совершенно забыли. Сработала какая-то магия чисел, кому-то вдруг стало печально, что число племён в Израиле уменьшилось на единицу. Многие подняли плачь по этому поводу. Их скорбь хоть как-то можно понять, однако же сделанное ими после этого мне лично не кажется поступком принципиальным или ответственным, но скорее попустительством злу. Выживших вениамитян, закрытых в пещере, решили простить и оставить в живых, и повод для этого был даже не interstate commerce, а ещё менее уважительный – всего лишь число племён. В настоящее время это число было тринадцать вместе с левитами, и фактически, оно как раз даже становилось круглым, двенадцать, если уж кому-то были важны числа. Но общее настроение резко сменилось, они не спросили ничего у Бога насчёт своих соображений о числах и действовали сами в пылу сменившихся эмоций.

Они решили сохранить племя, сбившееся с Пути, всего лишь ради числа. Оставшихся решили простить, но дело было в том, что не осталось женщин, никого больше у Вениамина не было, кроме шестисот мужчин. К тому же все дали клятву, что никогда не дадут никого из своих дочерей вениамитянам, и это было тупиком для их намерений. Долго думали, и нашли, где могут найти женщин. Поскольку дело было очень серьёзным, то было произнесено заклятие против селений, которые не пришлют своих людей в ополчение против вениамитян, и было найдено, что один из городов не прислал своих представителей. Этот городок, Иавис в Галааде, был уничтожен, оставили лишь девушек, которые предназначались для выживших вениамитян. Если уж ради заклатья были уничтожены жители Иависа, то как же пощадили вениамитян, навлёкших суд на себя реальным и страшным преступлением?

К выжившим было послано посольство мира, обрадовавшее их добрыми вестями, что они теперь совсем ни в чём не виноваты и могут жить дальше спокойно. Однако в Иависе после его уничтожения нашли только четыреста девушек, не хватало ещё двухсот. Тогда в своих изощрениях старейшины разрешили оставшимся вениамитянам украсть для себя девиц, причём крайним оказались жители Силома, места, где находилось Святилище Израиля. Именно их старейшины подставили, отдав выжившим вениамитянам. Они сказали им, чтобы пришли и засели в засаде в виноградниках, и когда на одном из праздников Сущего девушки выйдут плясать в хороводах, то могут выбрать себе и увезти силой в свои дома, кто им понравится. Решение такое было, мне лично кажется, за гранью. Они понимали, что к ним придут с жалобами отцы этих девушек, но они уже придумали себе, что ответят, а именно, что виноваты они сами – израильтяне, поклявшись не давать преступникам жён. Зачем, мол, клялись, а то теперь неудобно получается. Получается, старейшины нарушили свою же клятву этим замыслом, как бы её обойти. Что-то это напоминает сегодняшние либеральные выкрутасы в некоторых странах, когда поступивший по справедливости обижают именно этим кого-то особо чувствительного...

Для иллюстрации один из случаев в США, когда вор, забравшийся в дом, поранился о систему против проникновения в дом, что-то типа острых штырей в подоконнике. Он, будучи арестован, подал в суд на хозяина дома за свои раны, и, представьте себе, выиграл дело. Вор может теперь требовать от хозяина дома беспрепятственного проникновения в дом (правда, это уже мой комментарий), а домовладелец не имеет права причинять раны вору, хотя, в то же время, убить вторгшегося в дом может безнаказанно...

В данном случае те, на ком лежала ответственность, сделав один шаг вперёд, потом сдали назад, не доводя дело до конца, даже намеренно возвращая его в прежнее положение. Стоило ли тогда наказывать виновных, если после перед ними стали "каяться и платить" – практически буквально? Ещё раз стоит помянуть этот рефрен из книги Судей – "в то время ... каждый делал то, что ему казалось правильным".

Оставшиеся двести вениамитян таким образом добыли себе жён, и племя их не исчезло с лица земли. Бог не стал взыскивать с Израиля за эту непоследовательность, их состояние продуцировало немало такого, пусть и в меньших масштабах. Нужно бы было устранить саму эту разболтанность понятий, пустоту о законах, правилах и порядках в головах, лишь тогда можно было начать закручивать гайки. В имеющихся условиях было сложно что-то сделать, но планы у Бога были, и понемногу Он начинал готовить специальных людей, которые бы могли эти проблемы как-то начать решать.

Предки Давида. Руфь

В период судей произошли события, отражённые в отдельной книге, названной книгой Руфи. Как-то во время голода одному человеку в Вифлееме пришла идея пожить в земле моавитян. Он, похоже, услышал, что там положение лучше, чем сейчас у них в Иудее, и он, собрав семью, жену и двоих сыновей, ушёл туда. Их имущество оставалось бесхозным, пока их не было, однако как будто никто не тронул его. В соседней земле их дела шли поначалу неплохо, сыновья Елимелеха успели жениться, и жили все дружно. Жена Елимелеха Ноеминь, имя которой означает "приятная", носила его не случайно, и всё бы было хорошо, но по каким-то причинам отец семейства умер, и за ним ушли его сыновья. Возможно, оттого, что работать им приходилось больше обычного, а если организм не успевает восстановить потраченные силы, а также вычистить накопившиеся отходы усталости, то этого достаточно, чтобы начались болезни. Женщины остались одни. Устраиваться в жизни в те времена им было сложнее, чем мужчинам, и Ноемини лучше было вернуться в родные места. К тому же пришли вести, что в Израиле снова наступили

благоприятные времена и голода больше нет, проблемы между Богом и людьми были устранены и Он снова посылает дожди вовремя. Она не думала долго, собралась и пошла домой, в Вифлеем, и с ней отправились также и обе невестки. Они так привязались к ней за время совместной жизни в одном доме, что не могли и помыслить лишиться её общества. Однако же Ноеминь пыталась остановить их и отговаривала от следования за собой. Могло стать, что её хозяйство кто-то станет оспаривать из родственников мужа, хотя пока она жива, оно оставалось за ней, правда что будет с невестками после неё? Ноеминь желала им дальнейшего устройства, пока они были молоды, они могли снова выйти замуж, а идти с ней в неизвестность не выглядело хорошей идеей. Все плакали, и одна из невесток, Орфа, со слезами попрощалась со свекровью и всё же вернулась в свой дом. Другая же, Руфь, отказалась возвращаться, слишком уж дружны они были со свекровью. У этих евреев она к тому же научилась чему-то о их религии и их Боге, с которым познакомилась и сама. Возвращаться обратно в родной дом ей не хотелось, там её ожидало то, от чего она успела отвыкнуть и прежняя жизнь теперь не казалась ей правильной или хорошей. Свекровь, уговаривая и Руфь вернуться к родным, сказал такие слова – вернись и ты, вслед за Орфой, к своему народу и своим богам. Жизнь в Моаве и Израиле вряд ли различалась заметным образом, языки были весьма схожи, так что перевода не требовалось, испытание состояло лишь в религии. Но в этом Руфь не испытывала патриотизма, этот вопрос не может быть вопросом традиций и национальной принадлежности. Это испытание она прошла, пожалуй, и не заметив его.

Не раз нам навязывали с разных сторон то атеизм, то православие, то язычество, вызывая именно к патриотизму и чувству общности. В советское время кое-кто поставил атеизм как испытание верности советским идеалам. Христианин по идеологическим соображениям оказывался изгоем в те времена, независимо от политических предпочтений, даже если искренне разделял коммунистические взгляды, да и партия по идеологическим соображениям не допускала членства в ней человека, признающего существование Бога и учитывающего это в своих планах. До тридцатых годов христианство в СССР имело немало свободы, численность протестантских церквей увеличилась в десятки раз, это был расцвет протестантизма, пока кто-то не решил положить конец этим успехам. И вряд ли Сталин²⁰ был зачинщиком этого поворота в политике в отношении христианства. Известно, что его убедили сделать это, упирая на то, что христианство никак не должно участвовать в строительстве новой жизни, примерно также, как его вынудили развязать гонения и чистки вместо демократизации в стране, планируемой им. Кто-то из идеологов опасался развития христианства, и решил подавить его силовым образом. Мне лично человек из соответствующих органов объяснял, что христианство есть буржуазная идеология, хотя и разрешённая в нашем обществе. "Разрешённая" в его тоне звучало как что-то "едва терпимое", и чуть только разреши, оно бы было уничтожено и стёрто с лица земли. Неудивительно при той разнузданной и злобной пропаганде против христианства, что проводилась ещё с двадцатых годов, когда разумных и знающих людей в религии старались просто убрать, оставляя самых неграмотных, кто не мог ничем адекватным возразить, кроме как сохранить веру хотя бы для себя вопреки всем "просветительским" усилиям атеистов. Сегодня видно, что слишком много было подтасовано в популяризации науки для удобства и выгоды определённых сил, и даже на Западе науку развивали в строго атеистическом направлении, там только не было гонений за религиозные взгляды, как в СССР. Реально вопросы науки не служили делу атеизма, со времени открытия моле-

20 Все указывают на фигуру Моисея Губельмана, известного также как Еремей Ярославский, посвятившего себя уничтожению религии. Хотя понимаю, что мне многое неизвестно.

кул наследственности²¹ атеизм, можно сказать, полностью потерял господствующие позиции, наука перевернула положение вещей, но при этом силы атеизма не обращали на это внимания, занимаясь уже не пропагандой "науки против религии", а внушением и гипнозом, иначе это не назвать. Постмодернизм и постправда, трудно отделяться от впечатления, выработались именно как реакция на переход науки (самой по себе, как совокупность знаний) на сторону Бога...

Кто-то другой продвигает "русский – значит православный", хотя рядом звучит тот же лозунг, только о ведическом язычестве или чём-то подобном. И всё это некая обязанность продолжать традиции отцов. Если не держишься традиции, то ты отступник, предатель. Однако же тогда выбор моего предка становится выбором для меня? Он, выбирая то, что выбрал, отказался от предыдущей веры и религии... Почему он не следовал традиции отцов, а сменил её на другое? Язычники тут может быть аплодировали бы, но ведь и язычество не изначально, оно тоже было отступлением от Сущего, от Единого. Я лично выбираю изначальное, разве я не больший патриот, чем все язычники и православные вместе взятые?

Руфь заявила, что с ней она готова куда угодно, с таким человеком, как её свекровь, у неё везде родной дом. И Бог Ноемини является и её Богом, её родня её родней. Да и совсем ведь недалеко она уходила, вряд ли больше сотни километров западнее, это и не чужбина получается. Больше Ноеминь не уговаривала остаться и, наверное, была рада, что не одна.

Когда они достигли Вифлеема, всё селение пришло в движение, люди выходили посмотреть и передавали друг другу весть о возвращении Ноемини. Не думаю, что она сильно изменилась, хотя и это было тоже, но прошло всего лишь лет десять, хотя на рубеже от тридцати пяти до сорока пяти многие люди меняются значительно при тех жизненных сроках, что имеют место у нас сегодня (думаю, что во многом тогдашние и сегодняшние обстоятельства сходны). Потеря мужа и сыновьей подкосила её, поэтому люди не могли сдержать удивления и сочувствия, глядя на возвращающуюся к родному очагу женщину. Всем бросалось в глаза, что при уходе она была в окружении мужа и сыновей, а теперь она одна, хотя её сопровождает незнакомая им молодая женщина. То, что её знакомые и родные глядят на неё с таким удивлением и состраданием, не настраивало на весёлый лад, и она обратила к ним горькие слова – "не называйте меня Ноеминью", то "я больше не "приятная", зовите меня Марой", что означало "горькая". "Вседержитель послал мне горе, я выходила отсюда, имея достаток, а возвращаюсь с пустыми руками". Так они пришли в её дом и стали обустриваться.

После пары дней на новом для себя месте, освоившись немного, Руфь стала искать занятие, она не могла сидеть без дела. Собственно, жизнь на земле сама настраивает на нужный лад, делать всё нужное для обеспечения себя пропитанием и прочим необходимым. Начиналось лето, и уже начали собирать ячмень. Было самое время, когда день кормит пусть не год, но на месяц-два можно сделать запасов. В Израиле и, наверное, не только, существовал закон о бедных, которые могли собирать упавшие или оставшиеся колосья на чужих полях. Также по закону Моисея жатву не полагалось делать до края поля, нужно было оставлять часть урожая опять же для тех, кому по каким-то причинам не повезло. Это помогало выравнивать удачу, распределять её более равномерно, давало шанс на выживание самым бедным, в какой-то мере будучи подобием социалистической уравниловки. Человек не должен был считать произведённое его руками или выросшим на его земле полностью своим, потому что человек своё существование и даже своё тело получает от других, не сам себя делает. Огромной цены достояние мы получаем всегда со стороны – и тело, и разум и все способности (и многие, имея в своём распоряжении всё это, ничего не делают, чтобы приумножить эти дары, а скорее теряют и транжирят). В силу этого мы являемся

21 Статья о Боге Науки – cont.ws/@feannir/1926907

арендаторами или распорядителями, но не собственниками. Когда же кто-то считает попавшее ему в руки абсолютно только его собственным, это большая забывчивость и неблагодарность по отношению к тому, Кто сделал нас, да и к тем, с чьей помощью мы достигли зрелости и возможности управлять всем, что нам досталось.

Вокруг все занимались собиранием уродившегося зерна, и ей надо было поспешить, пока жатва не закончилась. Почти никого не зная, а если и зная, то не в лицо, она решила идти собирать упавшие колосья на первом попавшемся поле. Был некоторый риск, что владельцы поля не соблюдают законы о бедных, но если прогонят с одного поля, она пойдёт на другое, свет не без добрых людей. Но в первый же день ей повезло, она попала на поля Вооза, родственника её семьи. Его работники, как и сам хозяин, были вежливыми и добрыми людьми, её не прогоняли, и Руфи удалось набрать немало колосьев, упавших у жнецов. Ко времени обеда на поле пришёл хозяин и, увидев здесь новую фигуру, спросил работников, кто это. Главный из слуг рассказал ему, что это та самая моавитянка, что пришла с Ноеминью, как она попросилась подбирать остатки колосьев, как она почти не отлучалась никуда и как прилежно работала. Все отмечали её трудолюбие и умелые действия, что располагало к ней многих. Вооз, получив такую на неё характеристику, также расположился к ней, он и до этого слышал о ней только хорошее, а теперь всё подтвердилось. Он подошёл к ней и взял под своё покровительство, сказав, чтобы она приходила на его поля и была с его людьми, которые будут защищать её (судя по его словам, не все в Вифлееме были такими здоровыми и хорошими людьми, как он, где-то ей могло действительно не повезти).

Я иногда говорю о "везении" и вряд ли у тех, кому я адресую "Прочтение Библии", возникают малейшие вопросы об этом, но среди тех, кто уже давно в теме, почти неизбежны возражения. Многие верующие считают, что "везение" слишком неверное слово, что всё в жизни есть божественный промысел, и это слово как бы не отражает участия Бога в нашей жизни. В принципе, я тоже думаю так, однако в "везении" не вижу никакого противоречия с действительностью – мы же не знаем (не всякий даже величайший пророк может видеть, что будет в следующий момент или через тот или иной промежуток времени) будущего, поэтому это слово хорошо описывает реальность человека, неожиданность перемен и многих событий, которые вне нашего контроля и знания. То, что Бог все эти линии событий видит и просчитывает, нам мало что прибавляет. У Него нет случайностей и неожиданностей, но это для Него, зато у нас-то много такого бывает. Даже наши расчёты, где мы ожидаем обещанного или намеченного, могут нарушиться из-за вмешательства неучтённых факторов или форс-мажора. Поэтому не вижу противоречия между всезнанием Бога и нашим незнанием будущего (а сколько упускается из виду даже в настоящем, в том, что происходит у нас прямо перед глазами). В удачном стечении обстоятельств можно видеть разумное и целенаправленное вмешательство, а можно и сочетание бессчётных факторов. Под "везёт" не стоит подразумевать игру случайностей – если мы не можем просчитать все слагаемые событий, это ещё не значит, что для них неподъёмны и для Бога. Это вопрос даже не веры, сколько широты взгляда на вещи. В этом конкретном случае с Руфью лучше видеть направляющее влияние покровительствующих невидимых слугителей, ангелов-хранителей.

Для научного изыскания используется принцип Оккама, который всё же не стоит воспринимать как непогрешимый, гласящий, что там, где можно объяснить вещи простым способом, не нужно применять сложный. Для анализа явлений в науке и в рамках науки это бесспорно, но вот в жизни с её сложностями, для анализа происходящего вряд ли этот путь будет верным. Взаимодействия людей идут далеко не всегда по

простому сценарию, к тому же самому (или схожему) результату могут привести самые разные пути... Реальность Бога и невидимых нашему глазу существ бесспорна, хотя это отдельный разговор, но для меня сегодня это бытие Бога есть факт просто-таки научный. коротко – наличие ДНК и РНК в живом явно указывает на то, что этим кто-то целенаправленно занимался²², и что такое возникнуть самопроизвольно не могло в принципе. В прежние века, когда философы и богословы обосновывали бытие Бога, этого аргумента не существовало, наука ещё не дошла до понимания этих вопросов, но зато сама религия была господствующей, так что все могли как-то взаимодействовать с Богом, и идеологических помех этому не существовало. Позже, когда атеизм взял науку в свои руки и развивал в выгодном для него направлении, как раз и открыли вещество наследственности, в корне подрывающее атеистический подход. Только осмыслили это не сразу, но когда кому-то стали ясны последствия из учения о коде на нуклеиновых кислотах, то придумали постмодернизм, это когда если не хочется чего-то признавать, то можно не признавать и при этом считаться правым... Каждому "разрешили" смотреть на мир и даже на науку своим собственным взглядом, всё стало правильным, кроме тех взглядов, которые не имеют много сторонников. Поэтому, когда сама наука вдруг осознала Бога, стоящего за разработкой и кода, воплощённого в молекулах наследственности, и само его конкретное биологическое воплощение, чтобы это всё это работало, то на всякий случай разработали "несерьёзное" оружие против этого – кто не хочет, может не признавать и не думать об этом, несмотря на факты (но насколько действенное!). В общем, в свете этих фактов существование Бога даже для образованных и учёных людей перестаёт быть сомнительным делом, теперь это просто факт. Я открыт для рассмотрения иных подходов на происхождение молекул наследственности и кода, задействованного там, но сомневаюсь, что будут какие-либо серьёзные возражения.

Вооз выразил свой восторг, что она пришла не просто ведомая привязанностью к свекрови, но что она шла именно к живому Богу Израиля, которого и в Израиле далеко не все ценили и понимали. Такой подвиг должен быть оценён, и Вооз высказывает благословения на неё, желая ей всяческих благ, которые Бог окажет ей. Всё это и сбылось, хотя Вооз не был ни служителем, ни пророком. Однако он был из тех немногих, кто хорошо понимал реальность мира и Кто стоит в тени вещей и событий. Его матерью была та самая Раав, жительница Иерихона, принявшая настоящего Бога в свою жизнь. Она передала свою веру и восприятие Бога сыну, и за долгие годы своей жизни Вооз лишь укрепился в них, и теперь он видел женщину не еврейку, также воспринявшую Бога и желавшую большего с Ним соприкосновения.

Он также пригласил её на обед вместе со всеми, уже этим приняв её в круг как минимум своих работников. Ей он дал столько хлеба, что она не смогла съесть, так что принесла оставшееся и Ноемини. Своим людям он дал распоряжение ронять побольше колосьев, чтобы она могла собрать больше. В результате за один этот день она собрала два ведра²³ зерна. Придя домой, она поделилась с Ноеминью всеми успехами и радостями, и та была благодарна Воозу, который в очередной раз проявил доброе отношение к ней и её семье. За дни жатвы ячменя, можно думать, в их доме собралось достаточно зерна, чтобы этого хватило надолго, также его излишки можно было обменять теперь на другие необходимые вещи. Жизнь налаживалась.

Однако Ноемини было недостаточно просто быть обеспеченной. Она видела, что Руфь молодая и здорова, ей хотелось как минимум устроить её судьбу. К тому же по законам и обычаям кто-то из ближних родственников должен бы был позаботиться, чтобы имя её мужа и сыновей не

22 Более подробно об этом в статье на Конте – <https://cont.ws/@feannir/1926907>

23 В переводе на привычные нам меры

исчезло в племени и стране, то есть жениться на вдове и первый сын будет наследником умершего, считаясь его сыном. Эти законы люди не всегда соблюдали, не автоматически, так что, чтобы добиться законного права, нужно было постараться. Ноеминь всё это имела ввиду, когда завела с Руфью разговор о новом для неё доме. Родственников по линии мужа было как минимум двое, и один из них Вооз. Сам он был уже стар, скорее всего очень стар, правда, здоров и крепок. По характеру это был лучший из всех других кандидатов, но он не был первый в очереди, и сам по причине возраста и уже состоявшейся семье мог не помышлять о том, чтобы стать "искупителем", как называли это по обычаю в народе. Ноеминь решила подтолкнуть события, поэтому она рекомендовала Руфи действовать. В день праздника окончания сезона ячменя она сказала ей одеться по красивее и привести себя в хорошую форму, но не показываться Воозу на глаза, пока он не ляжет после пира спать там же на гумне. Ей же ночью надо было лечь у его ног, забравшись под одежду, которой он укрывается.

Многие, читая эту историю в этом месте могут подумать, что раз Руфь делит с Воозом его ложе, то непременно должна происходить близость. Для подавляющего большинства людей иначе не может и быть, раз люди оказываются столь близко в ночное время. Мнение большинства столь однозначно, что трудно возражать, однако же возразить стоит. Речь идёт о тех людях, кто о Боге знает больше остальных, в том числе и Руфь достаточно грамотна в основах порядков Суцего. Сам Вооз человек праведный, и его праведность не столько в том, что он держится от женщин как можно дальше, а в том, что он не касается того, что ему не принадлежит. Пока судьба Руфи не определена, он не может коснуться её, иначе тогда он бы не мог делать того, что стал делать дальше, а именно предлагать взять её замуж более близкому кандидату на роль "искупителя", восстанавливающего имя умершего сына Елимелеха и Ноемини. Другие люди на месте Вооза может быть и поступали бы иначе, но тогда и история была очень и очень иной. Если бы Вооз взял её в тот момент, то она уже принадлежала бы ему и, если бы он считал себя праведным, то должен был брать её себе без всяких остальных формальностей с предложениями более близкому родственнику Елимелеха. И Бог со своей стороны не обращался бы с Воозом и его родом так, как это описано в Библии. Когда другие нарушали условия Бога, то всегда бывали соответствующие результаты и воздаяния.

Она выполнила всё это, и ночью Вооз вдруг вздрогнул и проснулся, ощущая присутствие кого-то рядом. Приподнявшись, он разобрал, что рядом с ним, точнее у его ног пристроилась женщина, свет луны позволял разобрать очертания. В его доме такими вещами никто не баловался, по крайней мере с ним, поэтому он спрашивает кто это. Руфь назвала себя его служанкой и обратилась с просьбой накрыть её своей одеждой, добавив, что "ты родственник", что означало, чтобы он взял её замуж как вдову умершего родственника. Вооз понимал, что он стар, и восхищается, что эта женщина не только разумна и умеет делать дела, но и следует правилам. Другая на её месте могла бы просто искать себе мужа, более молодого и, по возможности, побогаче, и вряд ли бы кто-то корил её за то, что она не заботится о сохранении имени своего мужа и его надела. Он снова хвалит её за правильный выбор, благословляет, она ему ещё и нравится кроме всего прочего. Он обещает ей позаботиться обо всём и сделать как она просит, однако была проблема, что был более близкий родственник. Он сказал ей оставаться до утра, не ходить ночью, не дотрагиваясь до неё, отмечено, что она так и спала в ногах... Утром он насыпал ей в одежду зерна сколько она могла нести, одаряя их с Ноеминью, говоря, чтобы не шла к свекрови с пустыми руками. Он отпустил её очень рано, едва светало, не желая, чтобы её видели люди, чтобы не давать им повода говорить лишнее. Придя домой, она рассказала обо всём, что он обещал сделать. Ноеминь, зная Вооза, сказала, что он не успокоится, пока не сделает всё, за что взялся.

С утра Вооз вышел к воротам селения, где происходили большинство событий и встреч, где обсуждались новости и совершались сделки. Там проходил тот родственник, о котором говорил Вооз, и он остановил его и пригласил подождать, так как у него есть к нему дело. Тут же Вооз собрал десять человек из старейшин селения, нужных как свидетели, и приступил к описанию своего дела. "Ноеминь", сказал он, "вернувшаяся из Моава, продаёт часть полей Елимелеха. Если не купишь ты, то это сделаю я". По идее такая покупка должна производиться по правилам юбилейного закона, то есть не более, чем на пятьдесят лет, после чего земля вернётся прежнему хозяину. При этом, поскольку Елимелеха умер, а Ноеминь также могла умереть к тому времени, поле осталось бы у купившего, тем более это был близкий родственник. Такие возможности открывались не часто, обычно были наследники и поле со временем уходило к прежней семье. Так что тот, кому Вооз предложил купить поле, сказал, что берёт его. Тогда Вооз сделал свой ход, объявил, что по правилам нужна помощь не только вдове Елимелеха, но и вдове его сына – купить поле её мужа и также взять её в жёны. Этот человек сразу же отказался от предложенного ему, поскольку купленное у Руфи скоро отойдёт её сыну, поскольку его сын будет считаться сыном Махлона и его наследником. Он заплатит Руфи деньги за поле, и оно вскоре уйдёт от него к её сыну... Он отказался, сказав, что это ему очень невыгодно и расстроит его дела, и предложил, чтобы Вооз сам занялся всем этим. Это было то, что нужно Воозу, а также Руфи и Ноемини, та очень хотела, чтобы Руфь была в хороших и надёжных руках.

Это была просто идиллия, когда Руфь вышла за Вооза, потом у неё родился сын, за которым взялась ухаживать Ноеминь, постоянно нося его на руках. Соседи даже шутили, что это у Ноемини родился сын, а не у Руфи. Женщины в разговорах говорили ей, что это Суций дал ей наследника, который обеспечит её в старости. Они отмечали, что Руфь для неё лучше семи сыновей, что она по прежнему любит Ноеминь, и всё было вообще настолько хорошо, как только может быть. Это история предков Давида.

Иов

Интрига при дворе

В Библии есть одна книга, которая стоит как бы вне истории Израиля, в ней повествуется о человеке другого народа и племени. Судя по тому, что в ней нет ничего о Израиле, то логично думать, что эти события происходили до возникновения этого народа или до того, как Бог вывел его на арену. Судя по некоторым соображениям, а также упоминаниям в Коране, герой этой книги происходит из потомков Исава и по времени события книги происходят в то время, когда евреи жили в Египте. Эту историю Моисей записал со слов, скорее всего, своего тестя Иофора мадианитянина, во время жизни в изгнании в Аравии. История удивительная, в ней оказалось приоткрыто закулисы нашей действительности, которое обычно скрыто от глаз человека, причём не в символах, как в Откровении или других пророческих книгах, а самым простым обыденным языком показаны схватки противоположных сил за умы и сердца людей, а также за то, как пойдут дела на планете.

Итак, жил Иов, очень сильный и влиятельный человек, явно из княжеского рода, то есть из первородных потомков Исава, который при этом очень крепко держится Пути и помнит все определения и уставы Бога. Он не только помогает тем, кому не повезло, но и защищает их от произвола более сильных. Он обладает правом суда и умеет обращаться с оружием, наводя страх на всех недобрых людей. В собраниях и советах в народе или среди князей он настолько авторитетен, что после его слов больше не спорят. Его улыбке иной раз даже не верят, что такой грозный и авторитетный человек вдруг снисходит к кому-то, обращает внимание и понимает простые нужды простого человека. И весь этот успех и всё влияние, которое он имеет, не приво-

дят его даже к малейшему отклонению от праведности, он прост и прям, и в то же время очень чувствителен ко всему, обладая острейшим умом, не чуждый и склонности к философствованиям, модным в его времена. Он без затруднений участвует в диспутах мудрецов-поэтов, выигрывая поединки.

Трудно кого-либо поставить в один с ним ряд по всем его качествам. Такого рода людей Богу хотелось бы иметь в рядах Его представителей. Впрочем для того и рассказана его история и сильная интрига вокруг него, которую ему устроил лично дьявол. История начинается с повествования о том, как на одной из встреч, по всей вероятности отчётных о управлении и состоянии разных миров, появился Люцифер.

Среди христиан встречаются такие, кто не верит в существование дьявола, считая зло просто некоей функцией испорченности в творении, персонификацией всего плохого. Разумеется, дьявол не является средоточием зла (но всё же возглавляет партию тех, кто предпочитает кривые пути), однако он его привёл в мир, развивая свои желания добиться чего-то в обход установленного свыше порядка вещей. Зло не является материей или веществом, а лишь извращением вещей, направлением воли и действия, ведущим к разрушению или осквернению. Вряд ли Люцифер, начиная свой особый путь, собирался когда-либо доводить дело до тяжёлых последствий, и сам, наверное, удивлялся, куда его заводит выбранная им кривая тропа искажений и лжи. Однако не пожелал вернуться на Путь, поэтому занимается тем, чем занимается, вместе с огромной армией добровольных и вынужденных помощников.

Его реальность легко заметить из случаев, подобных описанному в книге Иова или когда он лично пытался искусить Христа в пустыне. Если сатана из книги Иова не дьявол, то кто тогда?

Каким образом он оказался в собрании непавающих существ? Но как раз из этого факта видно, что он не сразу потерял доверие в империи вселенной, а также доступ туда. Он был изгнан, но мог появляться в каких-то местах, продолжая агитацию о более привлекательном образе жизни, более полной свободе, агитируя, споря и рисуя заманчивые картины. Все, кто действительно поверили ему, уже были с ним, а если кто и сомневался, не до конца разобравшись в том, кто есть кто в этом споре, всё же выбрали сторону Бога, поддерживая порядок в обществе. Если когда-то выяснится, что Бог неправ, то лишь тогда они будут что-то решать, но Люцифер мог всё ещё надеяться на свою пропаганду. Встречи с ним означали споры, насмешки, а также какие-то провокации, как сейчас. Полное неприятие его и отвержение произойдёт гораздо позже. В Откровении отмечается, что изгнание Люцифера с небес произошло после того, когда он попытался уничтожить Сына Бога, до того времени было ещё около двух тысяч лет. Резиденцией его со времени падения Адама стала Земля, однако он не оставлял надежд привлечь сторонников кроме уже доверившихся ему ещё долго. Вряд ли это ему удавалось, у тех, кто не поверил ему сразу уже не было сипамтии к обманувшему Еву, однако он отводил душу в насмешках над теми, кто доверился Богу в не совсем ещё ясных вопросах. Троллил небесных "ватников" со всей изобретательностью, однако после жестокости по отношению ко Христу он больше не имеет туда доступа – "свержен клеветник братьев наших, клеветавший на них перед Богом день и ночь²⁴". Теперь вся его деятельность ограничена людьми, но в те далёкие уже времена он мог приходить куда угодно, как было и в этом случае с Иовом.

Сделал он это совсем не случайно, жители нашей планеты в это время оказались в довольно неприглядном состоянии – практически все были так или иначе подвластны ему, и Люцифер пришёл заявить об этом во всеуслышание. Даже до Потопа среди гораздо большего разврата и

извращений находились люди, верные Богу и не поддававшиеся общей тенденции, однако сейчас у Люцифера получилось без особых изысков и явных грехов склонить на те или иные нарушения практически все племена и сообщества. У всех были те или иные отступления от божественных уставов и порядков, сложился образ жизни с рабством, многожёнством, разводами, войнами и прочими негативными чертами нашей цивилизации. Материальные ценности захватили большинство людей, культура племён склонилась к разным формам язычества, так что Люцифер легко мог подтвердить свои претензии на наш мир. Он пришёл сказать, что на этой планете не осталось сторонников Бога, полностью верных Ему, все так или иначе находятся в его, дьявола, юрисдикции. На этом основании, возможно, он мог потребовать от Бога оставить планету в его руки полностью, мог потребовать признать себя официальным правителем и чтобы Бог перестал вмешиваться в его владения, вести "гибридную" войну... Возможно, он не рассчитывал на реальные достижения, что Бог сделает по его словам и передаст ему всё и откажется от помощи людям. Ему был важен больше пропагандистский эффект, красивый жест, чтобы потом кричать о произволе и нечестном ведении дел тираном Суцим.

Однако же задумка провалилась. Он знал о слабом месте в своей провокации, но отказаться не мог, даже если не выйдет по его плану, у него был огромный шанс на то, чтобы с помощью самого же Бога её и устранить. Итак, Бог, видя стоящего Люцифера среди представителей разных миров и планет, спрашивает его, что он здесь делает. Задан был формальный вопрос, задаваемый каждому делегату на этой конференции или съезде – откуда он пришёл, какой мир он представляет. Люцифер ответил по всем правилам – "Я обошёл Землю", указывая, что он пришёл с захваченной им планеты, и что она полностью в его руках. Многие не оценивают значения сказанного им, люди думают, что Бог первый ввёл Иова в игру и подставил его под происки Люцифера, однако же это совсем не так – Люцифер первый спровоцировал Бога, заявив, что он держит в своих руках всё и всех на Земле. Это была ложь, и если бы Бог промолчал и принял сказанное им без возражений, то с этого момента Люцифер бы праздновал победу, это бы означало признание его владений и само по себе повысило бы его статус.

Но Бог деликатно спрашивает – а как насчёт Иова? Это же праведник, ни одним пунктом не принадлежащий дьяволу... Почему Люцифер игнорирует его? Люцифер был готов к этому повороту, это было уже продумано им, и он отвечает небрежным тоном, что вопрос с Иовом совсем несложен (хотя именно это ставило все его претензии под сомнение, а фактически отменяло – мир ему всё ещё не принадлежал). Ведь, по его словам, Иову выгодно покровительство Бога. Странно, почему-то всем остальным людям то же самое не было выгодно? Неужели всем остальным было выгодно правление тёмных начал, когда защиты не было никакой, кроме собственных усилий? Люцифер же никому особо не предлагает защиты, кроме совсем уж особых случаев. И значит, всего лишь возможность жить в смешанном режиме, где выгодно, там используя прямой путь, а где выгодно кривой, в добре и зле по собственному усмотрению – это привлекло к Люциферу всех, кроме Иова? Нечисто здесь в аргументах Люцифера, но лучшего не имелось. Всё же то, что большинство выбрало тьму, выглядело веским аргументом, а уж сознательно или нет, спорить с дьяволом было бесполезно. В большинстве случаев спор важен именно согласием в результате сравнения аргументов, а если кто-то не хочет соглашаться, а лишь продлить спор, то спор теряет смысл. Бог мог бы сказать дьяволу, чтобы приходил когда действительно все перейдут на его сторону, но не сделал этого. Он как бы принял игру лукавого, чтобы развенчать его главные претензии, что путь Бога кто-то предпочитает лишь из-за выгоды, и позволил дьяволу коснуться Иова, передвинув границу защиты к самому Иову, запретив касаться его самого, отдав этим имущество и его семью в руки врага. Бог как бы даже верит дьяволу и открывает подопечного дьявольским проискам, чтобы удостовериться, что Иов более принципиален, чем о нём говорит Обманщик. Иова как будто подставляют по крупному, однако если он пройдёт этот тест вслепую, то не только Бог будет оправдан, но и человек окажется не таким

примитивным и низким существом, каким его нарисовал Люцифер. Испытания были неизбежны, Бог не мог игнорировать претензии тьмы, Люцифер бы использовал уклонение Бога от спора против Него и это дало бы ему намного большие шансы на победу в давнем споре чей путь лучше.

Планы у Люцифера были давно заготовлены, и первый натиск был молниеносным. Расчёт был на шок, который не может не возникнуть от мгновенной потери имущества и детей, что Иов скажет в этот момент что-нибудь такое, что можно использовать против Бога. Переживания были очень горькие, один за другим приходили вестники больших потерь, разрыв между новостями о том, что у него теперь нет стад, а потом и детей, не превышал пяти минут. Но натиск этой бури Иов выдержал выше всяких похвал, он не был безчувственным, но в своём сильном потрясении и горе не потерял самообладания, и хотя не понимал причин произошедшего, посчитал, что раз Бог допустил это, то что-то за этим стоит. И был прав в своём доверии.

Спустя время, которое Иов приходил в себя, во вселенском центре состоялась ещё одна встреча, и Люцифер не мог пропустить её. Его первый план потерпел неудачу, и нужно было как-то оправдать себя, да и дело, где он едва ли не впервые публично и явно потерпел неудачу, требовало продолжения, чтобы сохранить лицо. Снова он подал себя как законного представителя Земли, снова Бог парировал его претензию на господство тем, что Иов всё так же не на его стороне, и упрекнул Люцифера, что тот пытался настроить Его против Иова. И Люцифер выдвинул новое обвинение, смысл которого был в том, что если задеть то, чем держится человек, его тело и душу, то никто не удержится на Пути Бога.

Здесь было какое-то нечестное передёргивание, чем и славен этот падший ангел, и я бы не хотел упустить проанализировать эти моменты. Вообще обвинения Люцифера против последователей Бога сначала указывали на заинтересованность в защите со стороны Бога. По его словам, Иов был верен Богу из-за преимуществ, которыми Бог награждал верных Ему людей. Как будто к Люциферу идут за бедами... Большой частью к нему идут за безнаказанностью за сделанное. Те, кто продают душу дьяволу, как раз и требуют удачи, успеха и ещё раз всё то же самое, да ещё стараются неуязвимость вытребовать, а иначе никак, продешевить обычно никто не хочет. Тогда за что обвинял Люцифер Иова и Бога в первый раз? Он явно проецировал на Бога с Иовом как раз свои и своих последователей комплексы. Тем более большинство считает, что у дьявола как-то веселее, и быть на стороне Бога полностью не хотят, представляя праведную жизнь как весьма скучную, и праведников как в чём-то сильно проигравших и уныло терпящих всякое воздержание. На такое можно пойти только добровольно, из-под палки и из-за интереса выгоды праведником быть никак не возможно – сам интерес к выгоде уничтожает на корню саму возможность праведности, такие люди фальшивы и Бог не может принять таких и не принимает, видя всех насквозь. Так что верность Иова Богу не выглядела фальшивой, однако Бог не вступал в спор с Шулером об этом, потому что он перед своими сторонниками всё равно бы представил дело с нужной ему стороны, так что Бог принял навязываемые аргументы сразу, чтобы показать их никчемность и пустоту. То же самое сделал Бог и во второй раз, когда дьявол не стал оправдываться за первое провалившееся обвинение, а продолжил нападки на Иова.

В этом обвинении дьявол выглядит уже садистом и палачом... Перед этим он обвинил Бога в "подкупе избирателя", однако сейчас перепрыгивает на совершенно другие рельсы. Он уже фактически требует пытать Иова – но за что? Он выглядит сейчас бандитом и рэкетиrom, который приходит с утюгом к жертве, будучи уверен, что человек сломается и выдаст ему свои секреты. Каково юридическое основание для этих пыток? – что Иов верен Богу и что именно это ненормально? Что все нормальные люди и существа других миров в нормальном состоянии должны предпочесть его, и кто этого не сделал, ещё просто не осознали своего интереса? Он что, готов всем, не признавшим его вождём, устроить те же пытки и силой заставить их сми-

риться перед ним? Когда зло развивается до высшей точки, как перед потопом или сегодня, оно начинает обвинять правду, что она колется...

Бог не зря позволил этому слишком возмнившему о себе архангелу высказать свои недальновидные претензии (хотя тот мог считать себя хитрее всех и видящим далеко вперёд, и понимать и слабые свои места, почему и старался маскировать всё тщательно), все свидетели этого разговора, а через них и вообще все жители Вселенной сейчас начали гораздо глубже понимать характер того, кто некогда пытался и их привлечь к себе, говоря о Боге трудные и тёмные вещи, навевая всякие нехорошие подозрения. Но сейчас недобрые подозрения пробуждал он сам, к себе самому. В лице Иова он замахивался и на их благополучие, они поняли, что и их также точно Люцифер бы пытал и пытался бы заставить согласиться с ним. В этом секрет тяжких бед Иова, он сейчас стал фигурой, защищавшей все небеса своими страданиями, которых ни по каким законам не должно было ему приключаться. В нём все видели свою участь, если Люцифера не остановить, в том числе и развитие дел к концу времён, когда правда будет виновна именно своей праведностью, нормальное своей нормальностью. А чтобы его остановить, нужно его разоблачить, иначе, пока его обманывают хоть кто-то принимает, зло не может быть уничтожено. Поэтому Иов удостоился чести стать представителем всех тех, кто верен правде и истине, кто был целью Люцифера вместе с ним.

Следующая атака на Иова была болезнью. Это названо проказой, возможно, хотя как будто проказа в давние времена и сегодня не одна и та же болезнь. У Иова тело покрылось болячками, из которых тёк гной. Масштабы поражения были велики, постоянный зуд и боль не давали никакого покоя, также гной издавал свой запах, так что даже слуги показывали ему своё недовольство, помогая ему. Наконец он решил, что ему лучше быть на свежем воздухе, и в куче пепла, который, похоже, подсушивал гной и облегал зуд, он нашёл самое лучшее место для себя. Со стороны это выглядело, конечно, очень неприглядно, и многие смотрели осуждающе на страдающего человека, скребущего свою кожу глиняным черепком, ещё недавно весьма уважаемого. Но здесь он находил хоть какое-то облегчение, и не собирался менять его, он всё также не зависел от чужих мнений, как и до этого. Бог, разрешая дьяволу наводить на Иова болезни и страдания, запретил трогать его жизнь и психику, так что угрозы для жизни не было, и ясность мысли не покинула Иова. Зато неизвестность причин происходящего с ним мучила его не меньше, чем физический дискомфорт и боли. Он пытался найти ответ, пересматривал свою жизнь, все свои дела, но нигде не видел ни единой зацепки, указывающей, где он мог быть неправ и чем навлек на себя такие проблемы. Обычно люди, особенно в те времена, особенно религиозные, в бедах видят наказание свыше за нарушения законов, и в принципе часто правы, хотя эта идея не совсем верна. Беды людям приходят не всегда от Бога и далеко не всегда это наказания от Него, хотя наказывать Бог может и имеет право. У Иова действительно не было причин, за что бы наказывать его, и хотя он понимал, что это не избавляет его от недовольства людей, но люди не могли причинить ему той проблемы, что была у него сейчас. Такое воздействие доступно только сверхсиле, и здесь он терялся в догадках. Он ощущал, что за его проблемами стоит Бог, но какова же причина?

Люди делают правильно, когда проверяют свою жизнь, могли ли они чем-то провиниться перед Богом – если человек находится в завете с Богом, то есть сознательно вступил в союз с Ним, то тогда Бог его ведёт по жизни и подготавливает к тому, чтобы он мог вынести вечность, был пригоден по всем статьям к жизни среди непорочных существ. Это работа воспитания, и человек подвергается коррекции и наказаниям за нарушения, пока у Бога есть надежда что-то изменить. Человек тоже обязан сотрудничать с Богом, делая выводы и изменяя своё поведение и принципы, которые находятся в конфликте с принципами жизни, с законами Всевышнего. В жизни таких

людей всё, буквально все происшествия и случаи направлены к определённой цели и неслучайны, все проблемы допущены с целью открыть какой-то негатив и непродуктивные черты в их природе. При этом можно, пожалуй, утверждать, что ничто, что не является необходимым для их совершенствования и очищения, не будет допущено в их жизнь. Замыслы врагов против них могут осуществиться лишь в пределах необходимых Богу воспитательных моментов. Они могут погибнуть в результате каких-то действий против них, но это означает, что они уже достигли намеченных рубежей.

Но люди, не решившиеся на союз с Богом (подавляющее большинство обычных "добрых людей"), не вставшие на путь жизни, кто оставил себе неопределённость собственной воли со случайным выбором между добром и злом (мы же не хотим ничего особо плохого, так, небольшие отступления для ярких или острых ощущений, как же без них? – так мыслим мы почти все), их беды трудно назвать происходящими от Бога, это не наказание от Него, обычно это последствия их собственных (но и чужие тоже бывают) несовершенных дел, последствия зла, которое они сами проявляют. Обычно это всё причиняет много неприязни между людьми и даже народами. Волны этих стихийных последствий причиняют беды и сынам Бога, но там они носят воспитательное действие, если, конечно, Бог позволяет им докатываться до Своих людей. Кто не с Богом, не защищены от них, хотя и они могут делать те же самые выводы о нежелательности нарушения законов и правил. Осознание зла как правило служит исправлению зла и уменьшению его (но есть многие, кто ожесточается и начинает умножать зло) – это общее для всех правило. Хотя не всех это приводит ближе к Богу, к осознанию необходимости возвращения к Нему – жизнь в отдалении от Него многим кажется всё же преимуществом.

Что удивительно, он ни на миг не подумал даже, и мысли не то, что не допускал, а вообще ни он, ни его противники не могли даже подумать на того, на кого сегодня валят вину за многое на свете – о дьяволе. О противнике Бога люди знали, даже в самой этой книге повествование начинается именно с него, однако же в круге Иова все имели дело лишь с Богом, поэтому, уверенные в том, что их союз с Богом не был ими нарушен, о сатане не думали, что он может влиять и вмешиваться в их жизнь. Да и в те времена, он, готовясь к официальному вступлению в должность наместника Земли, не строил козней людям напрямую, пытаясь максимально смягчить действие зла на человека, оставляя лишь самое привлекательное из зла (именно те времена у некоторых народов остались в памяти как "золотой век"). Мысля рационально, они видели взаимосвязь вещей и последствий поступков людей, и этого было обычно достаточно для понимания обыденности. Может быть проблема осознания происходящего как раз и была в том, что за рамки привычного они не догадались выйти, обычная ловушка сознания. Бритва Оккама хороша в науке, но не в жизни... И да, для них Бог был обыденностью, их сознание включало Его и Его действия в круг повседневных вещей, что говорит в их пользу. Хотя Он редко проявляет Себя в обыденной действительности, но они отдавали отчёт, что для их моральной сферы Бог является ключевым фактором – чтобы не деградировать и оставаться людьми высокого полёта, они должны были не терять связь с Истоком.

Ад для одного

Когда Люцифер уничтожал стада Иова, а потом и его детей, он не тронул его жену. Похоже, её характер по принципиальности был не меньше, чем у её мужа. Правда, в переводах Библии это выглядит несколько иначе, но оригинал подаёт её не столь однозначно. При потере детей она держалась стойко, не виня никого в случившемся, но вот Иов перестал быть уважаемым человеком в глазах окружающих, потерял свой вид, изуродованный болячками и нарывами с гноем, и её мысли не удержались на высоте. В какую-то минуту отчаяния она не удержалась и посовето-

вала мужу умереть, но не только это, выглядят её слова то ли как совет, то ли как провокация, то ли ободрение. Можно с разными оттенками прочесть их, давайте попробуем. Отметим только, что она использует слово не "проклясть" Бога, а "благословить" Его.

"Ты всё ещё тверд в твоей непорочности?" – может означать "зачем ты держишься какой-то праведности, когда Бог к тебе несправедлив", но может означать и "ты всё ещё считаешь себя правым?", в смысле "ты считаешь, что Бог тебя наказал ни за что?"

"Благослови Бога и умри" не гармонирует с первой версией, но поддерживает вторую. Также "умри" может означать не призыв покончить с жизнью, раз она стала столь ничтожной, а просто готовиться к неизбежному концу, состояние Иова давало причины думать, что ему осталось жить недолго, и надо готовиться к смерти, исповедуя то, что до сих пор не признавал за собой...

Сложно однозначно сейчас понять, по крайней мере мне, что это было. Последнее прочтение ситуации, если бы она сказала так, было бы стойкостью не меньшей, чем проявил сам Иов, однако же в её словах был негатив, потому что Иов отвечает ей возражением, он воспринял её слова так (и ему виднее, его слова как раз позволяют восстановить расстановку смыслов), будто бы она говорит что-то против Бога. Он отвечает ей, что она говорит как одна из безумных, так в его окружении говорили о деградировавших людях, забывших честь и достоинство детей Всевышнего, в чьих жизнях проявлялись низшие инстинкты и отсутствовали высшие соображения и принципы, да и вообще какое бы то ни было управление. Значит, её слова хотя и как будто хороши по форме, но её тон был саркастичным. Как часто бывает, те же самые слова, произнесённые с другой интонацией, оборачиваются совершенно противоположным значением. Значит, стоит ещё раз прочесть сказанное ею и перевести её фразы с учётом саркастической интонации, и сарказм её не столько против мужа, сколько против Бога, поскольку Иов защищает не себя, но Его.

Итак: "Ты всё ещё твёрд в своей верности Богу? Выскажи Ему благословение, отблаговари Его как следует, от всего сердца за сделанное тебе и после этого умри (мне жалко видеть тебя столь униженным твоей болезнью)"... Примерно так звучит для меня то, что вызвало в Иове возражение.

Может быть это у неё была минутная слабость, других подобных вещей она больше не говорила, по крайней мере такого больше не отмечено, но для Иова её выброс эмоций был толчком к дополнительному отчаянию, попыткой тёмной силы ввергнуть его в мрак безнадёжности. Его состояние светлым не назовёшь, но дьявол хотел завести в куда худшее состояние, в котором давно уже пребывал сам. Как ни тяжело было у Иова на душе от всего случившегося, по сравнению с властью зла над душой это был свет. Ему было всего лишь очень плохо, но никак не безнадежно, впереди всё равно был свет, был Бог, который рано или поздно даст ему благо, с которым он рано или поздно увидится лицом к лицу и печалей уже никогда не будет. Любые беды рано или поздно исчезнут, а верный человек останется. К этому больше не понадобилось возвращаться, жена сделала выводы, вернулась к здоровым началам и не выступала больше агентом влияния дьявола.

Однако у Люцифера наготове были другие орудия, давно заготовленные для этого дела. Весть о бедах и болезни Иова дошла до его друзей, и вот, встретившись друг с другом, они направились к Иову, надеясь поддержать его. Сейчас они действовали правильно, Иову была ценна любая поддержка в это время, когда дьявол мучил его и физически, стоя за каждой болячкой и болью в теле, и душевно. Они могли помочь ему очень существенно, разговорами и советами отвлекая его от мучительных атак невидимого противника, однако оказалось, что сами они за время, прошедшее после последней встречи, в чём-то изменились и потеряли контакт с Богом. А может быть они и не были полностью на стороне правды и добра, пока это испытание не вы-

пало и на их долю и не раскрыло тайных глубин их эго, куда они, оказывается, не заглядывали, предпочитая более лёгкие темы для умственных упражнений. Люцифер очень сильно рассчитывал на них и некоторое время (со времени появления у него планов на провокацию на небе и с Иовом) готовил их для этой миссии, и ему удалось почти всё. По крайней мере с этими тремя.

Когда они пришли к месту, где он жил, точнее к тому месту, где он сейчас находился, то были поражены. Их друг сидел в куче пепла, обезображенный воспалениями и болячками, покрытый совсем не праздничными и даже не повседневными одеяниями. Они помнили его как выдающегося человека, сильного, красивого, удалого и успешного, теперь же едва могли распознать, что перед ними действительно Иов. Понимая, что дошедшие до них известия не описывали всей глубины беды их друга, они подняли плач, выражая его в крайних формах, так сильны были ощущения ужаса и горя, выпавшие на долю сего славного мужа. Целую неделю они горевали и сидели около него, не говоря ни слова, лишь своим молчанием деликатно выражая ему поддержку в его страданиях. Они, наверное, время от времени пытались что-то сказать, но едва взглянув на друга, теряли слова, видя, что они не смогут помочь и не выразят и десятой доли нужной поддержки. Хотя рано или поздно нужно было бы начать говорить, и они сделали бы это, когда они достаточно прониклись бы ситуацией и обрели бы нужные слова и тон, но Иов первым нарушил молчание.

Обычно о Иове говорится, что он был непогрешим, но это если говорить издалека, в общем и целом. В первом испытании он действительно не сказал ничего предосудительного, но теперь, после долгих часов и дней болей, страданий и унижения, его эмоции в отсутствии понимания причин так или иначе должны были придти в подобную стадию развития. Накопилось. Его вели определённые силы, умеющие подводить к нужному состоянию, неплохо изучившие человеческую природу, знавшие, на какую кнопку нажать и в какой последовательности. Так что буря в душе у него была закономерна, и греха в этом не было. Вопрос был в том, куда он повернёт свои эмоции, какими действиями или словами будет выражать их. И всё то, что он делал прежде, его характер и привычки, долгое время упражняемые в добре и праведности, не подвели. Он не выразил свои эмоции разрушением вещей или атаками против живого, не направил поток энергии против Бога, но обратил всё на самого себя. Но и здесь он не был груб и примитивен, его речь о своём начале, о сожалении, что появился на свет, изысканна, как и большинство речей в их диспутах.

Иов начал говорить, и проклял день свой – "Погибни день, в который я родился... День тот да будет тьмой, да не взыщет его Бог и пусть не сияет над ним свет!"

Это была страшная, но возвышенная поэзия. Он был в ударе, вдохновение лилось из него и по мере того, как продолжал говорить, из его слов исчезала тьма и чёрное отчаяние. Первый взрыв его речи наверняка мог нанести удар тем, кто был поблизости, но потом в ней зазвучала музыка мечтательности, желание покоя и мира. Правда, пока ещё это были мечты о небытии, о смерти, которой он не ощутил бы, потому что умер бы ещё не родившись, уйдя в молчание без страданий и страха, без малейшего мучения.

Теперь бы лежал я и покоился, спал бы, и мне было бы спокойно с царями и советниками, ... с князьями, у которых было золото... Там беззаконники перестают наводить страх, и там отдыхают истощённые. Там заключённые наслаждаются покоем и не слышат криков погонщика...

Его речь не была долгой, и в конце её он снова вернулся к своим страданиям –

То, чего я опасался, постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне

Пожалуй, точность удара по его самым чувствительным местам говорит о том, что Люцифер знает, куда бить, изучая свои жертвы или будучи по сравнению с человеком (но не со Всевышним) сверхсуществом, легко "читает" эмоции и состояние, однако не мысли.

Многие могут "читать" человека, это не так уж трудно. По малозаметным знакам можно видеть и ощущать эмоции и, может быть, те мысли, которые человек "проговаривает" про себя. Однако же есть и более глубокое мышление, которое уже невозможно уловить.

Друзья Иова могли теперь говорить, своей речью он открыл им дверь к этому. Знакомая с древней Индией, меня поразили там диспуты мудрецов, в древней культуре прослеживается везде склонность обмениваться мнениями и это не просто разговор, а ещё и соревнование, иногда даже с очень серьёзными ставками, почище азартных игр. То, что описывает книга Иова о происходящем дальше, мне лично воспринимается именно подобным диспутом, соревнованием, кто окажется последним, чьё слово будет наверху, после которого уже никто не сможет говорить дальше. Правда, с этим диспутом вышла одна странность – эти трое пришли проведать больного друга и подкрепить его сочувствием, и целую неделю именно этим и занимались, но стоило Иову немного выговориться, то идея подкрепления больного и страдающего человека мигом испарилась, и вместо дежурства у постели больного они начали соревнование кто из них умнее, и кто лучше обвинит Иова. Причём оказалось, что все трое объединились против одного...

Сидя в молчании, эти люди, конечно же, не могли не думать о причинах случившегося, как и сам Иов и вообще все, кто знали его, но их сомнения в это время не выражались ничем, установившееся молчание удерживало их от ненужных слов. Но теперь сочувствие уступило место азарту, словно гипноз охватил их и отключил все прежние мысли, закрутив вихрь соревнования. Люцифер, дежуривший рядом с ними, уловил момент когда активировать "спящую" программу, и атмосфера этого места резко изменилась. Подозрения о Иове резко усилились и никто не мог сдержаться от того, чтобы не выразить их, не попробовать "раскрутить" Иова на признание в тайных грехах. Мысль их шла только в этом направлении, и трудно их судить, если даже сам Иов мыслил в том же русле, разве только он, зная себя, не мог ничего такого в себе найти, но эти трое, не побывав в его шкуре, не разобравшись полностью даже в себе, судили иначе.

Речь Елифаза

Елифаз Феманитянин говорил первым. Феман – южная область Идумеи. Имя Елифаз носил и внук Исава, и скорее всего, именно он говорил сейчас, самый пожилой в этой компании, как позже он же сказал, что среди них есть тот, кто старше, чем отец Иова. Если бы возраст гарантировал мудрость, это был бы самый разумный из них, но увы, возраст более-менее гарантирует лишь опыт, но никак не мудрость. Опыт же ценен лишь тогда, когда из него делают выводы, когда ум экстрагирует из пережитого цепочки причин и следствий – только это гарантирует некоторый результат, но если кто-то ждёт преклонного возраста как возможности возвысится над младшими, то горе тем, кто попадёт под такое "воспитание".

Первое слово Елифаза вполне деликатное – "не будет ли тебе тяжело, если мы попытаемся тебе что-то сказать?" Однако же нетерпение его достигло такого накала, что на этом его деликатность и закончилась. Правда, сама его речь имела заготовки к тому, чтобы ободрить его, не всё ещё было забыто из первоначальных намерений, поэтому он ещё возвращается к дружелюбному тону, не считая пока ещё Иова совсем виноватым, то есть вина его ещё не была доказана или очевидна, хотя очень уж сильный "осадок" отягощал его душу и направлял язык в сторону допроса и обвинений. После деликатного вступления Елифаз отвечает сам себе – "впрочем, кто может запретить слово", показывая этим, что они всё равно скажут всё, что у них есть, не смотря на отношение к этому их друга.

Вот, ты наставлял многих, ты поддерживал ослабевших, но что же это – дошла твоя очередь и ты упал духом?

Это странные речи для разумного и опытного человека, каким он претендовал быть. Явно, что его самого подобное не касалось. Как бы не был силен человек, есть вещи, которые могут привести и его к упадку и изнеможению. Нельзя оставлять человека в унынии только потому, что это сильный человек, ему должен помочь тот, кто находится в покое и у кого есть возможности поделиться этим ресурсом. Если помогал Иов, то потому, что обладал тем, чем можно помочь, и спокойствие ума и души на самом деле тоже важный ресурс и фактор в жизни человека. Если бы Иова ограбили или ранили, то разве не должен тот, кто здоров и состоятелен, хоть немного поддержать его в трудную минуту? И вот, здесь и сейчас претендующий на самого опытного гордится несурзности... Они же сами как раз и пришли, чтобы поддержать его, а вместо этого обедневшему советуют вспомнить времена богатства, а раненому вспомнить, как он был здоровым. Он бы ещё посоветовал ему во вчерашний день вернуться. Одним этим он дискредитировал себя, настроив Иова на то, что судя по началу, ему не видать от друзей помощи.

Елифаз продолжает – "ты же должен был надеяться, ты же вроде праведный...", но здесь он говорит какую-то благоглупость. Разум человека в покое подобен гладкой воде озера в тихую погоду, но разум человека в стрессе – то же озеро под сильным ветром. Спокойный ум легко может видеть ситуацию и без труда анализировать её, но там, где волны эмоций, там трудно видеть ходы и выходы, волнение мешает спокойно мыслить, разбивает картину. Поэтому находящийся в покое должен помогать тому, кто смущён обстоятельствами и ситуацией. Иов получил ряд сильнейших проблем, он испытывает физические мучения, и хотя работа по успокоению ума и эмоций могла бы помочь, но всегда ли это легко сделать? Если кто-то может помочь другому успокоиться, это должно быть сделано. Если Елифаз овладел тайнами управления телом и духом, то лучше бы научил, как выздороветь, но ведь нет у него ничего такого. Дальше он говорит – "вспомни, погибал ли кто невинный". Это может быть ободрением для Иова, мол твои беды пройдут, обязательно, чуть потерпи ещё, ты же невинен перед Богом, однако у Елифаза это скорее прощупывание Иова намёком на то, что случившееся с ним чётко и однозначно указывает на его какие-то грехи... Елифаз с упоением описывает, как грешники гибнут, какие испытывают беды и лишения. Вот только непонятно, и он сам избегает этого момента – эти нечестивые, которых гибель и беды он описывает, сразу наказываются после преступления или же потом? В этом моменте, когда Иов пытается (тщётно) донести до них реальное положение вещей, они видят доказательство его виновности, обвиняют его в выгораживании нечестивых, заступничестве за них, как будто он изображает Бога терпимым к злу.

И Елифаз делает ещё одно утверждение, сообщает нечто новое, свой личный опыт и сверхъестественное откровение, на котором, собственно, он и строит своё обвинение Иова. Он рассказывает, как однажды ночью его посетил некий дух, сообщивший ему очень подозрительные вещи с точки зрения библейского Бога. Фактически, это можно было бы назвать первым известным нам спиритическим сеансом, правда, это если бы Елифаз сам вызывал его, но поскольку дух пришёл к нему сам, то вина Елифаза меньше. Но ненамного, потому что он всем сердцем принял его обман, потому что оно ему дало повод думать обо всех людях плохо. Дух этот сообщил ему, что человек не может быть праведнее Бога и чище Творца. В этих бы словах не было ничего неверного, само по себе пока всё правильно, праведность есть праведность и она или есть или нет. Человек получает её от Бога вместе с прощением, если ищет этого. Но очень нехорошо то, что этот дух почему-то сравнивает святость по количеству, и акцентирует, что человек всегда менее праведен... Он наводит тень на человека. Хотя формально и здесь вроде всё пока верно – в человеке есть склонность к нарушению правил. Но и здесь дух лукавит, поскольку человек в связке с Богом столь же чист, как и Бог, очистивший его. Если это состояние не у всех

устойчиво, это не делает праведность Бога меньшей или не столь действенной. У человека есть время на выработку навыка не терять это состояние, связь со своим Богом. Однако же дух, посетивший Елифаза, даёт таким, как Елифаз возможность всех и каждого подозревать в худшем. Уже только потому, что человек есть человек.

Даже здесь есть немало правды, но это сам человек должен бы быть подозрителен и недоверчив к себе. Если человек делает так, то у него лучшие шансы не потеряться и не уйти от Бога далеко, это повод привыкнуть к самопроверке и вообще самопознанию всего своего механизма и его слабых мест. Поняв себя и разобравшись, человек становится мудрым и способен понять едва ли не всё на свете, после соответствующих усилий, конечно, но всё же потенциал познавшего себя велик, он больше любого таланта и его состояние сопоставимо с гениальностью. Если бы на этом дух прекратил говорить, было бы трудно распознать в нём посланца тьмы, однако же он в дальнейших словах ясно показал свою природу – "Вот, Он и слугам своим не доверяет, и в ангелах видит недостатки, тем более в обитающих в хижинах из грязи..." И на этой ябеде на Бога Елифаз утверждает и строит все свои подозрения и обвинения на друга – вот просто прямо потому, что Иов раз человек, то значит и грешен, и не вообще греховен, как и они сами, а именно что виновен во всём, в чём они его подозревают... В чём-нибудь да обязательно. При том, что к себе это он почему-то не применял. Явно, что и остальных своих спутников утвердил в недобрых мыслях именно Елифаз, рассказав им это "откровение свыше", и оно легло оно на готовую почву. Собственно, это как раз то, что я и имел в виду, говоря, что Люцифер готовил этих людей для диверсии по подрыву духа Иова.

Однако Елифаз не был настроен растаптывать Иова, к которому ещё не утерять расположения и сочувствия. Хотя его язык тянул его в сторону обличения, но высказав начальные обличения, он смягчился и начал выражать сочувствие. Как намного старший по возрасту, он получил возможность, пока Иов был в разбитом состоянии, говорить с ним как с маленьким, вразумляя его как несмышлёного. Однако Иов давно уже вышел из детства и многократно показал себя равным, если не первым среди равных, так что Елифазу, пожалуй, не стоило злоупотреблять ситуацией. Но не могу его судить, оценка этого момента всегда субъективна, зависит от того, кем себя видел Елифаз – действительно старшим, помогающим и утешающим меньшего брата или же радовался возможности утереть нос тому, кому завидовал, и использовал этот момент для самоутверждения. Он продолжал:

Ты взываешь – есть ли отвечающий? К кому из святых ты обращаешься?

Похоже, он сейчас хочет сказать Иову, что его первые слова были ни к кому не направлены, что было как будто и правда упущением. Даже то, что он сказал, нужно было адресовать Богу, он же просто высказался, выплеснул накопившееся, что хотя и понятно, однако не столь продуктивно. Я лично согласен с этой идеей. Иные даже слабые люди имеют немало сил, только привыкли их тратить в пустоту, в никуда, тогда как если бы направили свою энергию куда надо, то могли бы трясти горы.

Когда Христос сказал ученикам, что если они будут иметь даже маленькую веру с горчичное зерно, и скажут горе переместиться в море, то это будет выполнено. Я кажусь себе абсолютно обычным человеком, который бы должен завидовать очень многим, преуспевшим более него, но хочу подтвердить правильность сказанного Христом. В 17 лет, будучи в сильном раздражении из-за ссоры и неверных слов, я выкрикнул "хватит", однако, хотя и вложил много в крик, он вышел бессмысленным, неконцентрированным, и голос был сорванным, не солидным... Пожалуй, не стоило вообще делать это. Но спустя десяток лет на том же месте, выслушивая неверные слова уже от другого человека в подобной же ситуации, я опять выкрикнул что-то подобное, только в этот раз собранно, концентрированно. Результат оказался порази-

тельный. В то лето в наших краях стояла сильнейшая жара, и даже ночь не была освежающей, окна были открыты, но всё равно было как минимум 25 по цельсию. Едва только я высказал своё возмущение, сильный ветер ударил по окнам и ощутимой волной прошёл из комнаты в комнату. Ни до, ни после этого никакого движения воздуха не было, только в этот момент. Наша ссора, как помню, исчезла, мы оба были поражены случившемся, насколько слово человека, заряженное эмоциями, на мгновение всплеснуло всё вокруг. Позже, потренировавшись, поначалу безуспешно и даже с отрицательным результатом, я весьма успешно начал останавливать дождь, когда хотелось. С наведением его было сложнее, моим друзьям нравилась ясная погода, а я их научил на свою голову тому же... В смысле, не учил, а просто поведал о возможностях, никаких занятий не было, это было не трудно.

В принципе, верно говорят, что такие возможности не стоит давать в руки людям, не владеющим собой и не нажившим ума. Христос тоже очень редко говорит о силовых возможностях, вся Его деятельность направлена на возрождение человека, а не наделение его игрушками, пусть даже и очень существенными. Возможности по управлению стихиями не делают нас вечными, не наделяют праведностью, не избавляют от ответственности за зло. Но всё же, все они заложены в нашу природу, и Он не мог обойти эти вопросы полностью. Скорее, такие способности показывают, почему человек дорог Богу, почему Он ищет возможности образумить нас и направить на лучшую дорогу.

Многие люди расстраиваются из-за неудач и разных негативов, эти эмоции концентрируют немалый заряд, который, уверен, можно было бы и измерять, так как деятельность живых существ имеет электрическое измерение. Этот вот заряд не стоит тратить во взрыв, во всплеск эмоций, где он не произведёт практически никакой работы, кроме сотрясения воздуха, но если направлять более адресно, то сколько бы бед можно было отвести и проблем решить за счёт этого заряда нервной силы, буквально горы могли бы разойтись с вашей дороги. Елифаз здесь выговорил Иову вполне правильно.

В этой речи Елифаз выдал фразу, оставшуюся в веках – "человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх". Многие недобрые люди её использовали во вред человеку, из-за чего Библию и религию пытались обвинить в оправдании страданий. Может быть и Елифаз сам не понимал полностью последствий сказанного, но это выражение принадлежит человеку, а не Богу. Тем более человеку, которого впоследствии Сам Бог обвинил в неправильном изображении Своего характера. Бог не творил человека для страданий, надеюсь, это даже не требуется доказывать никому, и изречение это справедливо лишь в отношении того времени, в котором на Земле живёт и правит многими зло. Нарушения правил создают эти страдания, но когда зло и его сторонники уйдут со сцены, то и страдания забудутся, и ничто не породит их снова.

Дальше Елифаз возвращается к вещам, которые наводят тень на Иова.

Я бы к Богу обратился, предал бы Ему моё дело.

Это звучит намёком, что Иов этого не сделал до сих пор. Раз его страдания длятся, значит либо он упорный отступник, не желающий идти к Богу, либо что-то ещё плохое имеет место быть, и это подозрительно для них. Он никак не допускает мысли, что даже если бы это было так, как он говорит, то требуется время на осознание, не всё делается моментально. Иов страдает – и для них это и есть свидетельство его виновности. Это была просто паранойя, ненормальная убеждённость, наводимая лукавым, и они охотно давали ему возможность действовать на них и через них. Будь на их месте Иов, он бы тоже мог испытать влияние уклоняющей с Пути силы, но он хотя бы испытывал смутное (а может и отчётливое) ощущение неправильности происходяще-

го. Он бы постарался разобраться, потому что издавна имел привычку разбираться в новом для себя деле до конца, не оставляя нерешённого, недосказанного. Свою речь Елифаз заканчивал пышными и красивыми описаниями, как будет всё хорошо, когда Иов вернётся к Богу. В данном случае всё это звучало лицемерно.

Ответ Иова Елифазу

Естественной реакцией Иова выходят слова:

О, если бы верно были взвешены мои вопли, и вместе с ними положили на весы моё страдание

С одной стороны он говорит, что хотя его друзья сочувствовали ему первую неделю, когда молчали, однако же реальная картина ещё хуже, они не до конца ощутили его проблемы. Вторая фраза прозрачно намекает, что Иов ещё не всё выразил, что у него на душе, он сдерживал себя, и если его проклятия на свой жребий кого-то потрясли, то это были ещё цветочки... Он ярко описал свои ощущения –

до чего не хотелось мне прикасаться, то составляет отвратительную пищу мою

И при этом никакой опоры и поддержки он не имеет. Он переходит к главному –

К страдающему должно быть сожаление от друга его

Это была главная беда их компании, вместо подкрепления или хотя бы просто сочувствия они взялись уязвлять. Сами сидящие в благополучии, они не понимали, насколько обострены ощущения у их друга. То, что им казалось слабым и незначимым (он же не корчится от боли, значит не так уж она велика...), его оголённые нервы воспринимали как пытку. Бывают состояния, когда по некоторым причинам болевой порог понижается, и тогда даже малейший намёк на любой негатив воспринимается болезненно. В депрессии, насколько я в этом разбираюсь, происходит как раз это, повышенная чувствительность к боли, неважно, физической или душевной. И если бы это сопровождалось обострением мышления и чёткостью ума, то может быть служило бы благом. К сожалению, такое бывает не всегда, большей частью вместе с депрессией силы ума также снижаются, так что человеку не виден выход, он заикливается на имеющихся эмоциях. Вывести из этого человека иной раз нетрудно, но проблема в том, что само это состояние обычно устойчивое (если депрессия порождена не внешними обстоятельствами), так что меры нужны комплексные, одними развлечениями не обойдёшься, а то и ещё хуже может получиться. В случае с Иовом причины для его уныния были объективны, поэтому утешать одними словами, да ещё большей частью нездравыми, было неправильно. Его друзья не дотягивали до мудрецов, хотя и претендовали. Ни один из них не был целителем, иначе бы остановил остальных и повернул бы общение по другому пути. И тут Иов выдаёт своего рода сатиру, довольно едкую эпиграмму, если так можно говорить об этой части его речи.

*Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи,
которые черны ото льда и в которых скрывается снег.*

Когда становится тепло, они мелеют, а во время жары исчезают с мест своих.

Уклоняют они направление путей своих, заходят в пустыню и теряются;

смотрят на них дороги Фемайские, надеются на них пути Савейские,

но остаются пристыженными в своей надежде; приходят туда и от стыда краснеют

Удивительно, Иов обретает в этом состязании некоторое вдохновение, расправляет плечи. Они подозревают его в плохом, эти друзья вдруг вывернулись оскалом чего-то хищного, начав охоту на него, но вместо того, чтобы поддаться отчаянию ещё и из-за такого их предательства и совершенно потерять остатки духа или ожесточится и потерять берега, он принимает их вызов и

начинает отвечать им, выдвывая заслуженное, начиная указывать им на их неправду. Сами того не желая, они, хотя и по плохому сценарию, но мобилизовали его. Впрочем, о чём это я? Не они и не дьявол подняли ему желание жить, у того была совсем другая цель, но вопреки этому. Бог, не вступившийся за Иова в геополитической схватке за Землю и умы верных Ему жителей остальных миров, на самом деле вовсе не забыл и не оставил Иова. Он, поставивший Люциферу границы воздействия, охранял их – и его жизнь, и его душу. Поэтому Иов, видящий недоверие и склонность друзей к обвинению, не пал духом, но наоборот, воспрял, оживший для схватки... Вот если бы пришли кто-то из более поздних времён, поднаторевших в лицемерии и псевдоназидательной риторике, то могло бы быть хуже. Если бы друзья фальшиво ахали и охали, влезая в душу с сомнениями и сея неуверенность, они бы могли больше преуспеть в разрушении, но к счастью, в те времена ещё не было господствующих церквей с их специалистами по обработке стада. Однако религиозное ханжество начиналось с таких вот случаев, и понятно, что дьявол теснейшим образом связан с ним, это его версия религии и христианства.

Иов просит – "научите меня, покажите, в чём же я погрешил, и я замолчу". И ведь ни один не показал ничего конкретного. Правда, насчёт "научить" старались весьма, но тоже не преуспели. Иов говорит – "слова правды сильны", но какое отношение к ней имеют их обличения? Он даже пытается апеллировать к давней дружбе и близкому знакомству – "посмотрите же на меня" – желая сказать, что они, хорошо зная его, могли бы различать, говорит ли он правду или нет, он же не может лгать им в лицо.

Кстати, важно – процесс лжи сопровождается иными путями передачи нервного сигнала, чем правда, там требуется подключать дополнительные ходы, контуры, в отличие от простой правды, напрямую передаваемой из памяти. И это многими неплохо ощущается, так что обманщику приходится требовать, чтобы ему верили, упрекать за недоверие (которое тоже хорошо ощущается и без слов), в общем играть спектакль. Чтобы обманывать эффективно, обманщику нужно уметь обходить эту чувствительность нашей природы. Со своей стороны он должен научиться маскировать работу своей нервной системы, то есть не ложь подавать как истину, веря в неё как чистую правду, это примитивный приём, но наоборот, правду говоря как ложь. Люди привыкают к нему, что это такой принцип его жизни, такой уж он есть, и видя по жизни, что то, что он говорит, всё же оказывается верным, привыкают к его подаче. Такое распознать сложнее. Однако же такие портят себе репутацию, о них говорят как мутных личностях, даже если он занимает высопоставленное положение. Кстати, таких людей нельзя выбирать ни в какие органы и назначать на посты, если мы хотим жить хорошо. Если вы ощущаете, что вокруг человека как бы туман неоднозначности, что у него нет искренности, держитесь как можно дальше от него, да и его держите как можно дальше от себя... Даже не зная о его делах, можно бы смело начинать расследование и что-то обязательно найдётся (и это не политическое обвинение, да и касается только очень определённой породы людей). Правда, необязательно это окажутся тяжёлые преступления против человека или страны, могут быть бытовые мелочи, но когда у человека есть это умение, то ему редко удаётся избежать соблазна, когда подворачивается удобный случай. Если кажется сложным распознать, кто перед вами, в большинстве случаев достаточно помнить, как выглядят искренние люди – бывают такие, которые просто не умеют врать, кто и не пытается учиться этому. Одного такого человека, моего знакомого, пытался обвинить во лжи человек, сам практикующий ложь, но он не был психологом, не понял, кого он попытался обвинить, так что получился конфуз. Правда, беда, если рядом легковёрные люди, потерявшие способность к различению или так и не достигшие ума люди, не разобравшиеся в себе, они могут поверить...

Бывают патологические вруны, которые делают это уже сами не зная зачем и почему, просто на всякий случай. Один мой друг (действительно дружили, армия) был из таких, и мне кажется, что он уже и сам не знал, один ли ребёнок у него, сын ли это или дочь, и есть ли вообще. Мне он говорил одно, другому другое, иной раз даже при мне, и никакой неловкости не испытывал. Мне было просто удивительно. Не знаю, из какой он был категории – профессиональных врунов, которые правду говорят как ложь, или же любителей, которые пытаются изо всех сил верить, что говорят правду, по моему, он практиковал оба пути сразу...

Друзья действительно могли бы взять это на вооружение, они видели на самом деле, что Иов искренен, что он не изменился, да и болезнь и такие страдания не способствуют таинственности, вот только они сами давно не были искренними людьми... В их душах уже разгорелся огонёк охоты на друга, центр возбуждения в мозгу, не дающий здоровым мыслям работать, блокирующий нормальную работу мозга. Такие очаги хороши лишь для творчества, для труда, который не отпускает, пока не завершено дело, но в остальных случаях человек должен владеть собой и контролировать себя, не допуская никакой блокировки здоровой, непредвзятой оценки вещей.

Дальше у Иова идёт больше поэзия, чем жалобы, хотя тема его очень горестная. Он сосредоточился на своих переживаниях и ощущениях, однако же не полностью, его страдания и плачь отливаются в песню, но ведь при этом он абстрагируется от ощущений, уходит из них, возносясь туда, куда взлетают его слова. Не говори он ничего, его страдания были бы сильнее, и намного, не находя выхода и концентрируясь на самих себе. И в этом описании происходящего с ним он начинает подходить к причине своих проблем, и это у него его Бог.

– Не буду удерживать язык свой, буду говорить... буду жаловаться в горе души моей. Разве я ... морское чудовище, что Ты поставил надо мной стражу? Когда думаю, что утешит меня постель, унесёт моё горе сон, то Ты страшишь меня снами, и видениями пугаешь меня...

Он понимает, что за его приключениями кто-то стоит, однако же не допускает никакой мысли, что это может быть кто-то ещё, помимо Бога. Вся его жизнь настолько связана с Ним, главное – он хорошо знаком с Ним, что он никогда не имел дела с тёмными силами, и поскольку отношения с Богом у Иова никогда не нарушались, по крайней мере уже очень давно, с тех пор, как его становление свершилось, то он понимал, что тёмным силам к нему не может быть доступа. Значит, происходящее с ним исходит от Него же, от Бога. Его логика железная, и он бы был полностью прав, если бы ситуация в высших сферах не изменилась, не дошла до поворота, когда эта самая политика Бога по отношению к Его адептам была поставлена отныне под вопрос. Визит Люцифера в небеса был действительно огромной провокацией и замыслом с неоднозначными последствиями, затрагивающая за одно-два действия сразу несколько сторон, делая несколько дел. Сама претензия Люцифера на княжество на Землём было прикрытием другой операции, чтобы Бог перестал защищать Своих так, как это было до этого. Если бы Бог отказал дьяволу в его происках, то и Сам Бог, и Его последователи стали бы предметом осуждающей кампании от Люцифера, и кто знает, сколько бы ещё сомневающихся небожителей могло потерять доверие к Создателю в результате нового витка клеветы. Иов не знал, сколь многое сейчас висит на нём, однако держался. Сейчас его глаза видели Бога как противника, причём сам он не был противником, но ему казалось, что именно Бог сейчас поставил его "целью для Своих стрел", и безжалостно выпускает в него одну за одной. В какой-то мере он прав – не позволяй Бог дьяволу, ничего этого бы не было, но только потом вышло бы много хуже для всех. Бог действительно нёс ответственность, потому что Он и разрешил всему этому случиться с ним. Делал это всё дьявол, но отвечал за это Бог, как Тот, кто позволил, Кто нёс ответственность.

Иов просит Его отойти, отступить, дать ему перевести дыхание, хотя бы сглотнуть спокойно, он доходил уже до ощущений, что смерть для него означала бы покой и отдых, и жить уже не хотелось, да ещё с такими утешителями. И однако он знает, и это безошибочно, что даже сейчас происходит какое-то испытание. Для него Бог повернулся какой-то иной стороной, которую обычно никто в Его владениях не испытывает, потому что все не только знают, что "Он есть любовь", но и убеждаются в этом каждый миг своего бытия. Избранник судьбы, который увидел Бога с другой, обычно неизвестной, стороны (и это вовсе не "оборотная сторона медали")? Никто бы не хотел такого "счастья". Однако же правда в том, что сейчас при всей своей вере в Бога, когда Иов видел в жесткостях по отношению к себе Бога, однако же это был не Бог, а тот, кому Богу пришлось открыть доступ к Иову. Атака была против Бога, и Иов защищал Его правление и всю систему вещей. Будь ему известно, в чём он участвует, он бы, пожалуй, почёл за честь пережить всё это, но в незнании он гораздо успешнее защитил своего Бога...

"Посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его"²⁵ – это очень важный момент, характеризующий отношения Бога с человеком. Сегодня модны воззрения, сегодня особенно, что "Бог не парится с грехами", что Он вообще далёк от наших подробностей, что Ему нет дела до повседневности и мелочей. Однако это ложь от "волков в овечьей шкуре", находящихся в христианстве. Бог воспитывает каждого, заинтересован в каждом. Как Он успеваешь в этом, не важно, на то Он и Бог, это в Его возможностях, трудно Ему это или нет, не важно.

Речь Вилдада

Предубеждённость двигателя и Вилдадом. Слушая Иова, он, наверное, не столько выслушивал его, сколько, зацепившись за спорные моменты, готовился возразить. То есть то, насколько другу плохо, он не замечал, но считал сколько раз он помянет Бога неправильно, и когда Иов говорил, что Бог поставил его Себе противником и не желает прощать неизвестный Иову грех (когда не знаешь за собой проступка, то действительно, как тогда извиняться), это возмущало его. Первыми его словами был выговор:

Долго ли ты будешь такое говорить? Твои слова – бурный ветер!

Он прямо говорит, что происходящее с Иовом есть божественный суд. Неужели Бог будет наказывать тебя ни за что? Раз Он тебя наказывает, значит есть за что – железная логика, только вот как никому из них не пришло в голову, что проблемы случаются не всегда по наказанию? Что беды приходят и к тем, кто их не заслуживает? Увы, пока что это не могло вместиться в их головы, так что Вилдад со всей уверенностью судит – если ты взыщешь Бога, помолишься, то ЕСЛИ ты чист и прав, то Он сегодня же придёт к тебе и принесёт мир твоему праведному жилищу. Надо сказать, что где-то в глубине души он всё же склонен верить Иову и допускает его правоту, хотя и не очень охотно, очень уж это невероятно. Кстати, ведь его слова сбылись, буквально в этот же день Бог и явился, и сделал именно то, что Вилдад предположил в качестве маловероятного события... Но не в ответ на раскаяние Иова или поиск им Бога после такого ценного указания от Вилдада, потому что Иов искал Бога и ответов у Него всё время, пока с ним стрясались его беды. Когда Бог пришёл, то пришёл защитить Иова и оправдать перед Вилдадом и его спутниками от их обвинений, хотя не обошлось без укоров и для него, поскольку Иов проявил некоторое несовершенство. Вилдад старается обосновать своё понимание опытом и учением прежних поколений, которые жили гораздо дольше нынешних, хотя он искажает их наследие. Учение древних, сильных и умных людей, было для них своего рода Библией²⁶, они придавали

25 Иов 7,18

26 Я склонен думать, что в те времена от Ноя, Мелхиседека и других людей из первых поколений после потопа оставались если не книги, то какие-то записи и устные предания, хранимые в памяти, дающие всем желающим ориентиры в жизни. Когда Бог велел Моисею начать записи о делах Бога, то те старинные учения не были

себе авторитета ссылкой на них, только бы ещё понимание древних при этом присутствовало, а без него это была профанация древних. Использовать чужой авторитет для оправдания своей глупости – как же давно это началось...

Симпатия к другу подсказала Вилдаду дать Иову надежду:

Он ещё наполнит смехом твой рот и твои губы радостным восклицанием...

И это, даже при непонимании друг друга было добром. Он как бы верит, что всё будет у его друга нормально, как бы там ни было, и это здорово. Если бы этой настрой не испарился в спорах под настойчивой паранойей от лукавого, то могла бы получиться лучшая история, чем дошедшая до нас. Это единственная из речей, с которой Иов согласился и сказал "правда".

Иов. Ответ Вилдаду

"Правда", согласился Иов, "знаю, что так". Он верит в то, что у него нет ничего такого, в чём он мог быть виновен когда-либо и оставил это без внимания, без извинений и раскаяния. Если и могло быть что-то такое, он давно уже исправил, возместил потери и раскаялся в том. За такие прощенные грехи наказания не может быть, ибо прощено. Разве только люди могут не простить, но ведь проблемы у Иова были не со стороны человека. Так что оставалось думать, что он сделал что-то неправильное и не знает об этом – самый подходящий вариант, но и тут всё не так, за такое Бог тоже не может наказывать. Сначала Он должен известить человека об этом, и дать время на раскаяние. Иов никогда не упорствовал в неправильном (если понимал, конечно), и был готов сделать всё требуемое для очищения себя от вины, но никто ничего не говорил об этом. И он, впав в отчаяние от страданий, позволил себе где-то здесь начать говорить лишнее, за что потом пришлось краснеть перед Богом. Здесь находится этот поворот, где у Иова появилась некоторая неправота, но это новое у него, это вовсе не то, из-за чего у него были проблемы. Это идея "как оправдаться перед Богом", если Он почему-то далеко и не хочет разговаривать с человеком, в данном случае с ним.

Далеко ли Бог от человека? – может быть расстояние действительно огромно, однако даже если и так, делает ли это Его глухим к зову и просьбам, к нуждам человека? Если Он фиксирует в Своих записях даже наши мысли, то какое тогда значение имеют расстояния? Иову кажется, что Бог не хочет его слышать и сознательно закрылся от него. Иов разгорячился, он буквально хотел поговорить с Богом и задать Ему вопросы обо всём наболевшем за это время. Однако же при этом понимает, что такой его подход к делу чреват чем-то нехорошим:

Кто восставал против Него и оставался в покое?

В своей речи, хотя он и вплёл сюда неверный мотив, он восхваляет Его непостижимость и разум, искусность и удивительные способности Создателя. Поэзия и вдохновение не оставляют его, давно выработанные принципы держат его на Пути, он не сваливается в штопор из-за неверной ноты.

... делает великое, неисследимое и удивительное... Он пройдёт передо мной, и не увижу Его, пронесётся, и не замечу...

Хотя бы я и прав был, но не буду отвечать (спорить), а буду упрашивать Судью моего... Который в вихре разит меня и умножает без вины раны мои, Кто не даёт мне перевести дух, но пресыщает меня горем...

Если буду оправдываться, то мой же язык обвинит меня, если я невиновен, то Он признает меня виновным...

включены в состав Библии, как и не все детали истории Израиля были включены туда. Однако же сведения о происхождении народов (десятая глава Бытия) как раз оттуда.

В древности, хотя подобный принцип, похоже, ещё в действии в некоторых обществах, суд имел такой принцип, что если один из спорящих в суде прав, то другой автоматически виноват... Когда Иов хочет оправдаться перед Богом (хотя Он его вовсе ни в чём не обвинял), то оправдывая себя, он автоматически ставит Бога неправым. В этом и проблема. Нужно было разрешать ситуацию как-то иначе. Если бы не тема вины, за которую он вроде как наказывается, то это было бы возможно, но поскольку всё вращается вокруг виноватости и наказания, то это и создало проблему виновности Бога. Это подмечали друзья, но несколько топорно, говоря, что виноват именно Иов, и толком никто не указал, где затянулся узел. Иов позволил себе говорить лишнее, и сам признаётся в этом, хотя, наверное, не замечая этого –

Я невиновен. Не хочу знать души моей, презираю жизнь мою... всё едино, поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и невинного.

Как если бы бич ударил внезапно, так допрашивать невинного о его вине – будет ли он смеяться?

Земля отдана в руки нечестивых, ... если не Он, то кто же?

Трудно винить страдающего на пределе человека, не стоит этого делать, он и сам позже осознает, что зря позволил себе говорить это и раскается. Лучше не повторять его ошибки, с предупреждённого спрос больше.

Иовом овладело стремление так или иначе поговорить с Богом, подобно как его друзьями желание найти его вину. В чём-то это были схожие стремления, да собственно, напор друзей и породил такое же желание оправдаться. Всё больше он позволяет себе выходить за грань здорового поведения –

Противела душе моей жизнь моя, предамся печали моей, буду говорить в горе своём.

И он в самом деле открыто говорит вещи, которые можно поставить Богу в вину –

Скажу Богу – не обвиняй меня, объяви мне, за что Ты борешься со мной? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь, что презираешь дело рук Твоих, а на совет нечестивых посылаешь свет?

Он смотрит на мир, на жизнь и на Бога весьма трезво, не ханжески, без благоглупостей, за которые иные просто ненавидят вообще всё религиозное и имеющих к ней любое отношение. Он давно заметил, что грешники живут успешно и пользуются благами, данными Богом, в своё полное удовольствие. Его друзья ханжески приписывали Богу ту же нетерпимость, что была в них самих, говоря, что Бог уничтожает грешников едва только они начинают грешить, но это слепота, выдавание желаемого за действительное. Иов более верно говорит о жизни плохих людей, без детского максимализма и без взрослого ханжества, а реально, как есть. Однако для него неверно было говорить, что нечестивые получают благословение или свет на свои замыслы, это сдвиг акцента в неверную сторону. Просто каждому человеку дано время, и пока это время не закончено, люди не наказываются, как правило. Они пользуются всеми благами жизни и всеми её возможностями, строя свой индивидуальный рай (или ад) подручными средствами. Бог не даёт им больше успеха, чем праведным, это они сами проявляют талант и изобретательность на зло, на службу самим себе вместо того, чтобы направить их на службу общему благу. Их личный рай всегда получается с элементами ада, обычные люди не умеют без этого, да и как, если большинство из них тянет лишь на себя. Ад для других, зато себе удаётся урвать хоть каких-то благ за счёт другого. Эксплуатация человека человеком происходит не из богатства, не из собственности на средства производства, а из этого хватательного рефлекса, когда человек не доверяет человеку, когда один готов пожертвовать другим, даже если по природе и жалко другого, но он говорит себе, что другой меня не пожалеет, поэтому я первый сделаю это, иначе будет поздно. Этот хищнический настрой и создаёт неравновесие в благополучии, войну за ресурсы и прочие

злоупотребления. Множество в преступном мире не имеют миллиардов или средств производства, однако они точно также готовы на любое преступление ради даже мелкой прибыли или добычи. Причём если капиталист решится на "любое преступление" только за триста процентов прибыли, то многие победнее готовы на то же самое буквально за копейки. Религия у таких людей, если и есть, остаётся лишь внешней формой, но изнутри она изгнана. И потом такую религию недобрых людей кто-то начинает ненавидеть как корень всех зол.

Софар Наамитянин

Терпеливо выслушав Иова, позволившего себе выйти за рамки здравого подхода, и из-за этого теряющего некоторое достоинство, Софар начал свой ответ уверенно, поучая зарвавшегося, в его глазах, Иова, который как будто начал подтверждать их худшие о нём подозрения.

Разве на множество слов нельзя дать ответа? И разве человек многоречивый прав?

У него уже, похоже, не остаётся к Иову сочувствия, он высказывает лишь поучения, в лучшем случае. Получается, чем громче жалобы и мольбы Иова на судьбу, тем больше раздражение на него. Лучше бы им было встать и уйти, чем из сочувствующих друзей превратиться в желающих поставить его на место. Но не ушли, остались и стали его не просто поправлять, но воспитывать. Посмотрите на этот просто-таки наезд:

Ты сказал: суждение моё верное, и я чист в глазах Его. Но если бы Бог заговорил ... с тобой и открыл тебе тайны премудрости, что тебе следовало бы понести вдвое больше (!). Так что знай, что Бог некоторые из твоих беззаконий предал забвению...

Однако же как подходит к делу – не зная ничего такого об Иове, пытается наугад не просто прощупать, а прямо-таки запугать. Он говорит вещи на грани лжи. Бог действительно, когда заговорил с Иовом (чего никто из них никак не ожидал), высказал ему нечто, за что Иову пришлось извиняться, вот только это было не о прошлом Иова, ему действительно нечего было стыдиться в прошлом, его промах только в настоящем, так что они зря пытались заставить его почувствовать вину! Так что хотя Бог и уличил Иова в некоторой неправоте, но ничего подобного "вдвое большому наказанию" не было и быть не могло, это просто ханжество.

Когда критикуют религии, то имеют в виду всегда именно такие испорченные религии. Они не промахиваются с этим, в любой религии можно найти таких представителей, в каких-то организациях ханжи перехватили в своё время управление, создав под теми же именами уже совершенно иные образования, не те, над которыми трудились основоположники. Не всё верное было уничтожено, разумеется, но вместо света воцарилась полутьма.

Относительно же "некоторые твои грехи Бог предал забвению" – что он хотел сказать? Малограмотные в религии люди могут сказать подобное, типа "не на все грехи Бог обращает внимание", не понимая природы вещей и сути преступления, за которое нет иного "возмездия, кроме смерти"²⁷. Есть лишь один вариант, когда нет расплаты за нарушение, это когда человек не знает о нарушении – "где нет закона, нет и преступления"²⁸. Принцип из практики государства "незнание закона не освобождает от ответственности" не часто применим у Бога, причём это не касается убийства или воровства, самых природно-ясных любому человеку (можно не знать о священном дне или запрете поклоняться изображениям Бога и любым изображениям вообще и много других тонкостей, и быть даже "спасённым" с этим). Сам принцип правилен и верен, потому что любое нарушение Закона и Уставов несёт некое разрушение в жизнь человека и общества, однако когда человек не знает о законе или правиле, Бог не может спрашивать с человека

27 Рим.6,23 Возмездие за грех – смерть.

28 Рим.4,15 ... где нет закона, нет и преступления

также, как со знающего. В этих случаях люди несут естественные последствия нарушения, но не наказание от Судьи. Государство тоже бы должно, да и иногда использует снисхождение к незнакомому, это более справедливо во многих случаях, особенно сложных и запутанных правил деловой и каких-то ещё сфер жизни. Но в случае Софара можно подумать, что он говорит о Боге, снисходительном под настроение к любимчику, смотрящему сквозь пальцы на его отдельные нарушения. Такое было бы искажением сути Бога, делающего Его подобным человеку. О каких грехах Иова говорит Софар – по незнанию или же сознательных? От этого зависит, в какого Бога верит Софар и его друзья, реального или созданного в воображении, который хотя и носит то же имя, но по характеру уже совершенно другой.

"Нет закона – нет преступления" стоит относить именно к незнанию о законе или законах, потому что невозможно говорить о каком-то времени, когда не было морального закона Десяти Заповедей. Есть ряд церквей, где такому учат, что этот Закон появился только на Синае, во времена Моисея, но в то время Закон был лишь объявлен вслух, причём лично Богом, но вовсе не создан. Закон определяет границы дозволенного и безопасного, и в этом смысле закон изначален, возникает как минимум одновременно с творением (даже уже на стадии проекта), которое имеет хрупкость и уязвимость в физическом ли смысле или каком ином. Были времена, когда люди не знали о законах лично от Бога, однако знакомились с ними в детстве от родителей, учащих их жизни. Эти законы передавались от прародителей, которые познакомились с ними опять же от Бога. Но поскольку не все родители исполняли свои обязанности по воспитанию должным образом, то со временем образовалась многочисленная группа не слышавших о законах, и живущих либо по изобретаемым самими правилами, либо вообще случайным образом. Они жили "без закона", как говорил об этом Павел в посланиях, и когда к таким "приходил закон", то "оживал грех, а они умирали"²⁹, обнаружив себя под гневом Бога как нарушители.

От упрёков Софар переходит к теме действительно принципиальной, хотя у него она служит цели заставить Иова усомниться в себе, подчинить своим понятиям.

Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?

Он говорит, что Бога невозможно найти разумом, изучением природы, наук. Эти его слова цитируются довольно часто, и достаточно справедливо. Хотя можно доказать существование Автора жизни и Проектировщика вселенной со всем её наполнением (ну, мне так кажется, по крайней мере я убеждён, что ДНК и РНК своей информационной начинкой однозначно указывают на Проектировщика и Разработчика, на Программиста), но отсюда ещё довольно далеко до понимания Бога. Здесь своего рода парадокс – между верой в существование Бога (как и знанием о Его существовании) и той верой, которая нужна для установления с Ним контакта и тем более достижения высших целей разница большая. Хотя все эти состояния ума и души называются одним и тем же словом "вера", но это разные предметы. Объединяет их лишь то, что эти все состояния ума базируются на работе воображения, вводящей в нашу внутреннюю картину мира необходимые инструменты для достижения тех или иных целей.

Убеждённость в существовании высшего Существа самая простая вещь из области веры. Картина мира для такого человека довольно сильно отличается от таковой у атеиста, хотя если атеист вдруг допустит существование "чего-то такого" во Вселенной помимо человека, что человек не есть высшая форма разума или бытия, то с ве-

рующим человеком он уже практически созвучен (речь о вере чисто интеллектуальной).

Но такая вера, которая допускает или уверена в существовании Бога, мало или вообще не влияет на человека. Под религиозной верой понимают больше другое состояние ума и души, в котором Бог близок к человеку и есть возможность и необходимость установления контакта с Ним, плюс обязательства перед Ним человека и даже Его обязательства по отношению к человеку. Как с уменьшением дистанции между людьми меняется восприятие и отношение к человеку, так и с подобной близостью Бога с человеком появляется личностное взаимодействие. Разница между такими верами уже очень значимая. Второй вид веры включает в себя и первую, но не наоборот. Несмотря на отсутствие зрительного контакта или слухового, человек всё же достаточно осязаемо взаимодействует с Богом, подобно как бывает контакт по переписке или через посредников. Впрочем в мире религии подавляющее большинство составляют люди с верой первого типа, откуда исходят все те вещи, что многих отталкивает от религии, а других притягивает возможностью применить там свои пороки и слабости.

Многие замечали в спорах атеистов с верующими заострённость обсуждения веры, что она вроде как несовместима со знанием. То есть, когда о чём-то знаешь наверняка, то это уже знание, и веры в осязаемые и зримые вещи уже не требуется. Во многом верно, но стоит подметить, что знание вовсе не плохо по сравнению с верой, вера выполняет роль своего рода моста через незнание, когда человек хотя и не знает природы того, чем пользуется, однако запросто пользуется этим при всём своём незнании. Вера, "подключая" человека к Богу, даёт возможность получать от Него очень много нужного и полезного, при отсутствии знаний обо всех "почему" и "как". Но ведь вера как прыжок через неведомое вещь сама по себе временная. Со временем знания накопятся и неведомое превратится в познанное. Однако появятся новые вопросы, и снова на новых территориях будет нужда в доверии к Источнику. И Он, как всегда, не подведёт...

Так вот, по мере развития во втором типе веры Бог становится достаточно очевидным, так что человек уже живёт как бы видя то, что другие не видят. Это вера или уже знание? Если его вера только внутри него, то вопрос спорный, мало ли в мире фанатиков, но если этот человек проявляет несвойственные обычному человеку способности, объясняя это вмешательством или проявлением Бога, с Которым он близко контактирует, то спорить будет сложнее. Это состояние, когда начальная вера превращается в почти (а то и без "почти") осязаемую реальность, я бы назвал третьим видом веры.

Речь Софара не была долгой, после выговора и упрёка в самонадеянности на большие познания, он заканчивает подобно Вилдаду, надеждой, что у Иова всё закончится хорошо, но в отличии от Вилдада, обставил надежду несколькими "если" – если ты направишь своё сердце к Богу (что означало, что сейчас Иов отвернулся от Него), если у тебя есть порок, и ты его всё-таки удалишь (не упорствуй, а лучше покайся), то у тебя всё-всё-всё восстановится и перечисляет много разных благ. А всяким грешникам при этом настанет скорый и заслуженный конец...

Иов. Ответ Софару

Такой откровенный наезд и попытку манипулировать им как ребёнком вызвал у Иова едкий сарказм, он выдал слова, которые, кажется, повторялись потом много раз в подобных случаях:

Воистину – только вы люди, и с вами умрёт мудрость!

Тут полагаются пару саркастических смайликов, легко вообразить себе настроение и выражение лица Иова, слушающего эти благоглупости. Но он не стремится говорить дальше в этом духе, этот тон и бесполезен и не нужен, ибо непродуктивен. Он пытается донести до друзей мысль – а вдруг они на своего друга всё же думают не то, что на самом деле, вдруг всё же они ошибаются и он действительно невиновен – они пытались заставить его усомниться в своей правоте, он делает то же:

Я стал посмешищем для друга своего – я, который взывал к Богу, и которому Он отвечал. Посмешищем! – человек праведный и непорочный...

Здесь он приводит одну подробность о себе и своей жизни и характере, которых нет в других местах – свои опыты общения с Богом, когда он получал ответы. Это всегда редко, подобное случалось не так уж часто в библейской истории, и в этом он был выше своих друзей, почему, весьма вероятно, они когда-то считали честью подружиться с ним, сойтись поближе. Но вот пользы для них это принесло не так много, как хотелось бы. Сейчас они поднялись против того, кто среди них был скорее учителем, чем просто приятелем. Оцените ситуацию. Говорящий с Богом тоже может быть неправ, всё бывает, однако же всем понятно по какому-то умолчанию, что находящегося на более высокой ступени – всё равно, власти ли, развития ума и таланта – сложнее поймать на ошибке и в силу более высокого развития и положения. Даже если бы друзья Иова оказались правы, им не стоило бы высказывать это вслух, но действовать деликатнее, как если бы им пришлось обличать сильного мира сего, с которым подобные действия чреватые проблемами. Оно, в общем-то, точно так и вышло в конце этой истории – эти трое мудрецов оказались на грани проклятья и лишь заступничество Иова спасло их от больших потерь.

Весь разговор при всей ситуации посещения больного друзьями происходит в рамках диспута или состязания мудрецов, где они обмениваются речами, в которых они разворачивают свои аргументы. Правда, здесь получилось трое на одного – может так и можно было, но мне лично такое кажется нечестным, особенно на больного, тем более друга. Но можно заметить, что вдохновение у Иова посильнее, чем у его противников, его хватает на более длинные речи, он не уступает им в высокопарности слога. И после резкой отповеди Софару он воспаряет в изысканностях о реальной жизни и силе Бога. Правда, начинает ещё с одного принципиального возражения на общий элемент у всех его противников, утверждающих, что нечестивцы не живут долго и не успевают насладиться своими преступлениями, как Бог уже судит их и воздаёт по справедливости (будь так, то из одного лишь страха никто бы даже не пытался идти тёмными путями):

Мирны шатры у грабителей и безопасны у раздражающих Бога...

Он вовсе не оспаривает возмездие за грехи и преступления, но указывает на реальное положение вещей, отличающееся от желаемого, позже он вернётся к этому вопросу и выразит тему о возмездии за зло примерно в тех же выражениях, что и его противники, чтобы подтвердить, что зло наказуемо, но не столь идеалистично, как они. К этой теме все они обратятся ещё не раз.

Дальше идёт вдохновение:

В Его руке душа всего живущего

Не ухо ли разбирает слова, не язык ли распознаёт вкус пищи?

В старцах – мудрость и в долголетних – разум

У Него – премудрость и сила, Ему принадлежит совет и разум

Что Он разрушит, то не построится, кого Он заключит, тот не высвободится

Остановит воды – и всё высохнет. Пустит их – и они меняют землю ...

От природы он переходит к делам людей:

У Него могущество и премудрость, перед Ним заблуждающийся и вводящий в заблуждение

Он приводит советников в необдуманность и судей делает глупыми

Он лишает перевязи царей и поясом³⁰ обвязывает их

Князей лишает смысла, покрывает стыдом знаменитых и силу могучих ослабляет

Открывает глубокое из тьмы и выводит на свет смертную тень ...

Отнимает ум у глав народа и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути

Большой частью это касается его друзей, ставших противниками и в споре и в отношениях с ним. Он, чётко различая истинное положение вещей, сейчас увидел, что его друзья лишены разума и находятся в каком-то ненормальном состоянии ума, как под гипнозом. У нас есть поговорка старинных времён о том, что если Бог хочет наказать, Он сначала отнимает у того человека разум. В чём-то верно, хотя я всегда считал, что наоборот, это из-за потери разума человек попадает в проблемы и впадает в грехи. Бог как может наделить кого-то сверхъестественной силой или разумом, так и лишить, показывая человеку, что все его способности созданы вовсе не им, а даны извне, и это весьма стоящая идея, чтобы никогда её не забывать, однако же надо думать, что Бог достаточно силен, чтобы наказать человека и не отнимая разум. Сегодняшняя политика многих стран очень сильно заставляет задуматься о том, что здоровый ум изменил людям и поведение стоящих на верхних ступенях власти определяется далеко не разумом и высшими соображениями.

Интересно подмеченное Иовом о "вводящих в заблуждение". В начальной древности такое встречалось редко, но позже с распадом устоев это стало для кого-то выгодным, так что могло уже тогда стать чьей-то профессией. Также намёк это и на друзей опять же, которые подобны слепому, что пытается обмануть зрячего.

После этого Иов возвращается на землю и пытается вразумить друзей, хотя делает это нелицеприятно и не в мягких выражениях, так что вряд ли они расположатся слушать такое.

А вы сплетчики лжи, все вы бесполезные врачи

О, если бы вы только молчали, это было бы вменено вам в мудрость

Выслушайте же рассуждения мои и вникните в возражения мои

Нужно ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь?

Нужно ли вам быть лицеприятными к Нему и за Бога так препираться?

Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Обманете ли Его, как обманывают человека?

Строго накажет Он вас, хотя вы и скрытно лицемерите.

Неужели величие Его не устрашает вас, и страх Его не нападает на вас?

Нет, к сожалению, этот страх им был неведом, как и большинство, они были храбры в этом. Наверное, они понимали, что он говорит дело, ощущали, что могут быть неправы, что за ним что-то стоит, но они не желали ощущать себя мальчишками, получающими выволочку. И этого было достаточно, чтобы продолжать прежний курс.

Возможно, болезнь напомнила ему о себе, дьявол всё ещё контролировал его тело и ощущения, поэтому он пытался остановить Иова и не дать ему чувствовать себя правым, снова унижить его перед глазами людей, так что Иов возвращается к теме своих страданий:

Замолчите предо мной, и я буду говорить, что бы ни постигло меня...

Снова он позволяет себе расстройство и отчаяние. Не только боль напоминают ему о его проблемах, но и зуд болячек и дискомфорт от этого, вместе с тем, что он не готовился к визиту посетителей, не одевался в достойные к случаю одежды, но был одет не по княжески, так что

30 Мысль, что забираются дорогие и статусные опоясания и меняются на принадлежности простого человека

общий вид его не способствовал авторитетности. Но он не замолкает в отчаянии и подавленности:

Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои перед Его лицом! И это уже в оправдание мне, потому что лицемер не пойдёт пред лицо Его! Выслушайте внимательно слово моё и объяснение моё...

Вот, я завел судебное дело: знаю, что буду прав. Кто в состоянии опспорить меня? Ибо я скоро умолкну и испущу дух

Его правота оформилась в нём достаточно чётко, так что у него возникла картина, где на суде он и Бог имеют тяжбу. И он ощущает, что выйдет прав, и хотя на самом деле Бог явился, чтобы ответить ему, но в целом вышло не совсем по его, где-то он ошибся в деталях. В том, что он имел ввиду, представляя себе спор, он действительно был прав, Бог не обвинил его в том, чего ожидали его друзья и он сам, но краснеть всё равно пришлось. Бог тоже не оправдывался в том, что Иов подумал на Него, что это Он убивает его, впоследствии Иов узнал, из-за чего всё произошло. Вот только его мысль, что раз он скоро уйдёт, то напоследок может что-то позволить себе сказать, могло завести его дальше, чем он сам бы хотел, но обошлось.

Дальше в нём говорит горечь обиды на своё незаслуженное унижение и страдание. Он представляет, что уже они с Богом стоят друг перед другом:

Двух только вещей не делай со мной, и тогда я не буду укрываться от лица Твоего: удали от меня руку Твою, и ужас Твой да не потрясает меня. Тогда зови, и я буду отвечать, или буду говорить я, а Ты отвечай мне.

Сколько у меня пороков и грехов? Покажи мне беззаконие мое и грех мой.

Для чего скрываешь лице Твоё и считаешь меня врагом Тебе?

Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?

Ибо Ты пишешь на меня горькое и вменяешь мне грехи юности моей, и ставишь в колоду ноги мои и подстерегаешь все пути мои, – гонишься по следам моим.

А он, как гниль, распадается, как одежда, изъеденная молью.

В этом духе его речь длится ещё на целую главу в книге. Его оплакивание своей судьбы наконец стихает, и эстафету подхватывает Елифаз; они соблюдают порядок, когда кто из них говорит.

Вторая речь Елифаза

Речи Иова о своих страданиях не расположили Елифаза к сочувствию, потому что Иов на его взгляд предался ереси, заявив о воображаемом судебном состязании с Богом. Он упрекает его, что он отбросил страх и не считает речь к Богу большим делом. Он говорит, что это явный результат нечестия Иова, как раз доказательство того, о чём они тут всё время и говорят. "Твой язык тебя же и обвиняет", говорит он.

Здесь Елифаз высказывает нечто, что составляет опору его предубеждения против Иова, и это представление хотя и основывается на понятии греховности человека, однако это что-то извращённое. В первой речи он рассказал о необычайном откровении, полученном никак не от Бога, и сказанное им здесь основано на том дьявольском обмане. Посудите сами:

Что такое человек, чтобы быть ему чистым, и чтобы рождённому женщиной быть правым? Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса даже нечисты в глазах Его. Тем более нечист и растлен человек...

Библия говорит о греховности человека, но о небесах – это первое и последнее слово о подобном, что и "небеса нечисты в глазах Бога", что Он "не доверяет небожителям", оставшимся

с Ним и не поверившим Обманщику. Хотя человек и греховен, но ведь это сам по себе, однако же человек не оставлен на самого себя, есть средства для его выведения из этого состояния. Елифаз же говорит что-то совсем не то, и кстати, причём тут женщины? Физическое тело с его органами разве служит каким-то препятствием для праведности и чистоты? Ничего подобного – изначально всё это было у человека в Едеме и после падения его природа не менялась, ничего не добавилось в теле и не убавилось. И даже в душевной и умственной конструкциях незаметно перемен, кроме потери гармонии с Богом, миром и собой. Разум и мировоззрение Елифаза омрачены чуждыми небиблейскими воззрениями, это одно из тех вещей, за что гнев Бога горел на этих людей, когда Он явился к ним по вызову Иова...

Здесь можно усмотреть женоненавистничество, принижение их природы, насколько изда- лека эти корни тянутся. Когда в религию приходили нездоровые люди, волки в овечьей шкуре, они брали именно эти вот слова Елифаза, придавая им авторитет не того, от кого они реально пришли, но божественный. Не вникая в суть конфликта, выставляя друзей Иова непогрешимыми (ведь их речи стали библейским текстом, воспринимая их некритически), такие лжеучителя на- саждали жестокости и насилие, калечили общество, детей и женщин.

Недоверие небожителям – это отголосок войны на небе, агитации Люцифера ангелов про- тив Бога, который насаждал сомнения в политике Бога и заодно также и Богу пытался изобра- зить всех созданных им живых разумных недоверяющими Ему и сомневающимися в Нём. Если кто не доверял Богу и не был чист, то это как раз те, кто поверили Люциферу, но они давно уже покинули свои прежние места обитания и были на стороне своего вождя.

И это всё Елифаз обращает против Иова. Его аргумент таков – если уж даже небо нечисто перед Богом, то как можешь ты претендовать на что-то? Какая такая у тебя может быть правед- ность, когда ты тотально грешен и нечист? Надо сказать, что такое соображение способно про- бить брешь даже в крепкой обороне, если только человек не разобрался с этим вопросом рань- ше. Удар был, наверное, силён, однако Иов его, как мне кажется, не заметил, в смысле он не нанёс ему никаких повреждений, то есть он это когда-то уже проходил и понял, то ли сам когда- то наткнулся на эту тему, либо услышал эти толки от кого-то ещё.

После этого Елифаз взялся описывать всяческие беды отступников. Такие картины наказа- ния за грехи как правило составляют религию людей ограниченных, другие темы их просто не привлекают.

Стоит привести реальный пример: одна женщина слушала в церкви очередную про- повесть и была просто-таки захвачена картинами доброты и любви Бога к людям. По- сле окончания богослужения при выходе из церкви она услышала, как другая женщи- на выражала свои впечатления от той же самой проповеди – "вот как Бог будет греш- ников сжигать!" Однако же в речи служителя не было ничего подобного... По крайней мере могли быть какие-то штрихи, но первая женщина не заметила там ниче- го такого вообще, в то время как для второй эти штрихи раздулись в целую пропо- весть. Может быть это крайний случай, однако же не только простые люди делятся на такие два класса, но и занимающие ответственные места. Неудивительно, что и церковные организации тоже могут иметь характер вовсе не Сына Человеческого, а его противника.

Иов. Второй ответ Елифазу

Иов заканчивал свою последнюю речь с плохим настроением, охваченный приступом боли, который напомнил ему о его унижении. Но очевидные промахи Елифаза, пытающегося его причислить к сонму нечестивых и сама ересь о изначальной порочности человека и даже небо- жителя дала ему новое вдохновение и новые силы. Его самочувствие вряд ли стало лучше, он

снова описывал свои страдания, но негибает в отстаивании своей правоты. С сарказмом он отвечает:

Слышал я много такого. Утешители из вас никакие (или скорее – замучались вы утешать). Будет ли конец ветреным словам? И что заставляет тебя так отвечать? Я бы тоже мог так говорить, будь вы на моём месте – собирал бы против вас слова, движением губ утешал бы...

Однако опять он меняет тон, видимо, физические боли не оставляют его, и он опять возвращается к описанию того, что происходит с ним.

Говорю ли я, не утоляется боль моя, перестаю ли – не уходит.

Описание его страданий души и тела показывают большую власть дьявола, который всё ещё имел возможность воздействовать на него как ему хотелось того, правда, этим же показывая свой характер:

... Ты изнурил меня, разрушил семью мою. Ты покрыл меня морщинами во свидетельство против меня. Моя измождённость восстаёт на меня, в лицо укоряет меня. ... Неприятель острит на меня глаза – разинули на меня пасть, ругаясь, бьют меня по щекам... Отдал меня Бог беззаконнику (Иов пока ещё не понял, насколько точны его слова)...

Что важно – при всей его вере в то, что против него действует Бог, он остаётся верен Ему. Он не может понять почему это происходит, но знает, что какая-то причина есть, в Его сути он не разочаровывается. Другим же нелюбезно выговаривает всё, чего они заслуживают. Хотя это настраивает их ещё больше против него.

Если бы не насмешки их, то и среди споров я бы был спокоен. Заступись за меня Сам! Кто ещё поручится за меня? Ты закрыл их ум от понимания, поэтому не дашь им восторжествовать...

Кто обрекает друзей в добычу, у детей того истают глаза... Изумятся об этом праведные и невинный вознегодует на лицемера. Праведник же будет крепко держаться пути своего и чистый руками будет всё больше утверждаться.

Выслушайте вы и подойдите – не найду я мудрого между вами. ...

Где после этого надежда моя? – Она сойдёт со мной в могилу и будет покоиться со мной в прахе...

Относительно надежды, сходящей с ним в могилу – это не отчаяние, как могло бы показаться многим. Напротив – даже смерть не может отнять у него надежды на Бога, и в том, что Он благ, Иов несколько не разочаровывается. Его знания утверждены на чём-то большем, чем просто опыт мудрого и успешного человека.

Вторая речь Вилдада

То, что Иов не поддаётся никаким попыткам завиноватить его, закономерно нервировало его визитёров. Дьявольские атаки, проходящие через них, они мало замечали, если замечали вообще, зато отражённая энергия, не нашедшая себе жертвы, задевала их достаточно заметно. Впрочем тут и без всяких энергий одной психологии достаточно, чтобы говорить о том же – они злились, что их старания не увенчиваются успехом. Иов страдает от боли, теряет нить своих философских тезисов, переходя на жалобы (и даже в них не теряет вдохновения), но на их сильнейшие построения, которые им самим казались неотразимыми, он не реагировал так, как они ожидали. А там, где реагировал, он давал достойный ответ, так что это причиняло боль, пусть и душевную, им самим. Вилдад, принявший эстафету в диспуте, заговорил об этом в открытую:

Когда вы прекратите такие речи? Обдумайте, и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных и быть унижаемыми в своих глазах?

Это признание того, что их тезисы оказывались выглядящими ошибочными, они теряли уверенность в себе, да и Иов иногда не щадил их самолюбия. Не думаю, что на Иова можно возлагать хотя бы какую-то долю вины за дух ожесточённого спора, он всё же был один против троих, и удерживать своё дух в полном самообладании в атаках со всех сторон и при этом в отчаянном положении со своей болезнью, обезображенный и униженный этим – я не рискну обвинять его. В гораздо более тепличных обстоятельствах лично мне было очень трудно сохранять хладнокровие – иной раз даже необходимость говорить громче из-за тугоухости собеседника меня выбивала из самообладания (мой голос обычно тихий, и напряжение голосовых связок почему-то автоматически переводило меня в какой-то взвинченный режим, и не уверен, что сейчас это не работает также).

Вместо того, чтобы сбавить темп и услышать жалобы больного человека (заметьте, едва начались споры, они все стали обращаться с ним, как с полностью здоровым человеком) и хотя бы из гуманности проявить некое сочувствие, ради чего они, собственно и явились сюда, Вилдад возмущается примерно в таком духе, что ну и что теперь, что тебе больно, теперь из-за этого должна опустеть земля? И дальше упорно долбит генеральную линию –

Да ("более того", "в самом деле") – свет у незаконного потухнет и светильник его угаснет над ним ...

И опять пошла морока про коварных злодеев, которых конец вот-вот настанет. И на что Иов резонно каждый раз (или через раз) замечал, что далеко не "вот-вот", а иной раз целую жизнь такой человек проживает, хотя это вовсе не означает, что зло ненаказуемо. Если кто и думает, что зло из-за долгих сроков суда остаётся ненаказанным, то это больше каприз, попытка указать Богу сроки и пути возмездия. Но они за эти поправки объявляли Иова защитником зла и его самого причисляли к самым отъявленным злодеям, это казалось им доказательством его тайных грехов.

Речь Вилдада не длилась долго, ему почему-то не хватало вдохновения на длительное изложение кар для нечестивых. Я вот думаю – может быть потому, что жизнь предоставляла немного примеров для его идей, и фантазия исчерпывалась после пары десятков проклятий в их сторону. Душа и ум не успели закалиться в лжи, всё-таки до этого они считались и были более-менее здоровыми людьми. Люцифер не успевал сделать из них специалистов в области подтасовок, всё поддерживалось некоторой накачкой лично от него да парой ложных идей, но подсознание не могло давать вдохновение ложному, слишком уже нездоровым делом они занимались. Не специалисты, пришлось дьяволу обходиться против Иова тем, что есть. Однако очень уж невыгодной фигурой был для него Иов, и не зря Бог делал на него ставку в этот момент.

Иов. Второй ответ Вилдаду

Постоянные придирки к словам, игнорирование смысла речей собеседника кого хочешь выбьет из колеи, что и было одной из главных целей врага рода человеческого.

До каких пор вы будете мучить душу мою и терзать меня речами? Вот уже десять раз вы стыдили меня... Если я в самом деле погрешил, то моя погрешность при мне остаётся. Если же вы хотите возвыситься надо мной и упрекнуть меня позором моим, то знайте, что это Бог ниспроверг меня...

Вот я кричу – обида! Но никто не слушает, кричу – и нет суда.

Снова Иов описывает свои беды, однако их уши, кажется, полностью глухи. Увы, многие даже добрые люди не всегда воспринимают боль другого. Иногда в это просто не верится, по-

чем-то не всегда в нас работают те антенны, что воспринимают чужое страдание, в таких случаях многим даже кажется, что человек притворяется. Когда мы ощущаем, то можем сочувствовать, и тогда тому, кто испытывает боль, часто становится легче. Кстати – те, кто говорят, что жалость унижает, как раз не ощущали скорее всего чужой боли и не верят, что сочувствие действительно лечит. Но непохоже, что в детстве они отказывались от сочувствия матери, утешающей их в их маленьких бедах... Веря, что это качество бесполезно, они и подхватывают тот человеконенавистнический лозунг. Конечно, есть проблема с некоторыми людьми, пытающимися разжалобить ближнего, привыкших жить в депрессии и не стремящихся к здоровью и достойной жизни, начинающих жить вытягиванием эмоций из ближних, но этим разлагающих атмосферу вокруг себя. Но при этом они унижают образ человека (и Создателя), и когда их жалеют, то потраченная на них энергия душ и сердец пропадает бесполезно, не принося им никакой пользы. Об этих случаях можно так говорить, но только о таких и никаких больше, и повторюсь – не жалость и сочувствие унижают, а именно сам жалобщик, запустивший себя до того, что ему мало кто и что может помочь (а иной раз в тяжёлых случаях и вообще никто), кроме самого себя, если он вообще хочет получить помощь.

Описания Иовом своих бед, боюсь, не трогало его друзей. Скорее напротив, слыша его переживания и боль, они напрягались в ожидании – вот-вот, ещё немного дожать, и он сдастся, наша цель будет достигнута. Они его фактически пытали... Иов, хотя и жалуется – но ведь перед ним друзья всё-таки, которые и пришли помочь ему! – но он сражается за их здравый смысл, воюет за старых друзей, чтобы их разум и сердце всё-таки включились, выпали из мёртвой зоны отчуждения...

Он описывает самые неприятные и разочаровывающие моменты своих обстоятельств:

Моё дыхание опротивело жене моей... Даже малые дети презирают меня ... издеваются надо мной. ...

Помилуйте меня вы, друзья мои... Зачем и вы преследуете меня ... и плотью моей не можете насытиться?

Но в этот самый момент, когда он описал самое плохое в случившемся с ним, что-то меняется в нём. Надежда на Бога воскресает и его тон меняется, воображение отвлекается от текущего момента и его внимание переходит на предметы вечные. Скорее всего потому, что он вдруг увидел по их лицам, что они сейчас не являются нормальными людьми, они потеряны, они под каким-то сильным воздействием, и понимает, что на них рассчитывать не стоит. По крайней мере сегодня.

О, если бы записаны были мои слова, если бы были написаны в книге резцом железным с оловом, на вечное время на камне были вырезаны! Я же знаю, что мой Искупитель жив, и в конце он возстановит (поднимет) мой прах, хотя моя кожа распадается! И я в теле моём увижу Бога. Я увижу Его сам, мои глаза, не глаза другого, увидят Его...

Казалось бы, с его уверенностью, что Бог стал его противником, иметь такую уверенность о будущем очень сложно. Если Бог, как он думает, ни за что устроил ему столько бед, то что будет дальше? Но в том и сила Иова, непоколебимость его уверенности в основах и в самом Боге – он хорошо Его знает, и знает, что этот временный мир может содержать в себе зло, но когда-то это всё закончится, и поскольку он ни в чём перед Ним не виноват, то в будущем мире для него есть его место, которого он не может быть лишён. Потому что Бог благ, и это неизменяемо.

Похоже, это первое упоминание в Библии о возвращении мёртвых к жизни в конце времён, хотя всё это могли знать и древние хранители знаний и откровений. Однако никто иной в то время об этом не говорит в Библии явным образом (Авраам в случае испытания принесения Исаака в жертву, проходил этот момент тоже, но об этих мыслях Авраама говорит только Павел спустя

полтора тысячелетия). Его несгибаемость была уже сейчас, при всей его приниженности и злополучии, достаточно весомо вознаграждена. Как будто, с этого момента и дальше его физические страдания утихают, а сам он обретает новый заряд вдохновения, заставивший вскоре замолчать его незадачливых соперников по диспуту, что означало их проигрыш. Здесь произошёл качественный перелом ситуации, Иов победил и вражеские планы были обречены на поражение.

Он укоряет друзей, и заставляет задуматься о будущем возмездии за все натяжки желаемого на действительное:

Вам бы нужно было сказать – зачем мы преследуем его? Как будто во мне найден корень зла... Подумайте о мече, мечь есть мститель за неправду. И знайте, что есть суд!

Вторая речь Софара

Все они говорят о том, что речи Иова обидны для них, в них так и слышится – нас-то за что? Это же Иов скрытый грешник, мы лишь помогаем ему осознать его вину, чтобы он раскаялся, а мы-то в порядке, а он тут нас в неразумии обвиняет... Это же он обезображен струпьями и болячками, это он сидит в пепле в грязных одеждах, и ещё поучает нас. Обидно, однако.

Софар ещё обнаруживает и торопливость, несолидную для мудреца.

Размышления мои побуждают меня отвечать, и я спешу выразить их. Упрёк, оскорбительный для меня, я выслушал...

И дальше идут шаблонные описания кратковременности счастья грешных, опять и опять они не видят промежутка времени между преступлением и наказанием. У них оно гипнотически короткое, как будто они живут не в реальной жизни, а лишь издалека и время от времени поглядывают на дела на Земле.

Разве ты не знаешь, что изначально, с того времени, как человек появился на Земле, веселье беззаконных кратковременно и радость лицемера мгновенна?

Здесь он открытым текстом признал свою несостоятельность. Чьи-то изречения могли говорить подобным образом, но в торжественных случаях и в символических изображениях вполне нормально придавать делу вид с точки зрения вечности. Однако же там, где эти изречения начинают противопоставлять реальности, происходит беда, это показатель отключённости разума от реальности. Это одна из причин появления и существования фарисейства и ханжества. И ведь почти весь "грех" Иова состоит в том, что он говорит о реальности этого зазора и его достаточно долгой протяжённости по меркам человеческой жизни. Иов не говорит на их языке, и вот он уже готовый отъявленный нечестивец. Вот, собственно, секрет Вавилона, отступнической системы. Со временем она усложнится и обростёт таинствами, ересями, которые объявит единственно верными догмами, и примется уничтожать всех, кто хотя бы немного более верно, чем они, смотрят на вещи. Дело не в религии, такое происходит и в политических союзах, и даже в науке, то есть в группировках некоторых деятелей от науки, к сожалению, оказывающих существенное влияние на её состояние... Извратившееся болото пытается навязать свою болезненность здоровому, и объединяется в агрессии против сопротивляющихся. И уверяю вас, те же самые силы тьмы, что стояли за друзьями Иова, стоит за любым агрессивным "болотом". Оно может искажать здоровые учения и организации, но может генерировать и свои, которые вряд ли возможно исправить, кроме как полностью расформировать, исправлять там просто нечего.

Иов. Второй ответ Софару

Здесь Иов немного начинает сдерживать свой сарказм – возможно, он увидел, что раздражать ошибающихся людей не стоит, либо просто включился самоконтроль, который в нём укоренился очень прочно. Они уже в беде, лишённые прежней мудрости, есть за что пожалеть их. Он

знает, что прав, и ему, правому, легче даже при всех страданиях, а им надо ещё отречься от своей предубеждённости и заблуждений, чтобы вернуться на Путь, увидеть истину, которую им почему-то очень не хочется признавать, она стала для них болезненной. И если они этого не сделают, то разойдутся с Богом и погибнут под водительством чуждых сил.

Выслушайте внимательно мои слова, и это будет мне утешением от вас. Потерпите меня, чтобы я мог сказать, а потом продолжайте насмешки.

Хотя в первых словах ещё звучит юмор, неприятный для соперников, но дальше звучит серьёзный, искренний голос, возможно усталый от дрящегося напряжённого спора.

... Как же мне не быть малодушным? Посмотрите на меня – и ужаснётесь, и положите палец на губы...

Лишь только вспомню – содрогаюсь, треперь охватывает меня

Начав опять о проблемах, он ощутил, что может снова впасть в излишнюю меланхолию и даже отчаяние, поэтому сознательно уходит от этих мыслей и воспоминаний. Так что его речь здесь поворачивает на описание жизни нечестивцев, о которых его друзья вещали самые жуткие пророчества, которые не отражали реальности, а были благими пожеланиями. Иов преподносит реальную картину жизни реальных людей, которые все, стоит вспомнить, что делается сейчас на Земле, находятся под властью Люцифера, и лишь Иов из них всех выпадает из неё. Именно ходящие кривыми путями живут успешнее, и если у кого и есть проблемы, то они происходят лишь от таких же как они сами, но не от Бога.

Почему беззаконные живут до старости и крепки силами? – ... Дома их безопасны от страха и нет жезла Божьего на них. ... Проводят дни свои в благополучии и мгновенно сходят в могилу, при этом говорят Богу – отойди от нас, мы не хотим знать путей Твоих! ... Видишь, их благо не от их рук. Часто ли гаснет светильник у беззаконных или приходит к ним беда...? Они должны бы быть как соломинка..., уносимая вихрем. Скажешь, что Бог бережёт несчастье для его детей? – Пусть Он воздаст ему самому, чтобы он это знал!

Иов в глазах соперников говорит дерзость, однако такой трезвый взгляд характерен для всех здравых людей. Его противники заражены какой-то новой модой, недавно возникшей, однако же захватившей уже многих, ханжеской по сути, когда зло громко порицается всеми, все изображают из себя добрых праведных людей, но все эти же самые люди внутри себя позволяют себе какие-то порции зла как приправу к пресной праведности... Это уже не праведный мир, но они тешат себя тем, что раз они вслух осуждают каких-то явных неумеренных грешников, то сами от этого уже чисты и святы. И теперь они пытались и Иову закрыть мозг, парализовать здоровое полноценное видение реальности. Они возмущены внутри себя, впрочем, наверно даже и показывают своё негодование, но Иов должен говорить то, что говорит, невзирая на лица. Он делает лишь одну оговорку, своего рода защитное заклятие – "совет нечестивых – будь далёк от меня", означающую "то, что я говорю, это о том, что думает мой враг, но не я", потому что эти лицемеры могут приписать ему к защите нечестивых ещё и их идеологию. Если уж этот путь выгоден, то ведь человеку свойственно следовать выгоде – значит Иов, видя выгоду в зле, уже это зло и выбрал. Но оговорка не помогает, его уже давно приписали к заядлым грешникам и его теперешние слова лишний раз это им подтверждают.

Иов видит их возражения, которые рождаются у них по ходу его речи, и отвечает на них, когда вопроса ещё не прозвучало.

Знаю я ваши мысли и ухищрения, которые вы против меня сплетаете. Вы скажете – где дом князя, и где шатёр, в котором жили нечестивые?

Искусство спора уже тогда, да и намного раньше, уже умело сбивать с толку требованием "доказательств в студию". Но его не сбить, у него готовы подобные аргументы.

Разве вы не спрашивали у путешественников, незнакомы с их наблюдениями? Что в день гибели (именно) злодей бывает пощажён, в день гнева он отводится в сторону?

И заканчивает их разгром (правда, не признаваемый ими):

Как же вы хотите утешать меня пустым? В ваших ответах остаётся только ложь...

Третья речь Елифаза

Похоже, что Иов, ответив на возникающие у них аргументы, прочитанные в их реакции, сбил прицел Елифазу, к кому перешла очередь говорить. Но Елифаз пока справился. То есть как справился – по правилам диспута мудрецов считался проигравшим тот, кто не нашёл слов, достаточно связных, то есть хотя бы как-то ответить, но без запинок. Но не успев найти новые аргументы, он выдал без подготовки вещи довольно сомнительные. Думаю, что его друзья могли покоситься на него. Хотя они и сами, скорее всего, думали точно также, но вот говорить это вслух пока не следовало, это вещи исключительно для личного употребления и среди своих... Бывают такие "тайные знания", за которые, если высказать их вслух, обязательно огребёшь проблем от своих же, осудят как еретика – и это я говорю не о истинах Библии и Бога, а о вещах, оправдывающих тайные грехи, которые Бог осуждает. Честным людям такие вещи не свойственны, но если в человеке завелась гниль, то она как раз и питается такими кривыми оправданиями, которые нетрудно разоблачить, но пока их никому не говоришь и не слышишь опровержений, то можно думать, что и прав... Елифаз выдал мысль, что праведник ничего не даёт Богу.

Посудите сами – взгляните на этот тезис, что человек не доставляет пользы Богу тем, что поступает праведно... Идею эту стоит обдумать получше, не так уж оно просто – Бог создал человека для каких-то целей, значит нужен и важен Ему. Если судить на физическом уровне, то и правда, это Бог даёт человеку, все ресурсы принадлежат Ему уже потому, что Он же и создавал всё это, так что человек Ему много добавить не может принципиально. В этом плане идея верна. Но в то же время в Библии есть мысль, что человек может обкрадывать Бога, лишая Его славы своим поведением, принося бесчестие Ему как Изобретателю негодного и никчемного прибора или изделия. Но Елифаз упускает этот аспект бесславия Бога человеком, когда говорит – "что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен?" или что Ему нет выгоды от непорочности Иова. Как-то вывернуто у него получается это, оторванно от того, что сам Бог хотел бы от людей и что Он для них хотел бы сделать. Или в его представлениях Бог обладает каким-то совсем иным характером? Здесь лежит большая проблема, когда люди верят как будто в библейского Бога, однако наделяют Его каким-то совершенно другим характером. Да, из Библии выбраны многие случаи жёсткого обращения с противниками, но описывают ли эти действия Бога полностью? Односторонняя подборка создаёт ложную картину, искажает реальность вещей.

Разве может человек доставлять пользу Богу? – Разумный доставляет пользу себе самому.

Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода от того, что ты держишь пути твои непорочными? Неужели Он, боясь тебя, вступит с тобою в состязание, пойдет судиться с тобой?

Значит злота твоя велика, и беззакония твоим нет конца. Ты брал залогом от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду. Утомленному жаждой не подавал воды напиться и голодному отказывал в хлебе, а человеку сильному ты давал землю, и саноуи-тый селился на ней. Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками. За

то вокруг тебя петли, и возмущил тебя неожиданный ужас, или тьма, в которой ты ничего не видишь, и множество вод покрыло тебя.

Елифаз приписал Иову, что он, настаивая на своей невинности, обвиняет Бога, что Тот из какого-то опасения нападает на него, будто бы именно праведность Иова становится угрозой Богу – невозможная идея для знающих Библию, но близкая язычеству³¹. Правда, развития эта мысль не получает, Елифаз переходит на более знакомую и близкую ему дорогу – Иов получает заслуженное, и вываливает на него кучу обвинений. Если поначалу они касались этой темы осторожно, то теперь уже говорят об этом как о факте, доказанном и установленном.

Кроме этих обвинений происходит одна странность – Елифаз повторяет якобы произнесённое Иовом, однако у того нет таких слов и выражений...

*... Ты говоришь – что знает Бог? И что может ли Он видеть сквозь мрак...?*³²

Однако же как удобно – вложил в уста противнику то, что выгодно тебе, какую-нибудь оплошность или даже ересь, и критикуй, как тебе надо, лепи образ врага. И неважно, что человек этого не говорил, рядом только свои, поддержат всё... Иов мог сказать лишь то, что человеку не пробраться сквозь облако и мрак или расстояние, это реальность, но у него могла лишь звучать тема, что это ему, Иову не преодолеть эти преграды, но о Боге ничего этого не было. И эти люди хотели чему-то научить Иова? Или может быть, к некоторому извинению – они плохие слушатели и просто потеряли смысл сказанного? Когда Иов говорил, они в это время думали свои мысли и уловили только краешек смысла? Разве только это может немного извинить их, но тогда возникает вопрос о качестве их как наставников и знатоков... Куда не кинь, везде клин получается.

Затем Елифаз повторяет выражение Иова – "совет нечестивых – будь далёк от меня". Иов оспорил их слова о том, что отступники живут долго и счастливо, и сделал это достаточно убедительным образом, и Елифаз хочет ему возразить. Только почему-то он приводит в пример как раз допотопных жителей Земли, говоря, что они были истреблены "преждевременно" – но ведь это "преждевременно" на деле тянулось более столетия! Очень неудачный пример, который свидетельствует в пользу Иова, а не его. Говоря о них, он тоже упоминает, что Бог наполнял дома тех отступников добром, и повторяет вслед за Иовом это заклинание, долженствующее показать, что он не хочет следовать их примеру или той выгоде, что использовали они. Ему понравился ход Иова, и он не преминул им воспользоваться, это как будто был смелый, на грани фола, ход, и при первой же возможности он его вставляет в свою речь (не знаю, новое ли это выражение для них или уже существующее ранее). Подняло ли это его авторитет перед остальными его соратниками, неизвестно, они могли расценить это как подражание противнику, но могли отнестись и более благосклонно – зависело от настроения.

Видели праведники и радовались, и непорочный смеялся им. Враг наш истреблен, а оставшееся после них пожрал огонь.

Елифаз выдал здесь ещё одну примечательную вещь, весьма характерную для религии Вавилона, той, что породила множество проблем³³ в этом и так падшем мире:

Видели праведники, и радовались, и непорочный смеялся над ними...

31 В язычестве можно встретить идеи, что сильный человек может оказаться конкурентом богам, и святость с совершенством тоже могут причинить беспокойство небожителям...

32 Иов 22,13

33 Откр.17,5-6; 19,2 И на лбу её написано имя: тайна, Вавилон великий – мать блудницам и мерзостям Земли... пьяна кровью святых и свидетелей Иисуса, ... которая развратила Землю

Когда гибнет враг, то тот, кто испытывал от него угрозы и был в опасности от его действий, вполне может радоваться, и даже веселиться и праздновать – имеет полное право. Однако же приписывать Ною насмешку над гибнущим растленным человечеством неверно. Будь это правильно и делай так Иов, то Библия бы отметила этот факт, но ничего этого нет в той истории. Елифаз сочиняет это, испорченность уже в те, недалёкие от Потопа времена, искажала устные предания. Ной или его дети могли отходить в ковчеге от целой недели насмешек (если помните, то дождь начался неделю спустя после того, как все вошли в ковчег и он был закрыт), но это не было злорадством над гибнущими людьми. Да и было ли такое вообще? Мы можем видеть, как друзья Иова раскрывают одно за другим искажения, подхватываемые потом подобными им людьми. Когда-то здравую религию уже захватывали чуждые принципы, искажающие и Бога, и человека.

Заканчивает Елифаз как бы дружелюбно, то есть предлагая Иову разоружиться, вернуться к Богу и всё снова станет в его жизни великолепно... Он тратит немало красноречия на описание красивой жизни после этого.

Иов. Третий ответ Елифазу

Иов не раз показывал друзьям их лицемерие и пытался объяснить, как нормальным людям, что они неверно понимают его ситуацию, но теперь он, кажется, оставил надежду вразумить их. Он не стал сейчас отвечать Елифазу на его ошибки и неверную постановку вопроса, только вздохнул, как бы говоря, что мало ему стараний изнутри, так ещё и снаружи его обложили:

Всё ещё горька речь моя, мои страдания тяжелее моих стонов...

У них он уже не надеется найти понимание, и теперь обращает свои надежды вверх. Ему очень хочется увидиться с Ним и понять из Его объяснений, что же случилось.

Если бы я знал, где найти Его и мог подойти к трону Его! Я изложил бы перед Ним дело моё, наполнил бы рот мой оправданиями, и узнал бы, чем Он ответит мне...

Неужели Он в Своём могуществе стал бы состязаться со мной? О, нет, пусть только обратил бы на меня внимание. ... И я навсегда бы получил свободу от Судьи моего...

Он мечтает, и его дух взлетает, окрылённый и мечтой, и своей правотой, зная, что между ним и Богом нет на самом деле преград.

Но вот я иду вперёд, и нет Его, назад – и не нахожу Его... Но Он знает мой путь, пусть испытает меня – выйду как золото. Моя нога твёрдо держится пути Его...

В самом недалёком будущем он получит ответы на многое, однако не знает об этом, а надежда всё-таки не есть реальность. Его реальность всё ещё ужасна, и никто не может ему ничем помочь, только сделать ещё хуже. Поэтому несмотря на всю его уверенность в себе и Боге, он в сильном стрессе от всех своих болей и потерь:

Кто отклонит Его? Он делает то, что хочет. И Он выполняет назначенное мне, и у Него много такого, поэтому я ... страшусь...

Упав духом от этих размышлений вслух, он всё же не зависает в депрессии, и это чудо. Его мысль перескочила на внешние проблемы, которые часто случаются у всех людей, кому не повезло попасть под руку нечестных или злых:

Почему ... знающие Его не видят дней Его?

Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя; у сирот уводят осла и у вдовы берут в залог вола; бедных сталкивают с дороги и униженные вынуждены скрываться...

Эта длинная тирада описывает пострадавших и безнаказанность преступников. Не то, чтобы они совсем безнаказанны, но когда некому ими заняться, то в этой жизни не все из них призываются к ответу. Иов не спрашивает у Бога, почему это так, нет, он своим друзьям пытается разрушить их наивные мечтания о реальности, помочь снять их розовые очки и надеется, что делает это не зря.

Лёгко такой на поверхности воды... не смотрит он на дорогу виноградников

Эти люди могут выжить там, где гибнут обычные люди, они не стремятся создавать ценности, не занимаются земледелием, но отнимают их у тружеников. Это проклятая участь. Хотя Иов вроде бы стремится разрушить друзьям их упрощённое понимание справедливости Бога, однако он не говорит, что плохие люди совсем безнаказанны, их наказание лишь отсрочено. Иов говорит о их ненормальности, о сломанности их жизни и жуткой участи, неизбежно, неизменно ожидающей их. Во многом здесь Иов соглашается с друзьями в словах, говорит сходными выражениями – это возможность для его друзей прийти к соглашению и к миру на базе здравых начал, но в заключение он бросает им вызов:

Засуха и жара поглощают снежную воду, так преисподняя – нечестивых. Пусть забудет его утроба матери; пусть лакомится им червь; пусть не останется о нём памяти...

... Он встанет – и никто не уверен за жизнь свою. А Он даёт ему всё для безопасности, и он на то опирается...

Если это не так – кто обличит меня в лжи и обратит в ничто речь мою?

Он говорит этим – да, я согласен с вами, что плохим людям приготовлена недобрая участь, однако не сразу, и пока эти люди живут, они опираются на те же дары Всевышнего, что и все добрые люди, и до поры до времени Бог "даёт ему всё для безопасности", чтобы люди не выбирали правду и добро ради выгоды, ставит людей в одинаковые условия... Примут ли это его соперники по диспуту? Допустят ли хотя бы какую-то правоту понятий Иова, поправят ли свои взгляды?

Третья речь Вилдада

У Вилдада речи, вообще-то, не получилось. Всё, на что его хватило, это пять предложений. Может быть, правда, он сознательно ограничился короткой речью – короткое слово позволяет хорошо оттенить то, на что хочешь сделать ударение. А на чём он делает ударение, из его слов яснее ясного – человек в принципе не может быть правым перед Богом. А раз так, то и Иов, как бы он ни претендовал на правоту и чистоту рук, обязательно виноват. То, что при этом они тоже оказываются нечисты, его как-то не волнует, он не допускает такого ни на миг, это всегда о других. Когда виноваты все вокруг, то такое положение кому-то оказывается выгодным, это та мутная вода, в которой легче ловить свою рыбку охотникам за душами человеческими. Большинство лжеучителей активно используют такой подход – легко затыкать рты тем, кто стремится вверх и в силу этого подмечает нестыковки позиции руководства с тем, что дают источники. Но может быть он говорит коротко потому, что ничего другого не осталось, продолжать было нечем, кроме как повторить намёк непонятливому Иову, что он виноват потому, что не может быть невиноват.

Держава и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих! Есть ли счет воинствам Его? И над кем не восходит свет Его?

Начинает он высокопарно, и переходит к главному тезису, повторяя уже прозвучавшую от Елифаза новомодную ересь из тёмного откровения.

И как человеку быть правым пред Богом, и как быть чистым рожденному женщиной? Вот даже луна, и та несветла, и звезды нечисты в глазах Его, тем менее человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль.

Не знаю, как он закончил речь – уверенно ли, подавляя Иова тайным знанием, либо неловко оборвал речь, потеряв нить едва начав, понимая неудобство слишком короткой речи, как будто он ребёнок, не умеющий ещё связывать слова в осмысленные фразы, которому не место во взрослом разговоре.

Иов. Третий ответ Вилдаду

Как бы ни закончил Вилдад, уверенно или скомканно, Иов не упускает показать слабое место противника.

Как ты помог бессильному, поддержал слабого!

Можно прочитать ещё примерно так: "это ты так помогаешь слабому?" Он напоминает, для чего они пришли к нему – поддержать жертву обстоятельств, а не судить. Даже если бы их друг пострадал из-за действительной ошибки или даже и преступления, друзьям свойственно выражать сочувствие, а не повторять доводы судьи. Если они сочувствуют другу, это ещё не есть поддержка его ошибки, и даже эти простейшие человеческие скрепы служат добру, облагораживанию человека, если, конечно, они сознательно не поддерживают его в зле, вместе противостоя добрым людям или законам. Но в данном случае, друзья Иова считают даже сочувствие пострадавшему другу соучастием в его воображаемых преступлениях. Что-то инквизиторское было в этом, дьявольское.

Потом Иов, поддержав начальные слова Вилдада о силе и красоте дел Бога, продолжил его мелодию и выдал поток красноречия на эту тему, высказывая между делом вещи, еретические для средневековой науки, зато довольно современные сегодня.

Рефаимы трепещут под водами, и живущие в них. Преисподняя обнажена перед Ним, и нет покрывала Авaddonу. Он распростер север над пустотой, повесил Землю ни на чём.

Он заключил воды в облаках Своих, и облако не прорывается ими...

Вот это части путей Его, и как мало мы слышали о Нём! А гром могущества Его кто может понять?

Судя по тому, что в конце Бог говорил из облака, и при этом было сильное ненастье, то трудно предположить, что облака собирались над ними уже сейчас. Иов как раз описывает то, что видит вокруг, и прогремевший гром вошёл в его речь органично. Может быть сам гром не является большой загадкой, но если подумать, что в этих облаках к ним приближался Бог, чтобы лично послушать, а потом и поучавствовать в их диспуте подобно человеку, то может быть случайно Иов высказался о загадочности этого грома, ощутив, что всё то неспроста, хотя внешне не было отличий от обычной непогоды. Разве что тучи собирались в неурочное для такой погоды время, но данных о времени года в этой книге не имеется.

Иов на мгновение перевёл дух, но показывал, что его речь ещё не окончена, и, продолжая говорить, возвратился ненадолго к теме несправедливости, случившейся с ним, как он считал, от Бога, но уже не поминает о своей боли и страданиях:

Жив Бог, лишивший меня суда, ... огорчивший меня, что, пока ещё дыхание моё во мне и дух Божий в ноздрях моих, не скажет неправды рот мой и язык мой не произнесёт лжи. Я далёк от того, чтобы признать вас справедливыми – умру, но не уступлю моей непорочности. ... Враг мой – как нечестивец, и восстающий на меня – как беззаконник.

В доказательство своей невиновности он приводит один аргумент, который его друзья в порыве обвинения упустили – никакой преступник не стал бы идти к судье, когда на него есть прямые улики, когда судья лично знает о сделанном и даже сам видел, как всё происходило:

Какая надежда лицемеру, когда Бог возмётся за него? Услышит ли Бог его, когда придёт на него беда? Будет ли Он утешаться Вседержителем и звать Его...?

После этого он ещё раз говорит об отношении Бога к людям, делающим зло, желая избавить своих друзей от благоглупостей, что грехи наказываются сразу по мере их совершения. Внешне он почти повторяет речи друзей, что должно было успокоить их, что он не защищает делателей зла:

Возвещу вам, что в руке Божией; что у Вседержителя, не скрою. Вот, все вы и сами видели; и для чего вы столько пустословите?

Вот доля человеку беззаконному от Бога, и наследие, какое получают от Вседержителя притеснители:

Если умножаются сыновья его, то под меч; и потомки его не насытятся хлебом. Оставшихся по нём смерть низведет в гроб, и вдовы их не будут плакать. Если он наберет кучи серебра, как праха, и наготовит одежду, как грязи, то он наготовит, а одеваться будет праведник, и серебро получит себе на долю беспорочный. Он строит, как моль, дом свой и, как сторож, делает себе шалаш; ложится спать богачом и таким не встанет; открывает глаза свои, и он уже не тот. Как воды, постигнут его ужасы; в ночи похитит его буря. Поднимет его восточный ветер и понесет, и он быстро побегит от него. Устремится на него и не пощадит, как бы он ни силился убежать от руки его. Всплеснут о нём руками и посвищут над ним с места его!

Иов, кажется, в ударе. Его вдохновение разгорелось, и его речь не может закончиться, он не хочет тратить время на злых людей, и переходит на гораздо более достойную тему – возможностях человека, которые раскрывают также и Того, кто этого человека создал. Он говорит на темы ресурсов планеты, о геологии и добыче металлов и других ценностей.

Так! У серебра есть источная жила, и у золота место, где его плавят. Железо получается из земли; из камня выплавляется медь.

Человек полагает предел тьме и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной. Роят рудокopный колодец в местах, забытых ногай, спускаются вглубь, висят и качаются вдали от людей.

Земля, на которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем. Камни её – место сапфиров, и в ней песчинки золота. Дороги туда не знает хищная птица, и не видел её глаз коршуна; не попирали её львы и не ходил по ней шакал.

На гранит налагает он руку свою, с корнем опрокидывает горы; в скалах просекает каналы, и всё драгоценное видит глаз его; останавливает течение потоков и сокровенное выносит на свет.

Задолго до советских пропагандистов Иов воспел силу человека, поворачивающего вспять реки, однако же показал и кое-какой предел, куда ничто не может проникнуть – мудрость. Сама по себе работа мозга, анализирующего информацию, когда простые атомы углерода, водорода и другие с ними, через изоощрённые алогиритмы производят электрические сигналы, и это всё поставлено на службу мысли и чувству. Сами собой программы не пишутся, да и сложность физической организации жизни начисто исключает самопроизвольное её и зарождение и развитие. Один только разум весьма, за пределами сложен для разработки, не говоря уже о самозарождении, но мудрость ещё на порядок сложнее. Мало создать разум, способность к мысли, надо ещё, чтобы он работал правильно, осознавал всё как есть, не множа ошибки.

Не знает человек цены её, и она не обретается на земле живых. Бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня. Не даётся она за золото и не приобретается за вес

серебра; не оценивается она золотом офирским, ни драгоценным ониксом, ни сапфиром; не равняется с ней золото и кристалл, и не выменяешь её на сосуды из чистого золота. А о кораллах и жемчуге и упоминать нечего, и приобретение премудрости выше рубинов. Не равняется с ней топаз эфиопский; чистым золотом не оценивается она .

Откуда же исходит премудрость? И где место разума? Скрыта она от взоров всего живущего и от птиц небесных утаена.

Аваддон и смерть говорят: ушами нашими слышали мы слух о ней .

Бог знает путь её, и Он знает место её, так как Он видит до концов земли и под всем небом.

Когда Он ветру полагал вес и располагал воду по мере, когда назначал устав дождю и путь для молнии громоносной, тогда Он видел её и явил её, приготовил её и ещё испытал её. И сказал человеку: вот, страх Сущего есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум.

Иов не служитель культа, хотя по патриархальному порядку в своём доме он священник как глава семьи. Поэтому ему нет нужды покорять какие-то массы народа и запугивать их Богом, так что слово о страхе указывает не на страх за жизнь или ужас перед кем-то смертоносным, но на уважение и благоговение перед высшими материями. И тем более, когда он говорит о действительных возможностях ума Бога, то эти слова не могут означать, что всё, что может умного сделать человек есть дрожать перед высшим существом из страха провиниться перед ним. Уважение к Богу есть по Иову начальная ступень, с которой начинается обретение ума, знаний и высших достижений на этом пути. Умения рук и тела обеспечиваются также прежде всего мозгом, без его работы бессмысленны тренировки, так что мозг и его возможности должны бы цениться нами высоко.

Друзья всё же укрепили Иова, причём не желая этого, преследуя как раз противоположную цель... Не утешили, но своими подозрениями не дали ему прозябать в унынии, пробудили его бойцовский дух. Он не обиделся на Бога, которого считал виновным в своих проблемах, однако же когда друзья предали его, обвиняя всего лишь из-за своей глупой теории в каких-то неизвестных грехах, это подвигло его, пусть и через негатив, он стал сражаться за справедливость, бороться за своё честное имя. И когда он взлетел ввысь, то даже физические страдания оставили его. Он перешёл на воспоминания молодости и времён, когда был в полноте своей силы и успеха. При этом, летая на крыльях вдохновения, чувствует себя почти тем же удальцом, отрешаясь от текущего своего состояния. Так работает вера...

Продолжение речи Иова – славное прошлое

Иов не мог остановиться. В диспуте мудрецов каждый высказывал свою долю тех или иных размышлений и знаний, облечённых в форму высокой речи. Время, судя по всему, не было ограничено, и если человек имел что сказать, то мог говорить долго. Это не утомляло, как утомляют речи людей, лишённых вдохновения, или хуже того, законсервированные на бумаге, даже если она произносится в первый раз. Живая поэзия не утомляет, даже если философ или мудрец где-то неправ. Правда, не знаю, что ощущали друзья Иова – вряд ли они были счастливы от лицемерия нарастающего потока вдохновения. Они ощущали своё поражение. Сейчас Иов говорит дольше всех соперников и дольше, чем говорил до сих пор, но его разум ещё полон замыслов, его мысль заглянула далеко и захватила много вещей, которые нужно было сказать. Это Бог из тени поддерживал Своего верного сторонника и защитника. Я даже думаю, что болячки Иова в это время перестали причинять ему боль и зуд, он начал выздоравливать. Скоро его ожидали сюрпризы, хотя испытание ещё не совсем закончилось, но резервов у Люцифера уже почти не оставалось.

Иов перешёл к описанию своей жизни, какой она была до болезни, от молодости до недавних дней. Он предстаёт весьма и весьма сильным и влиятельным человеком, однако при этом надёжным защитником всякого, кто обратился бы к нему. Это человек с княжескими полномочиями, однако даже не будь он одним из главных в народе, и без всяких званий его сила могла бы вознести его высоко. Мне кажется, что эту двадцать девятую главу можно рекомендовать читать людям в депрессии или, может быть, слабым людям в качестве ориентира успешности и личностного роста.

О, если бы я был, как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня, когда светильник Его светил над моей головой, и я при свете Его ходил среди тьмы; как был я в дни молодости моей, когда милость Бога была над шатром моим, когда ещё Вседержитель был со мной, и дети мои вокруг меня, когда ... скала источала для меня ручьи елеля!

Когда я выходил к воротам города и на площади ставил седалище свое, то юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли; князья удерживались от речи и пальцы ложили на губы свои; голос знатных умолкал, и язык их прилипал к гортани их.

Ухо, слышавшее меня, ублажало меня; око видевшее восхваляло меня, потому что я спасал кричащего страдальца и беспомощного сироту. Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы я доставлял радость.

Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия...

Я был глазами слепому и ногами хромому; отцом был я для нищих, и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно. Я сокрушал челюсти беззаконному и из зубов его выхватывал похищенное.

И говорил я: в гнезде моём скончаюсь, и дни мои будут многи, как песок; корень мой открыт для воды, и роса ночует на ветвях моих; слава моя не стареет, лук мой крепок в руке моей.

Внимали мне и ожидали, и безмолвствовали при совете моём. После слов моих уже не рассуждали. Речь моя капала на них – ждали меня, как дождя, и, как дождю позднему, открывали рты свои. Бывало, улыбнусь им – они не верят...

Не один я замечал, что людей, побывавших на вершине жизни или испытавших большие успехи, да хотя бы и не большие, но вытекающие из их собственной силы и деятельности, труднее сломить и разочаровать, чем тех, кто не изведал своей силы и успеха. Иов был весьма примечательной личностью, само то, что люди не смели его перебивать и замолкали, если он хотел говорить, хотя это как будто и не грозило им опасностью, как бывает от тирана, говорит о многом. Вся эта его сила и его успех коренилась в связях со Всевышним, именно оттуда происходило всё замечательное, что он имел. Он жил этим и связывал с Богом всё в своей жизни. Я не хочу сказать, что избегающий контактов с Богом не может достигать подобных же успехов, однако это были бы успехи не в тех же делах, не на том же поле, где добыл славу Иов, и при крахе, который случился с Иовом, человек другого характера, не праведный и не имеющий связи с Истоком, при такой же антиподдержке среды, имел бы совсем иные шансы продержаться. Неудивительно, что имея всяческий успех и процветание из этого источника, он не терял духа и при потерях. Он настолько глубоко проникся связями с Истоком мира, что даже потеря детей или своего здоровья не поколебали его. Чтобы достать его, дьяволу пришлось причинить ему много мучений, не столько боли, сколько унижений и неудобств, чтобы через тело повлиять на его эмоции. Да, как ни прочен человек, но его ресурсы не бесконечны, и Иов испытал упадок и депрессию, по силе не меньшую, чем прежние успехи. Но больше дьявол причинить не мог, как может влиять на тех, кто не знает Бога как Источник бытия и всего в человеке. Влиять напрямую на психику, наво-

дить эмоции он может лишь тем, кто находится под его руководством и влиянием, но Иов не отдавал ему управление собой, поскольку продолжал держаться Бога, хотя и имел к Нему вопросы, пусть даже и очень жгучие. Когда Иов не выпустил вожжи из рук, хотя и позволил себе было речи отчаяния, Бог со Своей стороны поддержал его вдохновением, и через это даже его болезнь стала исчезать, поскольку в его здоровом и сильном теле просто не было достаточно вредных веществ для недугов. Всё, что мог сделать дьявол, это искусственно, силовым воздействием исказить процессы в теле, но контакт Иова с Богом и вдохновение, подаренное верному защитнику Его престола, сейчас нейтрализовало эти помехи. После этого, мне усиленно кажется, дьявол уже не смог вызывать болезнь в Иове, и его тело начало понемногу восстанавливаться.

Иов. Продолжение речи. Настоящее

Картины славного прошлого исчерпались, и Иов возвращается к текущему положению вещей, однако же уже не испытывает болей и неудобств. О всём плохом он говорит теперь более отстранённо, как бы вспоминая прошедшее, почти нет жалоб, которые часто встречались прежде. Он не возвращается в болезнь, она заметно утихла. Но зато кроме телесных ощущений он описывает прежде не упоминавшиеся детали. Некоторые исследователи говорят, что отверженные дикари-изгои, о которых он рассказывает, являются теми, кого называют неандартальцами.

А теперь (после почти царского положения) смеются надо мной младшие меня годами, которых отцов я не согласился бы поместить с псами моих стад (чтобы не испортили собак плохим примером)...

Бедностью и голодом истощённые, они убегают в степь безводную..., щиплют зелень кустов, и ягоды можжевельника – хлеб их. Из общества изгоняют их, кричат на них, как на воров, чтобы жили они в рывинах потоков, в ущельях земли и утесов. Ревут между кустами, жмутся под терном. Люди отверженные, люди без имени, отребье земли! Их-то сделался я ныне песней и пищею разговора их.

Не во всех обществах убивали слабых или чем-то неправильных людей, их изгоняли из селений, и они, теряющие связь с большим телом общества, вырождались ещё больше, в том числе их язык упрощался и нравы огрублялись и дичали. Может быть в других древних книгах тоже есть описания подобных людей и сообществ, не могу сейчас привести, да и нет такой цели. Эти люди, описывает Иов, приходили к нему поглумиться, над тем, кто стоял высоко, а теперь стал почти одним из них. Они даже угрожали ему, сбивали с ног, но видимо, им хватило удовлетворения от его унижения, либо же кто-то из селения вступался за него.

Иов ещё немало слов потратил на описание контраста прежнего и нынешнего своего положений:

Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако. И ныне изливается душа моя во мне, дни скорби объяли меня. Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя. С великим трудом снимается с меня одежда моя; края хитона моего жмут меня.

Он бросил меня в грязь, и я стал, как прах и пепел. Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне, – стою, а Ты только смотришь на меня. Ты сделался жестоким ко мне...

Не плакал ли я о том, кто был в горе? Не скорбела ли душа моя о бедных? Когда я ожидал добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма. Мои внутренности кипят и не перестают; встретили меня дни печали. Я хожу почерневший, но не от солнца; встаю в собрании и кричу.

Я стал братом шакалам и другом страусам. Моя кожа почернела на мне, и кости мои обгорели от жара. И кинор³⁴ мой сделался унылым, и свирель моя звучит голосом плачевным.

Иов. Правота – доказательства и заклятия

Он не мог закончить печальным настоящим. Снова он обращается к очевидным, казалось бы, для всякого разумного человека, аргументам о своей невинности.

Я установил с глазами своими уговор, чтобы не помышлять о девице. ...

Не для нечестивого ли гибель, и не для делающего ли зло напасть? Не видел ли Он пути мои, и не считал ли все мои шаги?

С таким мироощущением нарушать что-либо довольно трудно, в самом деле, только верят ли ему те трое?

Если я ходил в суете, и если нога моя спешила на лукавство, – пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность.

Здесь Иов уже начинает заклятия. Хотя "весы" и Бог здесь пока ещё не присутствуют явно, и для друзей Иова это не доказательство, но заклятие могло бы заставить задуматься, далеко не всякий лжец осмелился бы призвать на свою голову явное проклятие.

Если стопы мои уклонялись от пути и сердце мое следовало за глазами моими, и если что-либо нечистое пристало к рукам моим, если сердце мое прельщалось женщиной и я строил козни у дверей моего ближнего, – то пусть моя жена мелет на другого, и пусть другие издеваются над ней, потому что это – преступление, это беззаконие, подлежащее суду.

Снова заклятие, Иов перешёл к самым сильным формам доказательства своей невинности. Если кто-то бы сомневался, что Бог далеко, то подставить свою честь в лице жены и семьи более осязаемо. Дальше Иов употребляет и более чувствительные заклятия, направленные уже на себя.

Если я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мной, то что стал бы я делать, когда бы Бог восстал? И когда бы Он взглянул на меня, что мог бы я отвечать Ему? Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его, и одинаково образовал нас в утробе?

Отказывал ли я нуждающимся в их просьбе и томил ли глаза вдовы? Один ли я съедал кусок мой, и не ел ли от него и сирота? С детства он рос со мной, как с отцом...

Если я поднимал руку мою на сироту, когда видел помощь себе у ворот, то пусть плечо мое отпадёт от спины, и рука моя пусть отломится от локтя, потому что страшно для меня наказание от Бога.

Радовался ли я гибели врага моего и торжествовал ли, когда несчастье постигало его? Я не позволял языку моему грешить проклятием души его.

Странник не ночевал на улице; двери мои я открывал прохожему.

О, если бы кто выслушал меня! Вот мое желание, чтобы Вседержитель отвечал мне, и чтобы защитник мой составил запись. Я носил бы её на плечах моих и возлагал бы её как венец;

Если вопила на меня земля моя и жаловались на меня борозды её; если я ел плоды её без платы и отягощал жизнь земледельцев, то пусть вместо пшеницы вырастает волчец и вместо ячменя куколь.

На этом Иов закончил своё возвышенное выступление. Аплодисментов, думаю, слушатели его не удостоили, хотя в любом другом месте ему бы рукоплескали стоя. Последний оратор от

них, Вилдад, едва сумел связать несколько обвинительных фраз, а Софар, чья очередь была говорить, даже не попытался открывать рот, ощущая неспособность высказать что-либо значимое. Писавший книгу Иова говорит, что они перестали отвечать потому, что Иов был слишком прав в своих глазах. Такой субъективный подход, как будто бы Иов реально прав не был, а только перед самим собой, однако же у его друзей с этим было ещё хуже. Однако, кроме ощущения неправоты Иова, у них не было, чем обосновать свои подозрения, никаких идей, поэтому лучше было молчать, любая попытка говорить вела бы их к публичному позору – не можешь, не начинай. Да и вдохновения у них не осталось ни капли, всё перетянул на свою сторону Иов, точнее Бог, не желавший дать им, потерявшим смысл, глумиться над несправедливо пострадавшим другом. Иов не был прав полностью, но он был готов выслушать реальное обличение.

Последняя попытка Люцифера. Шут в трагедии

Вокруг диспута мудрецов, по идее, должна была собраться толпа. Правда, Иов выбрал себе место не в селении, однако же это место было достаточно близко, чтобы жители его могли видеть группу людей, неделю назад пришедших к больному Иову и ведущих теперь с ним напряжённые и непростые разговоры. О простых зрителях не говорится ничего, однако же один из толпы вышел на сцену и обратил на себя внимание. Это был человек ещё молодой, и не только по меркам пожилых людей, он и сам говорит о своей молодости и несравнимости по статусу с Иовом и его друзьями-соперниками. Но при этом он любитель непростых вопросов, хотя ещё и не проник мыслью во всё, что нужно для того, чтобы называться мудрым. Он в чём-то разобрался, но многое больше прочувствовал, чем понял, и это подвело его. Он не был готов к тому, во что вовлекла его поспешность и горячность природы. Он всё же не мыслитель, а спорщик, подобно большинству тех, кто кажется себе многознающим экспертом. Недозрелым мыслителям часто кажется, что они превзошли пожилых, им не без оснований кажется, что те могут уже забыть то, что когда-то открыли и поняли, а они, свежие и остро чувствующие, уже в силу этого знают больше. В общем, этот молодой человек был у Люцифера в запасе – если не сработает заранее остро заточенное оружие философии, то дело завершит импровизация тяжёлой дубины эмоций и напора.

Мысль Елиуя, так его звали, не была выверена жизнью, его мышление формально и следует штампам, почему он не мог допустить мысли, что Иов может быть невиновен с такими обрушившимися на него бедами – ну не мог же справедливый Бог просто так, ни за что, напустить их на него! Вся картина мира рушится, если допустить такое! Пропуская из-за такой жёсткой установки оправдания Иова мимо сознания, он переживал за неудачи обвиняющей стороны. Ему было непонятно, из-за чего спорящие с Иовом потеряли вдохновение и замолчали. Он даже высмеивает их за это. Для него это было проблемой, и его голова начала закипать от возмущения и более чётких, как ему казалось, возражений на аргументы Иова, которых ему не светило высказать, и вдруг, когда после Иова никто не смог продолжить, предоставилась такая возможность. Со стороны, конечно, всегда виднее...

Подождав немного, может быть Софар всё же соберётся с духом и выдаст что-нибудь такое, что Иов бы разрыдался и покаялся и признался, что он там до сих пор скрывал, Елиуй увидел, что продолжения с их стороны не будет. Они выдохлись, заряда к спору у Софара не было, он отказывался и разводил руками на взгляды друзей, и тогда Елиуй вдруг ощутил, что мог бы продолжить за них, за всех сразу. И он сделал шаг вперёд, или сколько там было нужно, чтобы попасть в круг участников. Думаю, по сути диспута, вряд ли он мог быть открытым, чтобы кто-то из зрителей мог выступить в нём в поддержку кого-либо. Поэтому выход Елиуя мог вызвать недоумение многих. Пока он стоял в стороне и кипел от гнева и возмущения, его мало кто замечал, он и сам был рядовым здесь, но теперь, когда появилась возможность говорить и сказать всё, что накопилось, его увидели по другому. На десяток или два минут он оказался в центре вни-

мания, хотя некоторые быстро разочаровались, но для кого-то он сравнился по значимости с мудрецами, рядом с которыми мало кто осмеливался открывать рот. Его гнев вдруг стал значимым и мог обжигать тех, на кого был направлен. Слова Иова о низких вырожденцах, грозящих его уединению и существованию в месте его страданий, получили некоторое продолжение – хотя Елиуй был из нормальных людей, но он со своими познаниями должен был ещё учиться и учиться, а не стоять здесь и поучать, однако тёмная сила сейчас выдвинула последний свой резерв. В месте трагедийного действия появился шут. Хотя трагедия с участием шута, пожалуй, гораздо трагичнее, особенно когда он на тёмной стороне?

Я молод летами, а вы старцы, поэтому я стеснялся ... объявлять вам моё мнение. Я говорил сам себе: пусть говорят дни, и многолетие поучает мудрости.

В его устах звучит уже некая насмешка, вроде того, что ждал и терпел он зря, они так и не сказали ничего достойного. Он оправдывает своё вмешательство в разговор изначальным равенством людей, когда и молодой может превзойти старца в мудрости (вполне может быть, тот же Иов смолоду проявил высочайшие качества, в том числе и ума).

Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду, поэтому я говорю: выслушайте меня, объявлю вам моё мнение и я.

Его речь местами сумбурна, нестройна, и это неудивительно, сам же и признаётся, дискредитируя себя, но вроде как даже гордиться этим, типа "мы академиев не кончали".

... ибо я полон речами, и дух во мне теснит меня. Вот, внутренность моя, как вино не-открытое – она готова прорваться, подобно новым мехам...

Выговорюсь, и мне станет легче...

Это явно не мудрец, не воспитанный в лучших традициях молодой человек, а скорее жлоб, не стесняющийся своей невоспитанности. Новая традиция? Пожалуй, он задал тон для подобных ему, хотя вряд ли это первый такой случай в истории человечества. Иов жаловался на боль и страдания, некоторые из друзей жаловались не неуважение со стороны Иова, но всё же выражали они это достаточно пристойно.

Следующие его слова тоже очень характерны:

На лице человека смотреть не буду и никакому человеку льстить не стану, потому что я не умею льстить: сейчас убей меня Творец мой.

То есть кому будет больно, терпите, ну вот такой я плохой. Не умею тактично говорить, и не собираюсь учиться этому. И ещё Творца пристёгивает клятвой к этому делу, как будто это качество достойно высшей награды. Предупреждение такое, типа хоть убейте меня, не могу (не хочу, и не собираюсь) действовать иначе? Я ни льстить, ни сдерживать язык не привык, если кого задену, извините заранее, не со зла, а просто вредный такой сразу... Или как раз "со зла", всё таки, нашедший в нравоучениях способ самоутверждения? В этом месте, думаю, и Люцифер поморщился. Век благородных людей заканчивался, золотой век человечества завершался. Иов уже был редкостью, Люцифер своими руками, вроде бы желая как раз обратного, пытался уничтожить последний образец высокого духа. Не получалось у него с игрой в высокий полёт, всё выходило разрушительным и катастрофичным. Его большая игра развивалась куда-то не туда, у змея потерялись не только крылья, но и ноги, оставалось пресмыкаться в нижних слоях, на дне общества, увлекая туда с собой всех.

После скомканного вступления Елиуй начинает с торжественного:

Слушай, Иов, речи мои и внимай моим словам.

Может быть он тоже из непростого семейства, что чувствует себя уверенно везде, но здесь всё же не то место, чтобы выступать как судья. А он себя предлагает ни меньше, чем заместителем Бога... Может быть, он сам не понимает, увлёкся игрой ума и возражениями Иову, и "я вместо Бога" произносит не ощущая смысла того, что сказал? Он предлагает своего рода репетицию, где у него главная роль. Но как он уверен, что Бог тоже будет вести дела именно так, как он? Какое же самомнение нужно для этого... Есть ли у него хоть какой-то грим, чтобы выглядеть как Бог, что может придать ему силу, сияние, внушительность Бога? Или Иов должен вообразить его Богом?

Кстати, в чём-то он вполне угадал, многие, читая эту книгу, считают, что этот молодой человек своего рода пророк, посланный Богом, даже его имя кажется тесно связанным с Богом, однако же такие совпадения никак не могут гарантировать ни от ошибок, ни от преступлений. Немного позже Бог будет говорить Иову очень похожие вещи, но отдельные совпадения не гарантируют общей правоты, у его друзей, заслуживших порицания от Него, тоже было много вещей, которые множество богословов любят цитировать. Но Бог, когда начал говорить, отпустил по поводу Елиуя очень уж нелестную реплику, больше не возвращаясь к нему, как к предмету, недостойному внимания.

Я слышал, как ты говорил – чист я, невинен, а Он нашёл обвинение против меня... поставил ноги мои в колоду...

Елиуй почти верно передаёт речи Иова, только насчёт того, что Бог "нашёл обвинение" – то был больше вопрос, чем утверждение, Иов и пытался понять, "за что" с ним всё это. И уверенно заявляет:

Вот в этом ты неправ.

И продолжает:

Потому что Бог выше человека. Для чего тебе состязаться с Ним? Он не даёт отчёта ни в каких Своих делах.

Как-то очень уж легко Елиуй оценивает случившееся – неужели он хочет сказать, что на эти беды и болезнь надо было смотреть легче, не реагировать? Любой ведь сказал бы – "за что это мне?" И сам бы он громче всех кричал об этом на его месте. Принять за закон, что с сильным не спорят? Если Бог сильнее всех и "отчёта не даёт", то уже и спрашивать бесполезно? Может и в себе не надо копать, пытаясь понять причины происходящего? Хорошо из спокойного места и сытости советы давать...

Если Иов где-то и был неправ, то уж не в том, что искал причину своих проблем, такое не ставят в вину нормальные люди, тем более небеса. Его неправота лишь в том, что он не подумал об обычаях людей, где на суде прав только один, а второй оказывается неправ автоматически, едва кто-то объявлен правым. К тому же из-за страданий и жажды справедливости он не учёл, что обращается как раз к Судье, а судья стоит над судом, он неподсуден, когда рассматривается дело. Одновременно жаловаться на кого-то, подавать жалобу Судье, когда этот Кто-то как раз оказывается Судьёй не совсем верно... Если и есть неправда у Иова, то лишь здесь. Елиуй, когда берёт на себя так неосторожно роль ответчика в его тяжбе, тоже не понимает этой тонкости – он вполне серьёзно пытается ответить Иову, забывая, что место Бога есть место Судьи.

Для чего было Иову "состязаться"? – он бы рад не состязаться, но желая узнать причины, случайно, без такого намерения поставил вопрос так, что это и правда оказалось неким вызовом на суд. Здесь Елиуй прав, но какое он обоснование приводит Иову о ненужности судебного состязания? – то, что Бог не даёт никому отчёта? Типа, не рыпайся на высокопоставленных? Но даже на Земле это совет неправильный, не верное основание. Эти слова означают, что простому

человеку правды не видать, против сильных суд не работает, это значит, что на Земле нет справедливости. И это же он хочет о Боге сказать? Что у Бога тоже нет справедливости? Серьёзно? Вот таких помощников Богу как раз не надо, кто нравы злых людей переносит ещё и на небеса. Понятия оказались искажены, Елиуй оказался примитивным затыкателем ртов у искателя правды, а не знатоком премудрости.

Всякий человек проявляет в своих суждениях как понимание вещей, так и непонимание их, ошибки соседствуют с находками и открытиями. Блаженны те, кто знает свои пределы, где он ориентируется, и не спешит судить там, где он не знаток. Как и те, кто не останавливаются в развитии и накоплении знаний и мастерства – их область известного расширяется, в благодарность природа увеличивает и его срок жизни, не говоря о том, что свою более долгую жизнь они проживают с большим интересом. Признание себя некомпетентным там, где не знаешь предмета, стимулирует к освоению и этой области, но те, кто лезут в спор лишь желая самоутвердиться, остаются принципиально невежественными, хотя бы и были экспертами в чём-то – их главный интерес уже не в развитии и не достижениях, а лишь в желании иметь регалии, получить какую-то долю уважения, свой "кусочек жизни".

После этого промаха, разумеется, не зная об этом, Елиуй снова высказывает весьма ценные соображения и наблюдения – голова у парня всё же светлая, и перспективы очень неплохие, и что из него получится потом – зависит от его выбора, что он поставит главным для себя.

Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз – во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе.

Тогда Он открывает у человека ухо и впечатляет Своим наставлением, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом. Или он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих, и жизнь его отвращается от хлеба и душа его от любимой пищи. Плоть на нём пропадает, так что её не видно, и показываются кости его, и душа его приближается к могиле и жизнь его – к смерти.

Мне тут интересно, что видел сам Елиуй об этом событии и своём участии в нём... Или хотя бы что думал, выходя вперёд. Я вполне согласен с тем, что он здесь говорит, хотя это и не универсальная процедура, у Бога немало подобных средств для приведения человека к разуму.

Говоря об этих своих находках, предмете его гордости и уверенности, и небезосновательно, Елиуй впадает в какую-то непоследовательность – то он говорит Иову "молчи, я буду говорить", то в следующий миг "говори, если есть что сказать"... Конечно, возможно, Иов сделал некое движение, как бы имея возражение или ответ, и в следующий миг передумал. Но для Елиуя и это было плохой характеристикой в глазах окружающих, так менять свои слова не добавляет авторитета у аудитории. Хороший оратор бы включил реакцию из зала в свои расчёты, а Елиуй оказался не готов. Иов, в первый миг отреагировав на сказанное, решил, видимо, что отвечать такому человеку будет не правильно, а может быть даже он намеренно своим импульсом сбил Елиуя с толку, показывая собравшимся несостоятельность Елиуя как знатока и неумелого оратора. Сила и влияние Иова не исчезла под влиянием болезни и потерь. Елиуй усугубляет своё положение, набирая отрицательный очки, когда после "молчи", затем "говори", снова говорит Иову молчать... Практически, "стой там, иди сюда".

Впрочем, основного заряда он не потерял, и хотя и смущаясь от этого сбоя, обращается к аудитории практически заново, как будто до этого и не говорил:

Выслушайте, мудрые, речь мою, и приклоните ко мне ухо, рассудительные! Ибо ухо разбирает слова, как гортань различает вкус в пище. Установим между собою рассуждение и распознаем, что хорошо.

Сейчас он строит речь уже с оглядкой и уже по всем правилам риторики, располагая к себе слушателей их причастностью к его расследованию ошибок Иова. Он клеймит его с яростью инквизитора:

Есть ли такой человек, как Иов, который пьет глумление, как воду, вступает в сообщество с делающими беззаконие...?

Он с лёгкостью квалифицирует его как злостного преступника, но не за совокупность его злых дел, а всего лишь за настойчивое утверждение своей правоты... Это предвзятость, для многих сигнал о неблагополучии в разбирательстве. При этом Елиуй делает ещё одну, куда худшую ошибку:

Потому что он сказал: нет пользы для человека в благоугождении Богу

Может быть, скажи это Иов на самом деле, ещё можно бы было что-то говорить, только вот это говорил вовсе не Иов, это слова Елифаза из его третьей речи... Как такая инверсия возникла в голове Елиуя? Он не сознательно искажает дело, в этом случае это был бы совсем другой разговор и другой человек, но и как ошибка это никуда не годится. Для авторитетного уважаемого человека такое непозволительно. Правда, никто из слушателей не стал ничего говорить, кто-то из нежелания трогать столь вопиющую профанацию диспута мудрецов, большинство же, пожалуй, даже не заметили проблемы. Иов же после такого вообще считал ниже своего достоинства что-то говорить, сам ложный тезис обвинителя обеспечивал его победу. Правда, был риск, что люди поддержат Елиуя, поверят ему, а не Иову.

То, что случилось с Елиуем, возможно, произошло и со многими другими слушателями. Увы, мозг человека, который "рад обманываться", на это способен. Если ошибка Елиуя кому-то выгодна возможностью обвинить Иова, то даже заметив, они промолчат. А могут и поверить, как будто так всё и было, что Иов сказал то, что ему несвойственно. Впрочем, здесь действительно есть какой-то гипноз, создающий иллюзию, обман, инверсию реально произошедшего, когда что-то сказал или сделал один, а приписывают это другому. Так на остановке хулиган стал придирааться к одному человеку и начал его бить. В ответ он получил хороший удар, и когда упал, то стоящая там же женщина вдруг обвинила защищающегося в хулиганстве... И, казалось бы, выглядела дама вполне прилично. Неудивительно, что "хороший" адвокат может повернуть дело так, что преступник начинает казаться невиноватым, а невинный виновным.

У меня личные счёты с этим явлением. У меня был период бурных взаимоотношений с родственниками из-за их неприятия того, во что я верил. Из-за этого кое-кто из них считал возможным, раз я в чём-то не такой, как все, обращаться со мной сколь угодно плохо, надеясь таким давлением перевоспитать, переломить, заставить. Какой это ад, можете себе вообразить, отчасти любой из нас знаком с этим. Там было такое, и не раз – долгий, очень долгий тяжёлый давящий разговор, чтобы я не ходил в свою церковь. Полчаса может быть и не очень долгий разговор, но когда суть разговора уместается в пару предложений, а остальное лишь повторение с усиливающимся нажимом, то и пять минут кажутся часом. А время бежит, которое можно было прожить намного веселее и интереснее, а тебя не отпускают, и держат, заставляя выслушивать это всё. Под конец разговора нажим спадает, тень становится вдруг снова нормальным человеком, и вроде уже можно идти, и он спрашивает, куда я собираюсь. В церковь... Он делает большие глаза и удивлённо спрашивает – "как, ты же обещал,

что больше туда не пойдёшь? Ты бесчестный человек, не держишь своё обещание!" Выглядело так, будто бы он в самом деле верит, что добился от меня нужного ему ответа. Конечно, может быть это был лишь приём оболванивания (скорее всего), но судя по многим другим случаям, я не исключаю, что он и в самом деле впадал в такой экстаз, в котором, пытаясь гипнотизировать меня, получал проблему себе, так что уже и не помнил реальности. Было и другое дело – как-то он обвинил меня, просто так, что я хочу продать кое-что из принадлежащих ему вещей. Я ощутил себя виноватым, хотя и мысли подобной никогда не было и даже после ощущения вины этого намерения не возникало. Чувство вины возникло на пустом месте... Такова сила веры, в данном случае ложной, внушаемой, искусственной реальности.

После этого Елиуй говорит немало красивых и правильных слов, однако все они были ради одного ложного утверждения, поэтому вместе с такой целью и они в его деле были ложью, как прикрытие лжи. Если многими правильными словами прикрывать ложную цель, то высказанные истины не будут истиной, хотя сами по себе они и верны и ими вполне можно пользоваться. Хотя иногда не хочется, на них остаётся память того соседства, когда их использовали для прикрытия недоброй цели. Поэтому многие против религии или христианства, оттого, что эти вещи служили в чьих-то руках злу. Истина от соседства со злом не теряет своих свойств, но в деле плохого человека использование правды для прикрытия неправды усугубляет его вину. За просто ложь он бы имел одно наказание, а за то, что маскировал обман хорошими вещами, получит намного большее наказание. Правда, как уже отмечалось, Елиуй как будто верил тому, что говорил, то есть он не лгал, а ошибался. Умысел был у того, кто использовал его, кто перевернул в его памяти события, хотя вина таких людей в невнимательности всё же есть, слушать надо более тщательно, чтобы не попасть в подобную историю.

Этот раздел речи Елиуй заканчивает ожидаемым образом:

Ты должен сказать Богу – я пострадал, и больше не буду грешить... А если чего не знаю, научи меня. И если я сделал беззаконие, то больше не буду.

Учит Иова как маленького, как его самого ещё недавно учили, делится опытом... Последнее, о неизвестном нарушении, мысль интересная, однако же очень спорная – дело в том, что за неизвестное преступление нет наказания, однако. "Где нет закона, там нет и преступления"³⁵... Нарушение неизвестного правила доставляет проблемы в силу того, что нарушена техника безопасности, но никак это не будет наказанием от Бога, который учитывает состояние и знания человека. Это государственные законы неумолимы – "незнание закона не освобождает от ответственности", хотя лучше бы было, если сформулировать это ближе к божественному порядку – "незнание закона не освобождает от последствий нарушения". Было бы мудрее и более гибко, хотя люди не могут судить намерения и мысли, и ссылка на незнание многими была бы использована во зло.

Стоит ещё сказать о неизвестном нарушении, хотя такого не должно быть, но всё же бывает – если человек не живёт высокосоциально, то он может не заметить нарушения вполне известного ему закона или правила... Знает, что то или это будет нарушением, однако же делает и может не отдавать себе отчёта, что совершил нарушение. Ему могут подсказать со стороны или же позже до самого дойдёт, если привык анализировать сделанное в конце дня. Но для случая с Иовом это не подходит, его разум работает надёжно и он в первую очередь ещё с самого начала своих проблем перебрал свою жизнь не один раз, как всякий добросовестный человек.

Сейчас Елиуй говорил к собравшимся об Иове, разоблачая его коварный характер, приписав ему слова Елифаза, а теперь возвращается к Иову и задаёт ему вопрос, на который не стал требовать ответа или дожидаться его, как и давать саму возможность ответить...

Считаешь ли ты правильным, что сказал "Я правее Бога?"

Иов этого не говорил. Это уже выводы из того, что он говорил, интерпретация. Сам он не думал, что так получится, за это он потом извинялся перед Богом, когда понял больше. Об этом уже говорилось, что оправдывая себя, он забыл принципы судебной практики. В наше время на Западе такой коллизии не возникло бы (но в некоторых восточных краях, кажется, принципы всё те же), но в те времена до этого ещё было далеко. Но следующие слова Елиуя опять ошибочны и непростительны:

Ты сказал: что мне пользы и какую я имел бы прибыль, если бы не грешил?

И вот опять – ну не Иов это говорил, а опять же Елифаз в той же третьей своей речи – как он слушал вообще? Но никто его не поправил, видимо, давая дураку влезть в проблему с головой. Елифаз мог бы возмутиться, зачем ты мои слова отдаёшь Иову? Или – "ты не согласен со мной, ты вместе с Иовом опровергаешь меня"? В самом деле, он спорит с Иовом о том, что сказал обвинитель Иова, и опровергая воображаемого Иова, подрывает авторитет Елифаза... Анекдот уже какой-то. И вдруг начинает переобуваться в прыжке:

Я отвечу тебе и твоим друзьям с тобою: взгляни на небо и смотри; возри на облака, они выше тебя.

Если ты грессишь, что делаешь ты Ему? И если преступления твои умножаются, что причиняешь ты Ему? Если ты праведен, что даешь Ему? или что получает Он от руки твоей? Нечестие твое относится к человеку, как ты, и праведность твоя к сыну человеческому.

Кажется, что он собирался опровергнуть эти слова, думая, что они принадлежат Иову, однако то, что он сейчас говорит, напротив – подтверждает их, теперь он продолжает идею, что лично Богу вроде бы и правда нет разницы – Его владения не уменьшаются и не увеличиваются из-за поступков людей... Тогда зачем было возражать – чтобы потом подтведить?

Он как будто попытался осветить сложность этого вопроса (хотя потерял нить того, что хотел сказать, заговорившись на темы того, что никто из страдающих обычно на Бога не жалуется, намекая этим Иову). Иов мог бы ответить на этот тезис Елифаза, что Богу вообще-то далеко не всё равно, что Он на самом деле принимает живейшее участие во многих наших делах. Христос позже сказал, какая бывает радость в небе, когда кто-то возвращается на Путь, и это понимали и древние, но эти люди почти утеряли такое представление о Боге, обыденная жизнь на Земле больше наводила именно на такие представления, что Бог далёк от человека и его переживаний, хотя они ошибочные.

Похоже, что Елиуй вдруг догадался, то ли сам, то ли по реакции некоторых, того же Елифаза, что сильно, просто очень сильно промахнулся с адресацией обвинения. Когда он сказал, что отвечает не только Иову, но и его друзьям, то это и был момент, когда он взглянул и на них, и заметил то ли знаки, то ли просто выражение лица Елифаза, и понял, что надо разворачивать телегу – он заехал совсем не туда. И поэтому попытался исправить впечатление – обвинив Иова, затем эти слова, которые собирался опровергнуть, начал подтверждать. Типа – "о, Елифаз, извини, это же ты говорил, да-да-да, ты прав... Вот если бы их сказал Иов, то я бы ему сейчас задал..." Натуральный балаган. Такой приём можно встретить в комедиях, но насколько же это древний, оказывается, поворот в сюжете.

Надо отдать должное Елиую, он выкручивается из сложных ситуаций мастерски, строя хорошую мину при плохой игре. Ему понадобилась пауза, мгновение на смену пластинки, и он отвлекает внимание слушателей на небо и облака, и пока слушатели изучали вид небес, перестроился. Его неудавшийся выпад в сторону Иова он компенсирует лишним обвинением:

... потому что гнев Его не посетил его и он не познал его во всей строгости, Иов и открыл легкомысленно рот свой и безрассудно умножает слова

Иов, слушая это всё, хотя и думал не отвечать на выпады постороннего, но здесь всё же как-то среагировал, такое переобувание Елифаза в воздухе удивило и возмутило его, и Елиуй, понимая, что если его сейчас прервут, то его репутация будет уничтожена. Поэтому он, ссылаясь на заявленные обширные темы и длину речи, пытается не дать Иову взять слово, заговаривает зубы:

Подожди меня немного, я покажу тебе, что я ещё имею сказать о Боге...

надеясь, что пока он будет всё задуманное проговаривать, а забалтывать он умел, утечёт много воды и в общем информационном шуме возражения по его промаху не будут столь заметны, чем если прерваться сейчас, а может быть и вообще забудут и простят. Но не простят, не спустят. Единственно что не накажут, дадут время пожить и понять больше, переоценить всё, чем жил до сих пор.

Он начинает новый раздел своей речи. Сбой всё же не прошёл ему даром и он начал говорить опять несколько сбивчиво, строит опять свою речь заново, заявляет о себе, как о знатоке.

Начну мои рассуждения издалека и воздам Создателю моему справедливость. Истинно, слова мои точно не ложь: перед тобой – совершенный в познаниях.

Он начал растекаться мыслью по поверхности, выступая как один из участников диспута мудрецов, раз уж попал на него и привлёк к себе внимание. Это специально, ему нужно время заговорить всех, нужно чтобы забыли его промах, и он явно обозначил, что будет говорить "издалека". Если бы не промах, он бы больше сосредоточился на Иове, но сейчас спасает себя.

Отведя душу в восхвалении Бога и перечислении Его дел, что у него отлично получалось, он успокаивается, и возвращается к Иову:

Он и тебя бы вывел на простор... и твой стол был бы наполнен туком, но ты переполнен суждениями нечестивых.

Такие суждения и осуждение – недалеко друг от друга...

как бы грозит пальцем он Иову. И дальше он также продолжает понемногу щипать Иова, выставляя его каждый раз злонамеренным человеком.

Пока он всё это говорит, те облака, на которые он пять минут (или меньше) назад обращал внимание аудитории, сгустились и пришли тяжёлые тучи. Елиуй, использующий всё к своей пользе, не пропускает это. Может быть это из творческого приёма "что вижу, то пою", но судя по дальнейшему развитию событий, эти картины туч и дождя чем-то сильно привлекают внимание, игнорировать их не получается. Елиуй говорит и об этом как о проявлении могущества Бога, что совершенная правда, но вместо славы у слушателей как сладкозвучного оратора он, вместе со всеми, ощутил ужас от впечатляющих молний и грома.

Вот, Бог велик, и мы не можем познать Его; число лет Его неисследимо. Он собирает капли воды; они во множестве изливаются дождем: из облаков капаят и льются обильно на людей.

Кто может также постигнуть протяжение облаков, треск шатра Его? ... Он скрывает в ладонях Своих молнию и повелевает ей, кого разить.

Треск её дает знать о ней; животные также чувствуют происходящее. И от этого содрогается сердце моё... Слушайте, слушайте голос Его и гром, исходящий из уст Его – под всем небом раскат его, и блеск его до краев земли!

На какое-то время всем казалось, что наступает конец света, но Елиуй не прекращает речь. Он и здесь пытается использовать всё для своей выгоды, хотя от страха перед буйством стихии на мгновение теряется. После того, как отгремел гром, на некоторое время установилась тишина, и Елиуй, стараясь не потерять свою долю почёта и внимания, через силу продолжает говорить... Бедный – Бог уже подошёл к их собранию, и решил послушать ещё, как этот ещё один обвинитель Его верного защитника будет вести себя. Елиуй мог ещё под влиянием мощных сил природы, вернуться к чистоте и здравому смыслу. Зачем ему это всё надо – в спорном случае, где некоторые вещи не очевидны, так упорно преследовать страдающего человека, против которого, казалось бы, ополчилось всё? Остался ли на Земле здравый смысл, хоть какая-то человечность, сострадание? Он даёт Елиую возможность, специально для него встряхивает всё и всех, чтобы помочь сопоставить свои цели с неизменностью и мощью природы. Некоторым это помогало, намёки срабатывают, но не в этом случае. Елиуй, кажется, из тех, кто и умирая будет продолжать утверждать своё собственное, когда и смысла в этом уже не остаётся, когда даже себе очевидна пустота поставленной цели.

Но Елиуй твёрд не хуже Иова. Точнее упрям. Передышку он использует опять же для самоутверждения, которое заключается в том, чтобы поучать Иова. Иов здесь жертва, и на ком отыгрываться, как не на нём?

Итак, Иов, стой и разумей дивные дела Бога.

Он задаёт ему вопросы, которые скоро задаст Иову и Бог, вдохновение раскрывает ему, несмотря на общую неправоту, удивительные вещи. Но мало задавать правильные вопросы. Елиуй пытается последний раз надавить на Иова вопросами из области знаний, которые людям недоступны – не очень честная стратегия:

Разумеешь ли равновесие облаков, чудное дело Совершеннейшего в знании? ... Ты ли с Ним распростёр небеса, твердые, как литое зеркало?

Но как давил на Иова он, так он вдруг ощутил на себе тоже давление, которое стало смущать его, сбивало с толку, наводило страх и ужас. Он вдруг меняет тон, он вдруг теряет цель обвинять и обращается к Иову как к тому, кто больше его и может как-то помочь. Может быть он хотел и здесь подколоть Иова, но получилось совсем не смешно – место их встречи накрыла сильная тьма.

Научи нас, что сказать Ему? Мы в этой тьме ничего не можем сообразить.

После такого признания давление немного отпустило, но Елиуй уже не возвращается к беззаботности, мысли о расплате завладели им, он стал думать о своей речи не как цели что-то сказать Иову, но о реальном смысле своих слов, о их значимости в глазах Бога. Это было как раз то, что нужно, Елиуй подумал о чём должен был думать как заявляющий о своей приверженности Пути Бога. Его последние слова обращены не к Иову с поучениями и требованиями повиниться, а ко всем. Хотя для него было бы намного правильнее закончить свою речь немного раньше. Но и так вышло неплохо – Елиуй как бы выступил глашатаем, открывающим выступление Бога. Бог пришёл с благим делом – возвестить Иову о конце его проблем, и было бы несоответственно кого-то наказывать при этом. И хотя Елиуй был неправ в целом, но от божественного присут-

ствия и ему перепало немного славы – Бог вдохновил его, добавил немного от Своего Духа, чтобы он достойным образом объявил о Посетителе их собрания:

Вседержитель! Мы не постигаем Его, Он велик силой, судом и полнотой правосудия. Он не угнетает. Поэтому да благоговеют перед Ним люди, да трепещут перед Ним все мудрые!

Елиуй не знал, что сейчас произойдёт, он невольно оказался глашатаем, его последние слова стали введением к тому, что случилось дальше. В наступившей из-за мощных туч тьме стал слышен шум вихря. К собравшимся здесь людям приблизился смерч, может быть не очень большой в диаметре, от большого было бы слишком много разрушений. Смерч остановился и встал, и за пределами вихря всё было спокойно³⁶. И из него все услышали голос. К ним пришёл Бог, как Иов и мечтал. Он снизошёл к этому собранию людей, но причиной визита был один из собравшихся. Собравшиеся поняли, что перед ними происходит очень нерядовое событие, и что их посетил сам Бог. Все молчали, и некоторый страх овладел всеми. Однако же Бог не желал создавать обстановку Страшного Суда, до этого ещё было очень далеко, и Он, как многие ораторы, придя поговорить о вещах серьёзных, начинает с небольшой мелочи, позволяющей немного разрядить обстановку. Первой репликой Бога была оценка того, что говорилось за минуту до Его появления, и она не была лестной. Но, к счастью, и не угрожающей, а даже немного сатирической. Всё, что Елиуй тут наговорил и все его старания удостоились реплики Сущего, начавшего говорить к собравшимся здесь:

Кто это, помрачающий Провидение (замысел, совет, мудрость, предприятие) словами без смысла?

Обращение направлено к Иову, к которому пришёл Бог. Он как бы спрашивает у Иова, вокруг которого и ради которого все и собрались, что это за человек сейчас выступал? – как он сюда попал? Последнюю речь, которую выслушивал Бог, говорил не Иов, но Елиуй, так что это оценка всего того, что наговорил этот незадачливый молодой человек, влезший в разговор не по статусу. Надеюсь, что он извлёк урок из Его оценки своих усердных трудов.

Это звучит шуткой, по крайней мере полушуткой, добродушным тоном, и теперь людям понятно, что никого здесь и сейчас наказывать не будут. Однако понятно, что разговор будет очень серьёзный, по мелочам Бог вроде бы не приходит. В эти времена многие были уверены, что увидеть Бога означает верную смерть, как подумал Маной, отец Самсона, но Бог не желал, чтобы о Нём так думали. Он максимально скрыл Себя от людей, прикрывшись облаками и стеной смерча, оставив лишь голос.

Но пора было переходить к делу. Иов выдержал испытание, он не принял сторону зла, ожесточившись, когда против него были все и всё на свете. Он прошёл через сильнейшее раздражение, но выстоял. Он сказал некоторые лишние слова, но это не было принципиальным, и прежде чем объявить о результатах испытания, а также просветить о причинах случившегося, нужно было выправить это лишнее.

Поскольку Иов, не желая того, задел честь Бога, ему пришлось выслушать ряд нелицеприятных вопросов, на которые он не мог ответить. Большинство из них таковы, что даже на простейшие из них, чтобы ответить, нужно было быть близким к божеству по возможностям, к тому же жить гораздо дольше, чем жили самые долгоживущие на Земле, к тому же желательно было родиться ещё до обустройства нашей планеты. Многие, читая эти первые главы беседы Бога с Иовом, думают, что Бог силой подавляет Иова, заставляет его забыть о своих вопросах к Нему. Не вижу, чтобы это было так уж точно, здесь Бог просто даёт понять, что Его обстоятельства гораздо более обширны, и что человеку трудно понять способности и возможности Бога, как и не-

36 Мне приходилось наблюдать подобный небольшой смерч, удивительное зрелище.

возможно объять все Его знания, поэтому даже если бы Он и хотел объяснить что-то Иову о его случае, сделать это будет затруднительно. Примерно как объяснить физическую природу Вселенной в полном объёме человеку очень слабо подготовленному... То есть объяснить Он бы мог попробовать, но вот наши возможности по охвату предмета были бы недостаточны. Читатели этой книги заранее знают завязку истории, и то даже они часто не улавливают оттенков смысла и расстановку акцентов, то сразу при всех объяснить Иову всё было трудно во всех смыслах. Но нужно было снять претензии, высказанные Иовом прилюдно и обострившие обстановку, что могло и даже уже давало в руки Люциферу некоторые возможности манипулирования результатами его происков по полному захвату нашего мира. Так что на протяжении двух глав уже Бог выступает как один из участников диспута мудрецов. И опять Иов выслушивает вещи, неудобные для себя или болезненные, но в отличие от друзей и тем более Елиуя, здесь нет обвинений, одни только вопросы. Хотя последний вопрос в начальной части речи Бога всё же обличающий:

Будет ли состязающийся со Вседержителем ещё учить? Обличающий Бога пусть ответит Ему...

Ощувив за время длительной речи Бога, дающей представление о несопоставимости масштабов личностей, свою реальную ограниченность, Иов может быть и не понял причин произошедшего с ним, однако самого присутствия Сущего, пришедшего к нему, уже было более чем достаточно. Каким бы малым Иов себя не ощутил, однако на его месте очень многие могли бы начать гордиться – это был единственный раз на всю историю человечества (лишь в начальный период истории было подобное, но тогда Бог вообще чаще посещал людей, однако с тех пор уже тогда утекло очень много воды и визиты Бога считались уже тогда невероятными), чтобы Бог явился, чтобы ответить на поставленный человеком вопрос, несмотря на то, что постановка вопроса была сомнительной, подрывающей Его авторитет. Одно это уже было победой Иова над всеми противниками, и то, что в глазах других Иову пришлось неловко, не меняло дела. Иов как раз даже в этом показал всем пример, как надо признавать неправоту и принимать вещи как они есть.

*Вот, я слаб и мал, что я отвечу Тебе? – Ложу руку на губы мои.
Я говорил один раз, но больше не буду. Даже дважды, но больше не буду.*

Две главы передают речь Бога к Иову, где Бог говорил о возможностях человека по сравнению с божественными личностями, но оставался вопрос о том юридическом парадоксе, где обращение Иова за справедливостью к Богу ставило под сомнение справедливость Бога, ибо будь признан правым Иов, то Бог оказался бы виноват. По идее, Иов раньше уже разрешил это положение, ещё при первой атаке дьявола, когда были уничтожены имущество Иова и его дети. Он тогда сказал важный принцип – от Бога можно принимать не только хорошее, но и плохое. Под длительным страданием он оказался не столь стоек, как заявил себя поначалу, и в минуту слабости попросил справедливости, создав этим обвинение Богу. Люцифер мог радоваться, его умение запутывать дела и выигрывать в наведении теней и сомнений и здесь сработало блестяще. В уравнении, представшем перед глазами Вселенной, в деле Иов vs. Сущий, отсутствовала одна деталь – за скобки был вынесен Люцифер, создавший всю проблему. В истории об этом освещено всё, мы читаем полную версию дела, нам всё выглядит иначе, но Иов не в курсе всех обстоятельств, для него реальность выглядит иначе, он видит, что проблемы пришли от Бога. Но прежде чем рассказать Иову всё и снять с Себя подозрения в неблагонамеренности к людям, Он хочет, чтобы замыслы Люцифера потерпели крах в корне – то есть чтобы люди вообще (не обязательно все, но хотя бы подобные Иову) не сомневались в Боге при сколь угодно плохо идущих делах, чтобы Иов снял претензию, случайно создавшую такой юридический казус, до того, как узнает все детали, это очень важно. Поэтому Иову стоило выслушать ещё примерно столько же не самых приятных для себя вещей.

Бог повернул дело так, как если бы Иов мог выиграть дело, быть объявленным правым и Бог бы вышел виновным – и вот что было бы дальше? Дальше нужно было бы наказать как-то виноватого или получить с Него компенсации, что всё равно является наказанием. Выше Бога нет никого, нет фигуры судебного Исполнителя, кто бы мог взыскать с Сущего штрафа или сделать что-то иное в наказание. Так что остаётся сам Иов, но каковы его возможности в этом направлении? Если Бог не захочет сам извиниться перед ним, то как Его принудить? Ситуация в принципе неловкая, неосуществимая, даже анекдотичная. И именно эту идею Бог озвучивает Иову в 40 и 41 главах, спрашивая о силе и способности Иова справиться с некоторыми творениями Бога, с левиафаном.

Ты хочешь ниспровергнуть Мой суд, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?

Такая ли у тебя сила, как у Бога?

Укрась же себя величием и славой – посмотри на всё гордое и смири его...

Тогда и Я признаю, что рука твоя может избавлять тебя.

И снова Иов произносит извинения, признаёт свою неправоту, снимая с Бога непреднамеренно образовавшееся обвинение, обнуляя всю работу, которую Люцифер так старательно сплетал столь давно. Иову действительно стыдно за несдержанность, он видел, что вполне мог продолжить быть терпеливым, как и вначале испытаний, и он был готов, пожалуй, пройти через всё ещё раз, чтобы больше не подводить Того, кому поклонялся и служил всем своим существом.

Я слышал о Тебе слухом, но теперь мои глаза видят Тебя. Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле.

Прежние старания Люцифера привели к уничтожению допотопной цивилизации, в этот раз он действовал гораздо осмотрительнее, действуя в рамках "сдержек и противовесов", устроенных Богом. Но и в этих условиях он сумел подвести мир к черте, когда он мог смело объявить мир своей вотчиной, по характеру полностью соответствующей его планам и желаниям. И всего лишь один человек встал у него на пути и обломал такую игру! Последние недомолвки между Иовом и Богом были разрешены и возможности так или иначе затрагивать Иова, вытребованные у Бога, кончились. Всё, в чём Люцифер, где клеветнически, где достаточно обоснованно, обвинял или презрительно отзывался о людях из плоти и крови, оказалось неверным. Тень, брошенная на человечество и на Иова, некогда придёт на него самого – он, хотя и не из плоти и крови, однако и у него есть основа, на которой базируется его личность, и ему самому предстоит узнать, как воздействие на природу живого существа влияет на его сознание. До этого ещё далеко, но всё же гораздо ближе, чем во времена Иова. И поможет ли ему вся его лживость и изворотливость? Он приучил людей верить даже лжи, известной, что это ложь, но сам смеётся над своими жертвами. Будет ли он смеяться над собой тогда?

Иов мечтал о защите со стороны Бога, о восстановлении своего честного имени, и он получил желаемое. Однако если бы не Бог, и не то, что его случай был первым в ряду подобных, то скорее всего здесь случилась бы трагедия. Но многие другие, кому досталось пройти подобным путём, не были избавлены, им пришлось пить эту чашу до конца, и они оставались верны, как и Иов, который хотя и надеялся на помощь, но также не был уверен, что она придёт, и был готов к бесславному концу (и зная о Продолжении). Больше же всего из неё досталось пить Христу, который и принимал решение дать дьяволу возможность пытать Иова, зная, что и Самому придётся пройти через это и что помощи Ему будет ждать неоткуда. Иов хорошо знал и понимал, что его беды ещё далеко не конец, что будет славное продолжение. Всё изменится, пусть даже после могилы. Христос предупреждал не бояться убивающих тело, то есть людей или тёмных сил этого века, но Того, кто может поднять снова и наградить за верность или наказать по настоящему. Пострадать несправедливо, незаслуженно – вещь очень нехорошая, однако же содержащая в себе некую особую славу, приобщающую к опыту Искупителя мира.

Восстановление

Бог пришёл далеко не для того, чтобы ткнуть Иова в ошибки, но чтобы прекратить явным, значимым образом издевательство, затеянное Люцифером больше над Ним, чем над Иовом. Правда, Иову пришлось тяжелее всех, и Бог не мог незаметно и по тихому защитить его, оставив его подвиг без награды. Перед собравшимися людьми и также перед небом, следящим за происходящим здесь, он раздаёт каждому согласно заслугам. Иову не прозвучали похвалы на словах, ему пришлось испытать стыд и выслушать заслуженные упрёки, однако дальше прозвучали слова, после которых все ощутили, насколько Иов выше всех собравшихся вокруг него людей. Закончив разбирательство с Иовом, Бог обратился к Елифазу:

Я сильно разгневан на тебя и твоих друзей за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как слуга Мой Иов.

Он не говорит, что Он готов с ними сделать, но эти трое лицемеров сидели, боясь шевелиться. Сущий не сказал, что они говорили одну лишь ложь или ересь, однако же из отдельных вполне правильных отрывков Истины они сумели соорудить нечто, что вызывало гнев Бога такой же силы, как и против явных лжи и обмана. Также были осуждены их нечестные побуждения – нельзя использовать праведные вещи для неправедных целей, особенно приписывать другим недобрые побуждения или поступки, не имея явных оснований. Он не стал разоблачать каждое их слово, но сказал, что только Иов может спасти их жизни, или если не было опасности их жизни, то из списков верных людей, из записей в книге Жизни, их имена будут удалены. Им нужно принести жертвы и после этого как-то поговорить с Иовом, чтобы он помолился за них. Было сказано, что только его просьба за них будет услышана. То есть их личные раскаяния не дойдут до Бога, и это очень плохо – они дошли до черты, откуда не возвращаются... Это был полный крах их обвинений, их самоуверенности и ханжества. Приятно, когда добро побеждает, когда оказывается сильнее и правее и, думаю, что если бы люди крепче держались за правду и добро, последовательно и системно, а не от случая к случаю, то такое случалось бы гораздо чаще. То, что в нашем мире присутствует зло и какими-то вещами или людьми правит дьявол, ещё не основание для того, чтобы они одерживали верх...

Непоследовательность в праведности и добре, частичная приверженность Богу создаёт вещи по своему куда более разрушительные, чем прямое зло и грехи. Когда полуправедное христианство отвращает целые поколения от Бога, создаёт своими делами основы для атеизма, для ненависти к Богу и к религиям без различия деталей и персоналий, это никак не лучше открытого и прямого восстания против Бога. В истории с Иовом раскрылось очень явственно, что скрытые сторонники Люцифера в лагере приверженцев Всевышнего работают только на Люцифера, хотя внешне кажется обратное. "Горит Мой гнев на вас" – это предупреждение как раз тем, кто снаружи выглядит благообразным и благочестивым. Снова стоит упомянуть символ Вавилона в Откровении, означающий отступнические церкви, возникшие как раз из масс таких Елифазов и Вилдадов, очень авторитетных в своей сфере людей.

Интересно, что потери Иова были возмещены и сам он полностью восстановлен лишь после того, как решил проблемы с друзьями. Думаю, что они были достаточно искренни, чтобы признать все свои промахи, да и в самом деле, после того, как верховный Судья объявил Иова правым, пусть и косвенно, то им пришлось допустить, что беды Иова были вовсе не наказанием за его предполагаемые тайные грехи. А также, наверное, обсудили и прочие аспекты своих споров в свете открывшихся соображений. Всё же их связывала некогда дружба, и она не потерялась и сейчас. Так что все проблемы всё же разрешились, и заблудшие вернулись на здравый путь, и теперь Иов с лёгким сердцем молился за друзей, благословляя их и не помня боли, что они успели причинить. После этого Иов ощутил себя полностью выздоровевшим, с его кожи сошли шрамы от язв, разве что только вес и физические силы вернулись не мгновенно.

После этого свидетели случившегося разнесли по всей их земле вести о произошедшем, о бедах Иова все уже были наслышаны, а теперь услышали и о том, как к нему приходил сам Бог для того, чтобы помочь ему. Тогда к Иову съехались и сошлись все родственники, друзья и знакомые, которых оказалось немало, кто в дни бед не появлялся у него. Конечно, вряд ли кто из них мог помочь ему тогда, но разделить радость успеха следовало – не поздравить с восстановлением означает примерно то же, что и выступить против во время неблагополучия... Иов с радостью принимал гостей и их поздравления, тому, что история эта закончилась хорошо, действительно были рады все. Каждый считал долгом сделать подарок серебряной монетой и золотым кольцом. Собранного оказалось немало, так что, прибавив к этому свои таланты хозяйствования, Иов разбогател в два раза больше, чем был до начала своих бед. Родились ещё дети, семеро сыновей и трое дочерей, о которых говорится, что они оказались самыми красивыми женщинами на Земле. И мало того, после выздоровления Иов прожил ещё сто сорок лет, увидев внуков и правнуков. О его возрасте, когда случились беды, не говорится, но нетрудно прикинуть, что он прожил лет до двухсот, если не больше.